

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина

Вестник

**Ленинградского государственного университе-
та имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3(15)

Санкт-Петербург

2008

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3 (15)

серия филология

Основан в 2006 году

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В.Н. Скворцов (главный редактор),
Е.С. Нарышкина (зам. главного редактора),
Н.В. Поздеева (отв. секретарь),
Л.Л. Букин, Т.В. Мальцева, Г.П. Чепуренко

Редакционный совет:

Т.Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Е.И. Колесникова, кандидат филологических наук, доцент;
С.А. Семячко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник;
А.В. Скворцова, кандидат филологических наук;
И.Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент (отв. за выпуск)
Л.И. Харченкова, доктор педагогических наук, профессор;
С.С. Шимберг, кандидат филологических наук, доцент;
В.А. Ямшанова, доктор филологических наук, профессор.

Отв. редактор А.А. Беляева
Редактор В.Л. Фурштатова
Технический редактор Е.В. Дворецкая

**ЖУРНАЛ ВХОДИТ В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ ЖУРНАЛОВ
И ИЗДАНИЙ, РЕКОМЕНДОВАННЫХ ВАК РФ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
РЕЗУЛЬТАТОВ ДОКТОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-23714**
Подписной индекс **36224**

Адрес редакции:
196605, Россия, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д.10
тел./факс: (812) 476-90-34
[http:// www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А.С. Пушкина, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

В.А. Андреева

Проблема языка в постмодернистском
литературном дискурсе.....7

А.Л. Вольский

Поэтическая герменевтика Н.О.Гучинской в контексте
развития герменевтики в России..... 14

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Е.А. Огнева

Компаративное моделирование номинативного поля
когнитивного сценария.....24

С.А. Панкратова

Когнитивное моделирование процессов
метафорического выбора
(на материале английского языка)33

ГРАММАТИКА

О.В. Белоног

Аспектуальные значения претерита пассива
в современных немецких научных текстах48

Т.В. Куралева

Экспрессивно-эмотивный потенциал инициального
союза *but* в художественном диалоге57

В.Л. Малахова

Механизмы языковой концептуализации отношения
посессивности64

Ю.Н. Мельникова

Структурно-семантические модели словосочетаний
в функции топонимов немецкого языка в диахроническом
аспекте.....70

Г.И. Перельман

О норме и вариативности конструкций с неличными
формами глагола в современном немецком языке.....77

Е.С. Петрова

Принцип HORROR AEQUI в английской грамматике 109

Н.П. Сухарева
Тождество и сходство как центрообразующие категории
отношения (на материале немецкого языка)..... 118

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Л.И. Зубкова
Проявление национально-культурного своеобразия
русских антропонимических формул..... 126

М.В. Ягодкина
Перевод рекламных текстов в аспекте межкультурной
коммуникации 137

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Ф.Н. Гукетлова
Человек как общественное существо в зеркале
зооморфных сравнений 145

Т.Н. Федуленкова, А.Н. Любова
Полисемия в компаративной фразеологии
(на материале английского и русского языков) 151

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

С.С. Тахтарова
Об эмотивно-экспрессивных смыслах
коммуникативного смягчения 158

ФОНЕТИКА

Е.М. Акулов
Восприятие ассимилятивных сочетаний французских
шумных согласных в зависимости от позиции
по отношению к ударению 167

CONTENTS

TEXT LINGUISTICS

V.A. Andreeva

Problem of Language in Postmodernist Literary Discourse7

A.L. Volskij

Poethic hermeneutics by N.O. Gutschinskaja within
the scope of developing the hermeneutics in Russia..... 14

COGNITIVE LINGUISTICS

E.A. Ogneva

Constructing the comparative model of nominative
field's structure of cognitive script24

S.A. Pankratova

Cognitive modeling of the metaphoric choice
(based on the lexis of the English language).....33

GRAMMAR

O.V. Belonog

Aspect meanings of the passive preterite in modern
German scientific and popular scientific texts 48

T.V. Kuraleva

Expressive and emotive potential of utterance initial BUT
in the dialogue57

V.L. Malakhova

Linguistic mechanisms of conceptualization of
possesive relations64

J.N. Melnikova

The structural-semantic models of German
word-combinations functioning as toponyms
considered in the diachronic aspect70

G.I. Perelman

About standards and variability of the constructions with
verbals in modern German.....77

E.S. Petrova

The Horror Aequi Principle in English Grammar..... 109

<i>N.P. Sukhareva</i> Identity and similarity as center forming categories of relation (based on the German language)	118
---	-----

THEORY OF TRANSLATION

<i>L.I. Zubkova</i> Revealing of national cultural peculiarities of Russian antroponymical formulas	126
<i>M.V. Yagodkina</i> Translation of the advertising texts in aspect of the intercultural communications	137

PHRASEOLOGY

<i>F.N. Guketlova</i> A human as a social being in zoomorphic culture codes	145
<i>T.N. Fedulenkova, A.N. Lubova</i> Polysemy in comparative phraseology (on the basis of English and Russian)	151

PRAGMALINGUISTICS

<i>S.S. Takhtarova</i> About emotive-expression meanings of the communicative mitigation	158
--	-----

PHONETICS

<i>E.M. Akulov</i> Assimilated French noise consonants perception depending on the position to the stress	167
---	-----

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

УДК 81'42
ББК 83.3-9

В.А. Андреева*

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: *дискурс повествователя, лингвистический редукционизм, постмодернистский литературный дискурс, самоидентификация*

narrative discourse, linguistic reductionism, postmodernist literary discourse, self-identification

В статье рассматривается влияние идей лингвистического редукционизма на постмодернистский литературный дискурс, которое проявляет себя, во-первых, в тематизации роли языка как способа самоидентификации и переживания субъектом целостности своей личности, во-вторых, в языковом стиле дискурса повествователя.

The article is devoted to the influence of the ideas of linguistic reductionism on postmodernist literary discourse, which manifests itself, firstly, in thematisation of the role of the language as a means of self-identification and the subject's experience of the integrity of his/her personality, and, secondly, in the language style of the narrator's discourse.

Как известно, постмодернизм воспринял лингвистический редукционизм аналитической философии, согласно которому мир получает логическую структуру только благодаря языку. А это значит, что границы мира человека определяются его языком: «Die Grenzen meiner Sprache bedeuten die Grenzen meiner Welt», – писал Людвиг Витгенштейн, автор «Логико-философского трактата» и подлинный вдохновитель аналитической философии [1: 5, 6, 89], видя в языке способ конституирования и мира, и личности.

Выражением постмодернистского эгоцентризма является вечное, но безуспешное стремление пишущего субъекта к обретению в процессе письма собственной субъективности и к ее отграничению от субъективности «Другого». Поэтому совершенно не случайно, что особое место в

* **Андреева Валерия Анатольевна**, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

парадигме постмодернизма занимает автобиографический дискурс, содержанием которого является история становления «Я» повествующего субъекта. Так, Г. де Бройн [2] называет свою автобиографию «Zwischenbilanz» «упражнением в произнесении "Я"» (ein Training im Ich-Sagen). Героиня автобиографического романа К. Вольф «Kindheitsmuster» [3] оказывается перед дилеммой – «остаться безмолвной» (sprachlos bleiben) или «жить в третьем лице» (in der dritten Person leben). Первое представляется ей невозможным, второе вызывает страх (Das eine unmöglich, unheimlich das andere).

Тема языка занимает центральное положение и в другом постмодернистском проекте – в феминистском дискурсе. Причем здесь тенденция к деструкции целостности субъекта когнитивно-речевой деятельности достигает наибольшего трагизма.

Так, героиня романа И. Бахманн «Malina» в конце повествования загадочным образом исчезает в стене кухни. Интерпретаторы романа справедливо видят в этой концовке проекцию на историю дочери царя Эдипа Антигоны, которую Креонт обрек на одиночество и молчание, приказав заживо замуровать за непокорность в гробнице [4]. В этом сопоставлении важна аналогия между утратой возможности и способности говорить и смертью.

Если говорящий (или пишущий) субъект обретает свою идентичность только в процессе дискурсии, в которой он определенным образом интерпеллирован, иначе говоря, его позиция зависит от обращений к нему других субъектов [5: 71], то вне дискурсии он эту идентичность теряет.

Для героини романа И. Бахманн *жить* означает *говорить и писать*:

(1) Wenn Ivan auch gewiß für mich erschaffen worden ist, so kann ich doch nie allein auf ihn Anspruch erheben. Denn er ist gekommen, um die Konsonanten wieder fest und faßlich zu machen, um die Vokale wieder zu öffnen, damit sie voll toenen, um mir die Worte wieder über die Lippen kommen zu lassen, um die ersten zerstoerten Zusammenhänge wiederherzustellen und die Probleme zu erloesen... [6: 29].

«Я» повествующему и переживающему в романе И. Бахманн противостоят образы «других», а именно, три мужских образа – отец, Иван и Малина, – каждый из которых по-своему воспроизводит патриархальный миф о женщине как существе, не обладающем собственной историей и собственной субъективностью. В дискурсивных отношениях с «другими» женское «Я» надеется обрести свою субъективность. Между тем, эти отношения оказываются невозможными, потому что отец – это фигура сновидений, Малина, воплощенный разум, не в состоянии понять чувства рассказчицы, а Иван абсолютно равнодушен к ним. Общение рас-

сказчицы с Иваном сводится к предложениям (Telefonsaetze, Beispiel-saetze, Muedigkeitssaetze), которые со временем приобретают характер ритуала и потому не могут выразить чувств человека.

(2) Es fehlen uns noch viele Satzgruppen, über Gefuehle haben wir noch keinen einzigen Satz, weil Ivan keinen auspricht, weil ich nicht wage, den ersten Satz dieser Art zu machen [6: 136].

Границы мира героини сужаются, потому что сужаются границы ее языка. Написанные, но неотправленные письма свидетельствуют о потере ею веры в силу языка. Ее история – это история нарастающего одиночества, утраты способности и желания выразить себя в языке, что равносильно смерти.

Губительная роль языка, закрепляющего фалло-логоцентризм с его установкой «на приоритет мужского начала над женским и вытеснение женского голоса из реального многоголосия текстов культуры» [7: 88], является темой двух незавершенных романов И. Бахманн «Requiem für Fanny Goldmann» и «Der Fall Franza», которые вместе с романом «Malina» по замыслу писательницы должны были составить цикл «Todesarten».

Возлюбленный Фанни Голдман пишет роман о ее жизни. Внутренний мир Фанни, ее личная история записывается и выносится на суд публики, что лишает героиню собственной истории и собственной субъективности. Текст романа, то есть язык, разрушает ее «Я». Роман о жизни Фанни становится реквиемом по ней.

Муж-психоаналитик превращает жизнь своей жены Францы Йордан в историю болезни. Курс психотерапии, главным инструментом которого, как известно, является язык, ввергает Францу в истерию, уничтожает ее духовно и физически:

(3) Ihr Denken riß ab, und dann schlug sie, schug mit ganzer Kraft, ihren Kopf gegen die Wand in Wien und die Steinquader in Gizeh und sagte laut, und da war ihre andere Stimme: Nein. Nein [8: 135].

Для интерпретации постмодернистских текстов большое значение имеет также их языковой стиль, в котором отражается постструктуралистский постулат о непрерываемом процессе структурирования и означивания в письме, то есть в языке. Один из столпов постструктурализма как философской основы постмодернизма Ж. Деррида называл бессубъектное письмо женским и считал деконструкцию способом преодоления оппозиции «мужское» / «женское» начала [9: 101].

Следующая цитата из романа Э. Елинек «Lust» является квинтэссенцией постструктуралистской концепции языка как не зависящей от воли говорящего субъекта игры в «означивание», когда «случайное» сцепление сигнификантов порождает новые сигнификаты, когда то, что

мы обнаруживаем в письме, есть «"нелогическая логика игры", представляющей собой игру мира» [10: 137]:

(4) Die Sprache selbst will jetzt sprechen gehen! [11: 28].

Эта фраза является вариацией известной хайдеггеровской формулы «Die Sprache spricht». Э. Елинек виртуозно воплощает этот философский постулат в языковом стиле своего романа:

(5) Das Kind weiß alles. Es ist weiß und hat ein braunes Gesicht von der Sonne. Am Abend wird er dann sattgebadet sein und gebetet und gearbeitet haben [11: 28].

В приведенном фрагменте нарушена семантическая валентность, поэтому он производит впечатление формально бессвязного. Для адекватной семантической интерпретации каждого высказывания в этой последовательности опора на контекст оказывается малопродуктивной. Связь между предложениями осуществляется здесь не на уровне семантического согласования, а на формальном уровне, в данном случае – на звуковых повторах – ассонансах (последовательность a/au/ei воспроизводит звук [a]) и аллитерациях (определенно, притягивают внимание повторы [s], [b] и [n]). Повтор weiß (знает) / weiß (белый, бледный) также основан не на смысловой, а на звуковой связи: это не буквальное, а омонимическое (точнее, омофонное) повтор. В масштабе текстового целого этот повтор позволяет увидеть в отношениях матери и сына все тот же скрытый и непримиримый конфликт между мужским и женским началом: малолетний сын Герти проявляет интерес к сексуальной жизни родителей (Das Kind weiß alles), подглядывая за ними в замочную скважину, кроме того, он проявляет интерес к телу матери (намек на «эдипов комплекс»). Герти растит будущего мужчину, а значит, будущего тирана, мучителя и насильника, что, собственно, и станет мотивом детоубийства, которым завершается роман.

Звуковые комбинации стимулируют смысловую прогрессию текста. Так, нарушение семантической валентности в словосочетании die strengen «Schweiße der Schulangst» [12: 70] компенсируется звуковыми эквивалентностями – повторами звуков [s], [ʃ] и [ŋ]. Звуковые эквивалентности могут организовывать обширные фрагменты текста, как это происходит в воспоминаниях повествователя о кадетской школе в романе В. Кеппена «Jugend»:

(6) Der Raum ist groß, er ist kalt, er ist auf eine kalte Art warm, er ist dunkel, die schwarzen Moebel machen den Raum dunkel, die schweren schwarzen Moebel machen den Raum nicht klein, sie machen ihn zu einem Gebirge, die schweren schwarzen Moebel bilden Fronten, der Schrank droht dem Tisch, der Tisch bockt gegen den Sessel, die schweren schwarzen Moebel sind Festungen aus festem schwarzspiegelndem Holz, große schwarze Ritter und kleine schwarze Gefangene spiefelstechen, kleine schwarze Ritter und

große schwarze Ungeheuer spiegelfechten, der schwarze Schreibtisch steht auf schwarzen Loewenfueßen, die gedrechselten schwarzen Loewenfueße krallen sich in den schwarzen Teppich ein, gerissen liegt die Wolle des schwarzen Lamms unter den schwarzen Fueßen, die schwarze Polstertuer schließt das schwarze Universum, draußen bleibt die leiernde lernende leidende Stimme der Klassen... [12: 68-69].

Воспоминание о школе вырастает здесь в фантазмагорическую картину из детских ночных кошмаров. Вместе с тем в ритмической схеме, звуковых и лексических повторах (звук [ʃ] в die schweren schwarzen Moebel) угадывается детская страшилка, с помощью которой дети преодолевают свои страхи. Как правило, интерпретация начинается с анализа слова как значимой единицы языка, здесь же внимание притягивают к себе, прежде всего, звуковые повторы, которые и становятся смысловыми опорами интерпретационной программы.

Повторы разных уровней лежат в основе ритма как поэзии, так и прозы. В многомерном и сложном в своем построении повествовании в романе И. Бахманн «Malina» средством ритмизации становится синтаксический параллелизм:

(7) Obwohl es einmal alle wußten, aber da es heute keiner mehr weiß, warum es heimlich zu geschehen hat, warum ich die Tuer schließe, den Vorhang fallen lasse, warum ich allein vor Ivan trete, werde ich einen Grund dafuer verraten. Ich will so, nicht um uns zu verbergen, sondern um ein Tabu wiederherzustellen, und Malina hat es verstanden, ohne daß ich es ihm erklæaren mußte, denn sogar wenn mein Schlafzimmer offensteht und ich allein bin oder er ganz allein in der Wohnung ist, geht er vorueber und zu seinem Zimmer, als stuede da nie eine Tür offen, als waere nie eine verschlossen, als waere da gar kein Raum, damit nichts profaniert wird und die ersten Kuehnheiten und die letzten sanften Ergebnheiten wieder eine Chance haben. Auch Lina raeumt hier nicht auf, denn niemand hat dieses Zimmer zu betreten, nichts ereignet sich und eignet sich dazu, preisgegeben, seziert und anlysiert zu werden, denn Ivan und ich schleifen, raedern, foltern und ermorden einander nicht, und so stellen wir uns einer vor den anderen und schützen, was uns gehört und nicht zu greifen ist. Weil Ivan mich nie fragt, nie mißtrauisch ist, mich nie verdaechtigt, schwindet mein Verdacht. Weil er die zwei widerspenstigen Haare am Kinn nicht mustert, auch die zwei ersten Falten unter den Augen nicht notiert, weil ihn mein Husten nach der ersten Zigarette nicht stoert, er mir sogar die Hand auf den Mund legt, wenn ich etwas Unbedachtes sagen will, sage ich ihm in einer andren Sprache alles, was ich noch nie gesagt habe, mit Haut und Haar, denn nie wird er wissen wollen, was ich tag-

sueber tue, was ich frueher gemacht habe, warum ich erst um drei Uhr früh nach Hause gekommen bin, warum ich gestern keine Zeit hatte, warum das Telefon heute eine Stunde lang besetzt war und wem ich jetzt antworte am Telefon, denn sowie ich ansetze mit einem gewoehnlichen Satz und sage: Ich muß dir das erklæaren, unterbricht Ivan mich: Warum, was mußt du mir erklæaren, nichts, ueberhaupt nichts, wem mußt du etwas erklæaren, doch mir nicht, niemand, denn es geht niemand etwas an – [6: 30-31].

Более половины элементарных предложений в приведенном фрагменте задействованы в структурах, воспроизводящих сходную синтаксическую модель (однотипные придаточные предложения, инфинитивные обороты) и содержащих к тому же лексические и морфологические повторы. Эти повторы обеспечивают целостность текста не только благодаря смысловым, но и, не в последнюю очередь, благодаря формальным связям, создающим его особый ритмико-структурный облик.

В текстах, построенных на нарушениях лексико-грамматической связности, именно ритм становится основой текстуальности, выполняя роль ресурса для преодоления хаоса, возникающего в результате нарушения семантического согласования. Ритм оказывается метонимичен смыслу, поэтому зачастую создается иллюзия «внутренней жизни текста» [13: 10], не зависящей от говорящего и пишущего субъекта: «...форма текста существует в неосознаваемом человеком ритмико-структурном облике и фиксирует глубинные структурные уровни речевой способности человека» [14: 9].

В синергетике, категории которой в последнее время все чаще используются в теории текста, повторы разных уровней рассматриваются в качестве «креативных аттракторов», понимаемых как «зона гармонизации симметрии и асимметрии, организации и самоорганизации текста, зона притяжения всех элементов текста, позволяющая ему существовать как целому, одновременно допуская возможность его пребывания в состоянии относительной стабильности и перехода к иному состоянию» [15: 55].

Итак, постмодернистский дискурс о языке проявляет себя, во-первых, на содержательно-тематическом уровне – в тематизации роли языка как способа самоидентификации и переживания субъектом целостности своей личности или ее «раздвоения» и даже упадка, в структуре субъекта когнитивно-речевой деятельности, в фабуле и ее реализации на сюжетно-композиционном уровне;

во-вторых, в языковом стиле дискурса повествователя, становящемся семантически значимым фактором формирования «упорядоченности» в хаосе случайных ассоциаций как основы повествования и стержнем интерпретационной программы для образцового читателя.

Список литературы

1. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. Logisch-philosophische Abhandlung / Redaktion Günther Büsch. – Frankfurt/Main, 2001.
2. Bruyn G. de. Zwischenbilanz. Eine Jugend in Berlin. – Frankfurt-am-Main, 1994.
3. Wolf C. Kindheitsmuster. – München, 1995.
4. Hildesheim D. Ingeborg Bachmann: Todesbilder. Todessehnsucht und Sprachverlust in «Malina» und «Antigone». – Berlin, 2000.
5. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2004.
6. Bachmann I. Malina. – Frankfurt-am-Main, 1996.
7. Маяцкий М.А. Деконструкция // Современная западная философия: Словарь / сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М., 1991.
8. Bachmann I. Der Fall Franza // Bachmann I. Todesarten: Malina und unvollendete Romane / Werke in 3 Bd. Hrsg. v. Christine Koschel, Inge v. Weidenbaum, Clemens Münster. Bd.3. – München/Zürich, 1978.
9. Lindhoff L. Einführung in die feministische Literaturtheorie. – Stuttgart, 1995.
10. Гурко Е., Деррида Ж. Деконструкция: тексты и интерпретации. – Минск, 2001.
11. Jelinek E. Lust. – Reinbeck bei Hamburg, 1989.
12. Коеппен W. Eine Jugend. – Frankfurt-am-Main, 1976.
13. Мышкина Н.Л. Внутренняя жизнь текста: Механизмы, формы, характеристики. – Пермь, 1998.
14. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 1999.
15. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. – Барнаул, 1999.

А.Л. Вольский¹

ПОЭТИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА Н.О. ГУЧИНСКОЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГЕРМЕНЕВТИКИ В РОССИИ

Ключевые слова: аллегорический смысл, герменевтика, интерпретация, исторический смысл, Логос, метафора, метод, типологическое толкование.

allegorical sense, hermeneutics, interpretation, historical meaning, Logos, metaphor, method, typological interpretation

В статье речь идет о концепции филологической герменевтики проф. Н.О.Гучинской. Данная концепция, в основе которой лежит богословское учение о Логосе, рассматривается в контексте развития герменевтики в России. В статье показаны истоки и основные идеи данной герменевтической концепции. Н.О.Гучинская понимает герменевтику как творческий метод толкования, следуя традициям романтизма.

The article deals with the conception of philological hermeneutics. This conception based on the theological doctrine of the Logos was worked out by Prof. N.O. Gutschinskaja in the context of the development of hermeneutics in Russia. The origins and the main ideas of this conception are regarded in details. Prof. N.O. Gutschinskaja understands the hermeneutics as a creative method following to romantic tradition.

Основоположником петербургской школы филологической герменевтики была заведующая кафедрой германской филологии РГПУ им. А.И. Герцена, профессор Нина Олеговна Гучинская (1937-2001), которая в течение ряда лет (1987-2001) вела на факультете иностранных языков семинар по герменевтике Нового завета и герменевтике поэтического текста. Ее герменевтическая концепция изложена в ряде концептуальных статей [1: 44-64; 2: 109-118; 3: 119-124] и наиболее полно в монографии «Hermeneutica in nuce» [4], которая вышла посмертно в 2002 г.

В основе концепции Н.О. Гучинской лежит богословско-философская герменевтическая традиция, идущая от Платона и библейской экзегезы до поэтической философии М. Хайдеггера, перевод

* **Вольский Алексей Львович**, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

«Введения в метафизику» которого Н.О. Гучинская осуществила, и философской герменевтики Г.-Г. Гадамера. Внутри этой традиции для петербургской школы приоритет имеет романтическая герменевтика Фр. Шлейермахера, братьев Авг. и Фр. Шлегелей, филологическая теория, идущая в Германии от И.Г. Гамана и И.Г. Гердера, восходящая к В.ф. Гумбольдту и в 20 в. – к М. Хайдеггеру.

Какое место занимает герменевтическая концепция Н.О. Гучинской в истории и теории отечественной герменевтики? Следует сказать, что герменевтика для России не является чем-то абсолютно новым, однако она долгое время не называла себя этим именем и существовала, как писала Н.О. Гучинская, «под видом другой теории» [4: 16]. Среди этих теорий выделяются три, возникшие фактически одновременно: первая линия – *богословско-философская*, опиравшаяся, прежде всего, на мистическое богословие Православной церкви (о. П. Флоренский, о. Сергей Булгаков, А.Ф. Лосев – т.н. имяславие). Вторая линия – феноменологическая, связанная с традициями западной герменевтики и гумбольдтианства (Г.Г. Шпет). Г.Г. Шпет – не только теоретик, но и историк герменевтики. Третья линия – лингвопоэтическая, представленная работами Русской формальной школы с ее учением о поэтическом языке как одухотворенной форме. Философское имяславие, феноменология и ОПОЯз не были только умозрительными. Они выступали как языковое осмысление живой духовной традиции: мистического опыта Восточной Церкви, индивидуального психологического опыта и художественного опыта нового искусства – литературного авангарда.

Когда идеологический запрет был снят и герменевтика смогла выступить под своим настоящим именем, то в России образовались четыре герменевтические школы – московская (А.В. Михайлов и В.В. Биbihин), пятигорская (В.П. Литвинов, О.В. Карасев, Т.Н. Снитко), тверская (Г.И. Богин, Н.Л. Галеева и А.А. Богатырев), а также санкт-петербургская школа (Н.О. Гучинская, С.Р. Абрамов, А.Л. Вольский). В то время как московская школа, опиравшаяся на традицию немецкой философской герменевтики, изучала, следуя традиции Г.Г. Шпета, историю классической герменевтики, трансцендентальные условия понимания с учетом его историзма и возможности построения исторической поэтики, пятигорская школа стремилась к синтетическому осмыслению литературного произведения на основе широкого семиотического и философского подхода, Тверская и петербургская школы были «филологичнее» в том смысле, что ориентировались на текст как художественно-языковое единство и его толкование. Для них герменевтика была живым методом интерпретации текста, методом познания его стиля [1: 50].

Видя цель герменевтики в понимании текста, эти школы шли к ней все-таки по-разному. Герменевтический анализ для Г.И. Богина и его школы имеет своим результатом понимание текста, под которым он по-

нимает процесс рефлексивного овладения его содержанием. Понимание предстает как двуединый процесс, в котором выделяется две стороны – процессуальная и субстанциальная.

Процессуальная сторона понимания состоит из множества действий, процедур и техник, применяемых для достижения понимания. К числу таких техник Г.И. Богин относит дивинацию, феноменологическую редукцию, технику разрыва герменевтического круга и др. Множественность техник понимания объясняется тем, что «...единой техники понимания не существует» [5: 63]. Все эти техники понимания восходят к родовому понятию направленной (ноэватической) рефлексии, которая лежит в основе всей процессуальной стороны понимания текста.

Рефлексивный процесс толкования и перетолкования текста есть бесконечный процесс, последовательное становление и приращение нашего знания о нем. Оно отражает процесс самопознания самого толкователя, который через приобщение к тексту познает и себя тоже.

Содержание текста есть понятие комплексное, включающее в себя всю систему значений, содержаний, смыслов и смысловых связей данного текста. Весь этот семантический комплекс образует т.н. «субстанциальную» сторону понимания [5: 61].

Если для процессуальной стороны понимания фундаментальным было понятие рефлексии, то для субстанциональной стороны таким понятием выступает смысл. Исследуя это понятие, Г.И. Богин опирается на лингвистическую теорию значения. На ее основании разрабатывается типология различных уровней категоризации смысловых концептов текста, которые образуют триаду: значение – смысл – художественная идея. Художественная идея – высшая точка смысловой категоризации текста «внутренняя сторона совокупного художественного образа, представленного художественным текстом» [5: 92].

В тексте все содержательные элементы, вплоть до его сюжета, предстают как элементы «опредмеченного» (объективированного) в тексте смысла. В соответствии с данными уровнями выделяются и уровни понимания: семантизирующий, когнитивный и смысловой. Только понимание третьего уровня выводит толкователя к художественной идее, оно является «распредмечивающим», т.к. состоит в «переводе (вербализованных в тексте – А.В.) смыслов текста в состав смыслов реципиента» [5: 83]. Однако оно не может быть получено в обход первых двух и должно согласовываться с ними. Проверка происходит в самовопрошании: «Я понял, но правильно ли я понял?»

Если герменевтика тверской школы с ее строгими границами между уровнями текста и различением техник понимания была больше рационально-грамматической, то Н.О. Гучинская искала в ней, прежде всего, ассоциативно-интуитивное и художественное начало, что подтверждается не только композицией и самим стилем ее работ, но худо-

жественными переводами, которые органично дополняли ее научную теорию.

Герменевтика понимается Н.О. Гучинской как триединство теории, истории и метода. В основании герменевтической науки лежит т.н. поэтическая теория языка, истоки которой лежат в богословской идее Логоса [2: 109; 3: 22-27]. Логос – Слово, коим Бог сотворил мир, Слово Творца. По аналогии с творением бытия человек творит имена (язык). Этот акт языкотворчества и есть первопоэзия. Слово «поэзия» нуждается здесь в уточнении. Вспомним, что греческое «ποίησις» означает «творить». Поэтическая теория языка толкует поэзию как сущность языка, и происхождение языка усматривает также в творчестве. Эта герменевтическая теория, теологически оформленная Бл. Августином [6: 422-432], в Новое время в Германии была разработана в работах Гамана, сформулировавшего знаменитый тезис «поэзия есть родной язык человеческого рода» [7: 190], его ученика Гердера [8], романтиков (Авг. и Фр. Шлегеля, Фр. Шлейермахера, Новалиса, Фр.В.И. Шеллинга, Я. Гримма) [9], получив свою не только философскую, но филологическую разработку в языковой теории В.ф. Гумбольдта, трактовавшего язык в его сущности не как некое незыблемо существующее, данное произведение (*Werk*), а как творчество, энергию духа [10: 418].

В генезисе прафеноменом человеческого языка был миф как первопоэзия. Но данная теория не останавливается только на генезисе языка, но дает толкование его дальнейшей эволюции. Она состояла в том, что естественная поэзия языка (*Naturpoesie*), миф, в котором образ, звук и обозначаемое, были слиты, под влиянием развития логико-дискурсивных форм мыследеятельности, распался, утратив свою изначальную выразительность, которая, однако, *восстанавливается* в поэзии как искусстве (*Kunstpoesie*). С помощью метафорического языка в тексте творятся имена вещей, образующих новый языковой мир, т.е. новый миф, который в отличие от своего прототипа имеет индивидуальную, т.е. рефлексивную природу.

Антиномия между означаемым и означающим, миром и языком, словом и обозначаемой вещью, снимается в третьем члене, коим является поэзия как явление духа и поэтическом тексте как форме его воплощения. А из этого следует: поэтический текст есть языковая форма толкования бытия. Так, М. Хайдеггер назвал произведение искусства «местом, в котором истина вводит себя в творение» [11: 73]. Язык, под которым он в синхронии понимал, прежде всего, язык поэтический, был для него «домом бытия» [12: 60]. Его идеям следует и Г.-Г. Гадамер, согласно которому «язык и есть то бытие, которое человек понимает» [6: 478].

Будучи учением о поэзии, герменевтика, как было сказано, является и *методом* понимания поэтических текстов. При этом понимание

также имеет творческий характер. Эта идея, возникшая в богословии, была теоретически обоснована романтиками в их учении о поэтической критике (Фр. Шлегель), интуитивном понимании (Фр. Шлейрмахер), понимании как сотворчестве читателя автору (Новалис).

Текст является первичным объектом герменевтического анализа. Аналогию опять можно почерпнуть из богословия: еще М. Лютер сформулировал принцип *sola scriptura* о приоритете Писания над Преданием, т.е. текста над толкованиями, провозгласив, что «писание само себя толкует» – *Scriptura sui ipsius interpres*. Это не должно вводить в заблуждение: толкование текста не исключает, наоборот, предполагает обращение к таким категориям как творчество автора, его индивидуальный стиль, стиль литературного течения, жанровая форма, метафора или ритм, звукопись, т.е. вся лингвопоэтическая система текста. Здесь мы подошли к главному методологическому принципу герменевтики – герменевтическому кругу.

Как эвристический принцип, герменевтический круг есть диалектика части и целого. Часть познается только в связи с целым, а целое – из совокупности частей. При анализе эта диада преобразуется в триаду: часть – целое – часть, либо целое – часть – целое. Для того, чтобы познать целое, нужно разбить его на части, познать каждую часть в ее органической связи с остальными частями и осознать ее место внутри целого. Поскольку целью герменевтического анализа является все же текстовое целое, было бы более правильным говорить не о герменевтическом анализе, а о герменевтическом синтезе. Именно так и понимал герменевтическое действие (*Verfahren*) создатель современной герменевтики Фр. Шлейрмахер, когда писал о понимании как о *воссоздании* произведения (*Nachkonstruieren*) [13: 93].

Рассматривая поэтический текст в качестве исходной точки толкования, мы, разложив его на части, обнаружим в нем и определенную жанровую форму, и принадлежность определенному литературному течению, и отпечаток индивидуального стиля, создавшего его автора, которые являются частями по отношению к вобравшему их тексту. Но эта логика может быть и иной, если цель меняется: если мы полагаем в качестве конечной цели изучить, например, стиль Р.М. Рильке, то в этом случае частью становится текст, а целым – творчество автора. Так, «Сонеты к Орфею» будут рассматриваться как частная реализация возможностей жанровой формы сонета, другими частями которой являются сонет классицизма, барокко, экспрессионизма, сонет Бехера как индивидуальная вариация такового и т.д. Круг этим не замыкается, ибо от немецкого сонета мы можем перейти к сравнению с русским сонетом и европейским. Возможность наращивания кругов зависит, конечно, от *эрудиции* толкователя. Но от его интуиции зависит умение этот круг усмотреть и в него войти [13: 80-81].

При таком творческом подходе все элементы как формальной, так и содержательной структуры текста (метафора, звуковой повтор, жанр, литературное течение и т.п.) становятся *функционально* равноправными, проявляя тем самым единство формы и содержания внутри поэтического текста. Если, вслед за Хайдеггером, мы будем толковать логос как собирание фрагментов языка к его первоисточку, синхроническим аналогом которого выступает поэтический текст, то вторично, т.е. рефлексивно, такое собирание осуществляется и при движении по герменевтическому кругу. В толковании мы связываем отдельные художественные элементы в единую систему, воссоздавая произведение искусства в тексте толкования, осуществляя тем самым перевод языка искусства на язык научного дискурса.

Итак, идея Логоса определяет в герменевтике науку и метод толкования. Но она типологически определяет и историю развития литературного процесса.

Исток духовности следует искать также в Логосе, а самый процесс ее становления есть череда языковых иерархически организованных перетолкований исходного Откровения, которую Н.О. Гучинская подразделяет на несколько этапов.

Первый этап – это само Писание, возникшее как результат сотворчества Бога и человека, итог их синергического взаимодействия. Высшей точкой библейского текста является Евангелие как Откровение о воплощении Бога-Слова. Поэтому Библию следует считать богословием в изначальном смысле слова, т.е. как книгу о Боге-Слове.

Вторым этапом развития богословия является святоотеческая литература, Писание толкующая. Этот процесс связан с известной поэтизацией и, следовательно, метафоризацией исходного текста, например, обозначение Оригеном трех смыслов Писания как телесного, душевного и духовного.

Следующей (третьей) ступенью этого процесса герменевтической рефлексии выступает гимнография и молитвословие как формы церковной литургии (например, церковные акафисты и каноны, построенные по поэтическому принципу, т.е. на повторах, перечислениях, метафорических сравнениях, логических парадоксах, гомеотелевтах).

Четвертым этапом этого герменевтического процесса является развитие христианской мистики. Мистика как чувственный способ познания сверхчувственного, пользовалась для выражения богословских истин *поэтическим* языком. Этот феномен Н.О. Гучинская рассматривает как процесс дальнейшей поэтизации богословия. При этом нельзя забывать, что мистичность есть функциональное свойство сакрального текста, повествующего о тайнах Божьих. В связи с этим самым мистическим текстом является сама Библия. Под христианской мистикой в данном случае следует понимать процесс индивидуального бого-

познания, основанный на личном опыте (*cognitio Dei experimentalis*, по известному определению Фомы Аквинского).

Индивидуальное мистическое богопознание осмысливается в этой концепции как процесс *поэтизации богословия*, новая аллегореза Писания, приводящая к созданию нового языка метафор, символов, индивидуальной богословской терминологической системы.

И, наконец, заключительным этапом индивидуальной герменевтической рефлексии богословия является художественная поэзия и, в первую очередь, лирика как самая индивидуальная форма ее. Лирический текст является формой индивидуального проникновения в первоисточки бытия с помощью индивидуальной символической системы, которая в диахронии может быть рассмотрена как индивидуальный аналог сакральной символики. Так, библейское понятие Бога и Его откровения в мире у Мастера Экхарта рефлексивно разделяется на однокоренные понятия *Gott* и *Gottheit*. У Бёме оно становится формулой, построенной также на корневом повторе: *Offenbarung des Ungrundes im Grund*, а у Р.М. Рильке сосредотачивается в антиномическом синтезе: *Leben und Tod* (смертожизнь).

Для примера герменевтического анализа обратимся к 13 сонету второй части «Сонетов к Орфею» Р.М. Рильке, речь в котором идет об осознании абсолютного единства мироздания, жизни и смерти, реального и идеального, проникнуть в которое можно только поэтически. Фактически это стихотворение можно толковать как иллюстрацию идеи о том, что поэтический текст есть форма толкования первооснов бытия:

Sei allem Abschied voran, als waere er hinter / dir, wie der Winter,
der eben geht. / Denn unter Wintern ist einer so endlos Winter,/daß
überwinternd dein Herz ueberhaupt übersteht. // Sei immer tot in Eurydike,
singender steige, /
preisender steige zurück in den reinen Bezug. / Hier, unter Schwindenden,
sei, im Reiche der Neige, / sei ein klingendes Glas, das sich im Klang schon
zerschlug. // Sei – und wisse zugleich des Nicht-Seins Bedingung, / den
unendlichen Grund deiner innigen Schwingung, /
daß du sie voellig vollziehst dieses einzige Mal. // Zu dem gebrauchten
sowohl, wie zum dumpfen und stummen /
Vorrat der vollen Natur, den unsaeglichen Summen, /
zaehle dich jubelnd hinzu und vernichte die Zahl // [14: 703-704].

Не претендуя не только на исчерпывающую, но даже просто развернутую интерпретацию этого сложнейшего текста, мы хотели бы отметить возможные траектории герменевтического круга. Как говорилось выше, начать герменевтический анализ можно с любого элемента текста, а также с нашего предварительного знания о нем. В частности, известно, что главной темой поэзии Рильке вообще являлся поиск

абсолютного бытия, в котором жизнь и смерть сливаются воедино. Тема единства бытия высказана и здесь. Однако, слова жизнь и смерть здесь не употребляются, вместо этого сказано: «*der reine Bezug*», что дословно означает «чистое отношение», так возникает первая антиномия-асимметрия между предзнанием и текстом. Чистое отношение – это и жизнь, и смерть, которые, исчезая сами по себе в своей отдельности, переходят здесь в некое третье, высшее состояние, которое есть мистическое единство бытия.

Морфологически слово «*Bezug*» является отглагольным существительным. Следует вспомнить, что интенсивное употребление отглагольных существительных является характерной чертой стиля Рильке. Отглагольное существительное, обладая семантикой и имени, и глагола, проявляет на лексическом уровне антиномию между динамикой и статикой, временем и пространством, в данном случае – жизнью и смертью, соединяя их в одном концептуальном образе остановившегося мгновения.

Лингвистической квинтэссенцией этого единства является употребление однокоренных глагольных словосочетаний, развернутых до размеров предложения этимологических фигур: «*den Winter überwintern*» и «*klingendes Glas, daß sich im Klang schon zerschlug*». и на лексико-синтаксическом уровне проявляющие все ту же идею мифического единства.

Заговорив о мифе, мы опять «выходим» из текста к предзнанию. Мифической основой цикла является миф об Орфее, который силой поэзии преодолел смерть. Но античный миф у Рильке преобразован: он дан в современной обработке, что значит пересказан языком *современной* мифологии, в том смысле, как о ней говорил Фр. Шлегель. В «Разговоре о поэзии» Шлегель высказывает мысль, что современной поэзии, чтобы достигнуть глубины поэзии античной необходимо создать новую мифологию, т.е. создать для поэзии новую бытийную основу, которая будет ее питать. Но здесь есть один нюанс: новая мифология будет не чувственная, а абстрактная. И такой новой мифологической системой, по Шлегелю, должен стать немецкий идеализм. То, что древним давал образ, нам, современным людям, обеспечивает понятие. И вот перед нами цепочка таких понятий: *Bedingung, Sein und Nicht-Sein, Grund, Natur* и проч. Они и есть те новые мифологические «персонажи», которые дал трансцендентальный идеализм. Орфей у Рильке познает, что небытие есть основа бытия и мистическая тайна вдохновения. Сказав это, мы толкуем Рильке в контексте трансцендентальной поэзии, прочерчивая траекторию нового круга по диахронической оси.

Но мы можем начать анализ и иначе. Например, с названия всего цикла «Сонеты к Орфею», которое включает в себе противоречие: сонет и Орфей. Следует помнить, что сонет – ренессансно-классическая

европейская стихотворная форма, Орфей – фигура *античная*. Так возникает новая антиномия. Европейский поэт Рильке проникает в античность, т.е. в древность, исток с помощью европейского, т.е. современного поэтического языка. Таким образом, на уровне жанра проявляется идея универсализма, если воспользоваться выражением Фр. Шлегеля, слияния сущности классического с сущностью современного.

Анализ жанровой формы можно продолжить, вспомнив о том, что к жанру сонета Рильке обращается после «безмерных», растянутых свободно-ритмических «Дуинезских элегий», подражающим Гёльдерлину и античной лирике, под влиянием которых трансформировался и самый сонет, преобразовавшись в некий рыхлый дактило-хореический шести-стопный и пятистопный размер, опять-таки, соединив античное и современное, настоящее и прошедшее.

Жанр сонета предполагает особое трехчастное развитие композиции: тему – разработку – вывод. Первая полустрока – «Sei allem Abschied vora», парадоксально формулирует тему этого текста. Весь дальнейший текст есть фактически не что иное, как развитие и объяснение этого парадокса через другие, благодаря чему происходит имманентное толкование текста, возвращающее нас к старинной герменевтической истине: *Scriptura sui ipsius interpres*.

Выше говорилось о том, что Н.О. Гучинская рассматривала художественный перевод как высшую форму толкования. Поэтому приведем этот сонет в ее переводе:

Не дожидайся разлук. Бродят незримо / следом, как зимы, они за тобой. / Если среди зим ты одну бесконечную зиму / перезимишь, ты выдержишь холод любой. // Умри навсегда в Эвридике – в радостном пенье, / радостным гимном ступи на сияющий склон. /

Здесь в этом царстве теней, уходящем в забвенье, / будь звенящим стеклом, что разбилось о собственный звон. // Будь и знай заодно небытийности цену, / не дожидаясь конца, днесь заверши перемену, / ту, что в глубинах глубин зрела в тебе искони. //

К распределенным уже глухим и угрюмым, / вечным запасам Земли, бесчисленным суммам, / ликуя причисли себя и число зачеркни. // [2: 105]

Перевод, пытаюсь на языке искусства толковать оригинал, прибегает к ряду эквивалентных замен. В нем возникает новая цепочка метафорических парадоксов: что значит «не дожидаться разлук»? Это и значит искать еще большей разлуки, «быть и знать о небытии», «перезимовать бесконечную зиму», отказаться от своего конечного «я», «умереть в Эвридике», «причислить себя к бесчисленным суммам и зачеркнуть число».

Список литературы

1. Гучинская Н.О. О границах стилистики, поэтики и герменевтики // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. – СПб, 1995.
2. Гучинская Н.О. К построению поэтической теории языка // Языковая система и социокультурный контекст. – СПб, 1997.
3. Гучинская Н.О. Метафора как инструмент толкования // Понимание и существование. – Минск, 2000.
4. Гучинская Н.О. Hermeneutica in nuce. – СПб, 2002.
5. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Тверь, 1992.
6. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. – Tübingen, 1990.
7. Hamann I.G. Schriften. – Leipzig, 1921.
8. Herder J.G. Abhandlung über den Ursprung der Sprache. – Stuttgart, 1993.
9. Pohlheim K. Der Poesiebegriff der deutschen Romantik. – Bonn, 1972.
10. Humboldt W.v. Werke zur Sprachphilosophie // GW., Bd.III. – Stuttgart, 1994.
11. Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerkes. – Stuttgart, 1992.
12. Heidegger M. Platons Lehre von der Wahrheit. Mit einem Brief über den Humanismus. – Bern, 1954.
13. Schleiermacher Fr. Hermeneutik und Kritik. – Frankfurt am Main, 1995.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'23
ББК 81.002.3

Е.А. Огнева*

КОМПАРАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ

Ключевые слова: компаративное моделирование, номинативное поле, сценарий, художественный концепт

comparative modelling, nominative field, script, artistic concept

Статья посвящена рассмотрению структуры номинативного поля когнитивного сценария “Православное погребение” как одного из компонентов мегафрейма “Русь Святая”. Исследование проводится на материале художественного произведения Б. Пастернака “Доктор Живаго” с целью построения компаративной модели, иллюстрирующей степень совпадения / несовпадения параметров сценария оригинала и перевода.

The article deals with the studding of nominative field’s structure of cognitive script ‘Orthodox funeral’ as a component of M-frame ‘Holy Russia’. The research is realized on the material of B.Pasternak ‘Doctor Zhivago’ to construct the comparative model which can illustrate the degree of equivalence in the characteristics of script at the original and translated text.

Концепт многомерен и как ментальное образование имеет три важнейших измерения – образное, понятийное и ценностное [1]. Как известно, образные и понятийные характеристики концепта моделируются в виде фрейма – структуры данных для представления стереотипных ситуаций [2: 188].

Концепт и фрейм являются центральными категориями когнитивной лингвистики, где концепт рассматривается как базовая единица индивидуальной концептосферы, фрейм и поле – как комплексные когнитивные структуры авторского сознания. Фрейм – когнитивная структура более высокого уровня, тип взаимодействия между концептами, способ организации ментального пространства. Концептуальное поле является наиболее крупным ментальным образованием, включающим в

* **Огнева Елена Анатольевна**, кандидат филологических наук, Белгородский государственный университет.

свой состав как разные типы когнитивных структур, так и различные формы ментальных репрезентаций. Вопрос о соотношении фрейма и поля (лексического, семантического, понятийного) тесно связан с проблемой соотношения фреймовой семантики и теории поля в лингвистике.

В рамках ценностной картины мира можно выделить более конкретные и более абстрактные концепты, вплоть до мировоззренческих универсалий, а также противопоставить по способу их жанровой фиксации, например, концепты текстов в языковом сознании [3].

Концептуальная модель может быть представлена не только в виде фрейма, но и в виде типового сценария, или скрипта. Мы разделяем мнение С.А. Жаботинской, о том, что во фрейме как статической структуре представления знаний элементы расположены одновременно, тогда как сценарий есть тот же фрейм, в котором элементы сканируются, «пробегаются» мысленным взглядом в определенной последовательности [4: 15]. Значимо то, что один и тот же фрейм, но с несколькими вариантами «прочтений», может быть развернут в несколько сценариев. Скрипт есть тот из них, который является наиболее типичным, чаще всего ожидаемым [5: 87-88].

Итак, как известно, сценарий организован в виде списка событий, задающих стереотипный эпизод [6]. Сценарий – это репрезентация структуры данных, которая управляет процессом осмысления и позволяет связывать в единое целое смысловые блоки, воспринимаемые в объективной реальности. События, воспринимаемые из реальной действительности, совпадающие с одним или несколькими событиями из имеющегося в памяти сценария (списка событий), могут активизировать как все другие события сценария (и их компоненты), так и сценарий в целом [7]. Установлено, что сценарии конвенциональны.

Сценарии («скрипты») определяются Шенком и Абельсоном как когнитивные структуры, описывающие нормальную последовательность событий в частном контексте. Контекст рассматривается в когнитивном смысле, а понимание исследуется как процесс, при помощи которого люди приравнивают то, что они видят и слышат, к группам действий, уже имевшихся в их опыте.

В статье будут рассмотрены компоненты номинативного поля когнитивного сценария «*Православное погребение*» на материале художественного произведения Б. Пастернака «*Доктор Живаго*». Так, Н.С. Болотнова считает, что ассоциативно-смысловые поля текста – один из способов репрезентации авторских концептов [8], так как ассоциативно-смысловые поля являются единицами плана выражения художественного концепта.

Понятие художественного концепта еще не сформировано окончательно. Л.В. Миллер определяет этот феномен как «сложное менталь-

ное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и ... психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [9]. О.Е. Беспалова под художественным концептом предлагает понимать «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [10]. Таким образом, термин «художественный концепт» занимает нежесткое положение на шкале «универсальное / индивидуально-авторское».

В настоящее время задача лингвокогнитивной концептологии: выявить максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих (т.е. выражающих, вербализующих, объективирующих) исследуемый концепт с целью построения его графической модели [11], так как предметный и понятийный слои концепта репрезентируются через фрейм-структуры, понимаемые, вслед за В.В. Красных [12], как носители типичной, логически упорядоченной информации; образный слой адекватно описывается посредством метафорических инвариантов, наконец, ассоциативный и символический слои концепта требуют для своего раскрытия полевой модели, где учитывается тот факт, что с позиций уникально-специфической формы фиксации мира языковыми знаками в качестве лингвокультурной координаты языка выступает идиоматичность языкового знака [13]. В этом смысле внутренняя форма слова является одним из ярких показателей этнокультурного своеобразия соответствующего коммуникативного коллектива.

Проводимое исследование структуры компонентов номинативного поля когнитивного сценария «*Православное погребение*» позволяет выявить степень адаптации его компонентов при переводе на французский и английский языки. На основе полученных результатов будет построена его компаративная когнитивная модель. Как следует из теории идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, в основе разных языковых категорий лежат разные типы когнитивных моделей [14].

Наукой установлено, что основой когнитивной модели является простой или сложный сигнификат, являющийся гносеологической формой отражения в сознании человека предметов, процессов, объективной действительности, отношений и связей между ними. В роли сложного сигнификата выступает понятийный комплекс в системно-категориальном плане, являющийся результатом мысленного подведения обозначаемой ситуации под определенный класс ситуаций.

По мнению Р.Г. Пиотровского, модели могут служить средством изучения или описания внутреннего строения оригинала (структурные

м.), его поведения (функциональные м.) и развития (динамические м.) [15]. Исследуемый когнитивный сценарий является частью изучаемого нами в данный момент мегафрейма «Русь Святая» и может быть представлен в виде динамической модели.

Итак, рассмотрим компоненты номинативного поля когнитивного сценария «Православное погребение» с целью дальнейшего построения его компаративной модели, иллюстрирующей степень соответствия / несоответствия поверхностной и глубинной структур компонентов сценария, на следующем материале Б. Пастернака, где структура рассматриваемого когнитивного сценария может быть поделена на семь компонентов, обозначенных для удобства исследования римскими цифрами от I до VII: *Шли и шли и пели “Вечная память” (I), и когда останавливались, казалось, что ее по заложенному продолжают петь ноги, лошади, дуновение ветра (II). Прохожие пропускали шествие, считали венки, крестились (III). Любопытные входили в процессии, спрашивали: “Кого хоронят?” ... Царствие небесное. Похороны богатые (IV). Замелькали последние минуты, считанные, бесповоротные (V). “Господня земля и исполнение ея. вселенная и вси живущие на ней”. Священник крестящим движением, бросил горсть земли на Марию Николаевну (VI). Запели “Со духи праведных” (VII) [16: 15].*

Рассматриваемый материал переведен на французский язык следующим образом: *Ils allaient, ils allaient toujours (I), et lorsque cessait, le chant funèbre, on croyait entendre, continuant sur leur lancée, chanter les jambes, les chevaux et le souffle du vent (II). Les passants s'écartaient pour laisser passer le cortège, comptaient les couronnes, se signaient (III). Les curieux se joignaient à la procession, demandaient: “Qui enterre-t-on?”... Dieu ait son âme. C'est un bel enterrement (IV). Les derniers instants s'égrenèrent rapidement – instants comptés, instants sans retour (V). “La terre du Seigneur et tout ce qu'elle recèle, l'univers et tous ses vivants”. Le prêtre, traçant de la main un signe de croix, jeta une poignée de terre sur Maria Nikolaïevna (VI). On entonna Avec les esprits des jupes (VII) [17: 11].*

В английском тексте перевода читаем *On they went, singing “Rest Eternal”(I) and whenever they stopped, their feet, the horses, and the gusts of wind seemed to carry on their singing (II). Passers-by made way for the procession, counted the wreaths, and crossed themselves (III). Some joined in out of curiosity and asked: “Who is being buried?”... “May her soul rest in peace. It's a fine funeral” (IV) The last moments slipped by, one by one, irretrievable (V). The earth is the Lord's and the fullness thereof, the earth and ever thing that dwells therein.” The priest, with the gesture of a cross scattered earth over the body of Maria Nikolaïevna (VI). They sang “The souls of the righteous” (VII) [18: 3].*

Исследования показывают, что большинство компонентов когнитивного сценария в оригинале имеют свойство динамики, что переводчикам удалось передать в текстах перевода.

Так, в компоненте I прослеживается динамика за счет повторения глагола *шли*, действующие лица явно не обозначены *Шли и шли и пели “Вечная память”*. В тексте перевода на французский язык *Ils allaient, ils allaient toujours* выявлены актантные трансформации [19], а именно, введение субъекта по ситуации – *Ils*, что обусловлено законами языка перевода, тогда как смещение эквивалента культурыемы “Вечная память” в компонент II является авторским решением переводчика, а не следует из законов языка перевода. Подчеркнем, что динамика в тексте перевода выражена путем употребления лексемы *toujours*.

Как план содержания, так и план выражения рассматриваемого компонента сценария во французском переводе переданы асимметрично, тогда как в английском переводе все смысловые компоненты оригинала сохранены: динамика передается предлогом *on* – *On they went, singing “Rest Eternal”*, культуреме “Вечная память” подобран эквивалент “*Rest Eternal*” (вечный покой), что является иной строкой в той же молитве. План содержания передан симметрично, план выражения асимметрично – осуществленные преобразования обусловлены структурой языка перевода и способствуют адаптации плана содержания.

Компонент II имеет в себе сочетание “статика + динамика”, действующие лица также, как и ранее, явно не обозначены: *и когда останавливались, казалось, что ее по заложенному продолжают петь ноги, лошади, дуновение ветра*. Текст перевода на французский язык частично соответствует оригиналу *et lorsque cessait, le chant funèbre, on croyait entendre, continuant sur leur lancée, chanter les jambes, les chevaux et le souffle du vent*, но так как культураема, входящая в состав компонента I, перемещена переводчиком в структуру компонента II, то план содержания и выражения асимметричны оригиналу, тогда как в переводе на английский язык *and whenever they stopped, their feet, the horses, and the gusts of wind seemed to carry on their singing* в плане выражения компонента осуществлены такие преобразования, как трансформация форм связи в предложении, введение субъекта по ситуации, а также выявлено отсутствие эквивалента словосочетанию *по заложенному*, что привело к ассиметричной передаче плана выражения и плана содержания.

Компонент III имеет характеристику “статика”, в качестве действующих лиц выступают “прохожие”: *Прохожие пропускали шествие, считали венки, крестились*, что переведено симметрично в плане содержания как на французский язык *Les passants s`écartaient pour laisser passer le cortège, comptaient les couronnes, se signaient*, так и на английский *Passers-by made way for the procession, counted the wreaths, and crossed themselves*, тогда как в плане выражения есть несущественные различия с оригиналом, обусловленные структурой языка перевода.

Компонент IV имеет свойство “динамика”, действующие лица “любопытные” (далее приводится лишь часть из диалога оригинала, значи-

мая в рамках данного исследования): *Любопытные входили в процессию, спрашивали: “Кого хоронят?” ... “Царствие небесное. Похороны богатые”*. В исследуемом контексте выявлена реальия религиозного быта – культурема *Царство небесное*, которая переведена эквивалентно как *Dieu ait son âme* и как *May her soul rest in peace*. Лексема, отражающая действующие лица - *любопытные*, переведена на английский язык словосочетанием *некоторые присоединились из любопытства* – *Some joined in out of curiosity*. Таким образом, сопоставительный анализ показал, что структура компонента IV передана симметрично на французский язык и асимметрично на английский язык.

В компоненте V *Замелькали последние минуты, считанные, бесповоротные* динамика передается глаголом *замелькали*, тогда как в переводном французском варианте динамика сохранена путем троекратного повторения существительного *instants* – *Les derniers instants s'égrenèrent rapidement – instants comptés, instants sans retour*, а в английском варианте за счет семантики глагола *slip by* и словосочетания *one by one* – *The last moments slipped by, one by one, irretrievable*. План выражения рассматриваемого компонента передан асимметрично как на французский язык, так и на английский, что обусловлено законами языка перевода. Осуществленные преобразования способствовали симметричной передаче плана содержания инварианта на иной язык.

Компонент VI представляет собой сочетание слов молитвы *“Господня земля и исполнение ея вселенная и вси живущие на ней”* и кинемы *крестящим движением бросил горсть земли*. Под кинемой, вслед за А.П. Садохиным, понимается языковая единица, выполняющая роль дополнения или замещения речевых сообщений. Термин “кинема” был предложен для изучения общения посредством движений тела (жестов, поз, телодвижений) [20].

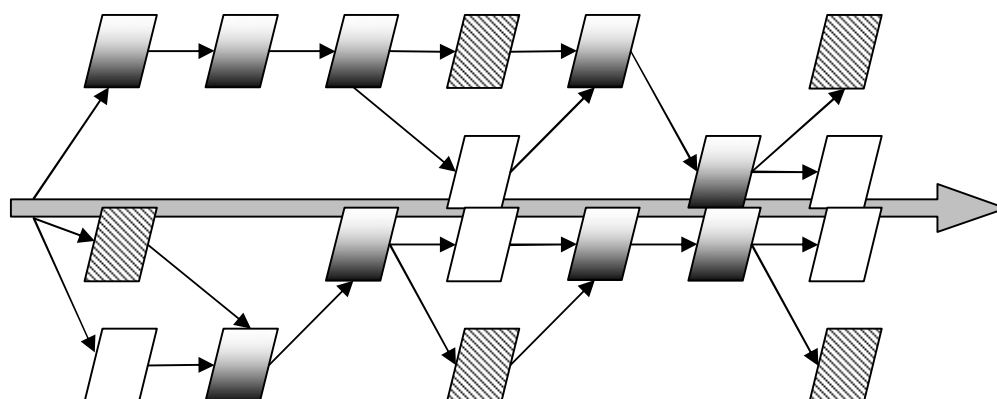
Сопоставительный анализ выявил, что слова молитвы переведены адекватно как на французский язык *La terre du Seigneur et tout ce qu'elle recèle, l'univers et tous ses vivants*, так и на английский *The earth is the Lord's and the fullness thereof, the earth and ever thing that dwells there in* и переводные варианты кинемы *traçant de la main un signe de croix, jeta une poignée de terre sur* и *with the gesture of a cross scattered earth over* также адекватны инварианту. Установлена полная симметрия структуры инварианта и вариативных компонентов.

Компонент VII также характеризуется динамикой, действующие лица – певчие явно не обозначены: *Запели «Со духи праведных»*, что переведено адекватно на французский язык *On entonna avec les esprits des justes*, тогда как в английском переводном варианте выявлено введение субъекта по ситуации *They sang «The souls of the righteous»*.

Поверхностная и глубинная структуры компонента переданы симметрично на французский язык и асимметрично на английский.

По результатам, полученным в ходе сопоставительного анализа структуры семи компонентов рассматриваемого когнитивного сценария «Православное погребение», построим компаративную модель, иллюстрирующую степень совпадения/несовпадения параметров сценария оригинала и текстов перевода, где структура оригинального когнитивного сценария, развивающегося слева на право, обозначена горизонтальной стрелой, верхняя плоскость над стрелой – поверхностная структура переводных компонентов сценария, нижняя плоскость под стрелой – глубинная структура переводных компонентов сценария:

- – знак, обозначающий французский переводной вариант компонента,
- – знак, обозначающий английский переводной вариант компонента,
- – знак, обозначающий совпадение параметров переводных вариантов компонента на французский и английский языки.

Модель когнитивного сценария “православное погребение”

Итак, компаративная модель когнитивного сценария «Православное погребение» наглядно иллюстрирует степень адаптации составных компонентов номинативного поля сценария на французский и английский языки. На модели видно, как изменяется переводная структура когнитивного сценария от компонента к компоненту; так, план выражения структуры сценария передан преимущественно асимметрично на переводной язык, только три компонента симметричны во французском переводе и один – в тексте на английском языке.

План содержания передан симметрично на французский язык в пяти случаях из семи, а на английский – в четырех случаях из семи. Модель показывает, что второй компонент сценария асимметричен как в плане содержания, так и в плане выражения в обоих переводных текстах, тогда как шестой компонент демонстрирует полную симметрию, четвертый и седьмой – одинаковы, а именно, структура компонента во

французском переводе симметрична инварианту, а в английском языке – асимметрична инварианту. Третий и пятый компоненты сценария также адаптированы с равной степенью достоверности, а именно, планы содержания французского и английского переводных вариантов симметричны инварианту, а планы выражения – асимметричны.

Таким образом, предложенная методика построения компаративной модели когнитивного сценария художественного текста способствует графическому отображению реалий процесса перевода и может быть применена для построения моделей других сходных по структуре когнитивных сценариев. Отметим, что автором уже создана иная модель когнитивного сценария [21], что говорит в пользу того, что графические модели не упрощают язык, а напротив, иллюстрируют многообразие его проявлений, в частности, в процессе такого сложного лингвистического явления как перевод.

Список литературы

1. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск, 1996.
2. Демьянков В.З. Фрейм // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
3. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.
4. Жаботинская С.А. Концептуальная модель частеречных систем: Фрейм и скрипт. // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Сборник научных трудов. – Рязань, 2000.
5. Taylor J.R. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: Clarendon Press, 1995.
6. Schank R.C. Dynamic Memory. – Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1982.
7. Никонова Ж.В. Теория фреймов в аспекте лингвистических исследований, 2006 // <http://evcppk.ru/article.php?id=26>
8. Болотнова Н.С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. статей в честь профессора С. Г. Ильенко. – СПб., 1998. – С. 242-247.
9. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 41-45.
10. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С.Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2002.
11. Попова З.Д. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография. – Воронеж: “Истоки”, 2006.

12. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.
13. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С.3-16.
14. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What categories reveal about the mind. – Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987.
15. Пиотровский Р.Г. Моделирование в лингвистике // Вопросы романского и общего языкознания. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С. 86-96.
16. Пастернак Б.А. Доктор Живаго. Роман. – М.: “Книжная палата”, 1989.
17. Pasternak B. Le docteur Jivago. – P.: Edition Gallimard, 1979.
18. Pasternak B. Doctor Zhivago. – New York: Pantheon Books, a division of Random House / Tr. from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. 1958.
19. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998.
20. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004.
21. Огнева Е.А. Структурное соответствие / несоответствие концептов оригинала и перевода // Социокультурные проблемы перевода: Сб. научн. трудов. В 2-х частях. – Вып. 7. Часть 2. – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2006. – С. 149-158.

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА

(на материале английского языка)

Ключевые слова: ассоциирование, когнитивная модель, когнитивная теория метафоры, метафора, метафорический выбор

associating, cognitive model, cognitive metaphor theory, metaphor, metaphorical choice

Предлагаемая статья представляет собой попытку исследования феномена метафоры в новом, необычном по сравнению с традиционными стилистически-риторическими функциями, ракурсе – как познавательный, эвристический механизм описания недостаточно познанных абстрактных концептов.

The article deals with the yet unexplored side of metaphor. Unlike previous, traditional rhetoric-stylistic approaches, it takes a look on metaphor as cognitive, heuristic device of description of abstract concepts.

В последнее время в связи с активными исследованиями в когнитивной области становится очевидным, что описание феномена метафоры как сугубо языкового явления, не обладая объяснительной силой, не может вскрыть природу метафоры как мыслительного механизма, основанного на ассоциировании. Когнитивные исследования метафоры открывают путь к интеграции данных традиционных фундаментальных наук – лингвистики, психологии и философии, подключив к исследованию новые активно развивающиеся компьютерные и нейронауки, теорию информации. Интеграция лингвистических и психологических данных заставляет взглянуть на метафору гораздо шире прежде обусловливавших ее понимание рамок тропеизма и системоорганизующей роли в языке, и рассматривать ее как универсальный когнитивный механизм, позволяющий осуществлять концептуализацию нового онтологического явления по аналогии с уже сложившейся системой понятий. Это и определяет *новизну* современного взгляда на феномен метафоры как на ведущую ментальную операцию соположения различных понятийных

* Панкратова Светлана Анатольевна, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

сфер, дающую возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой, еще недостаточно познанной сферы.

О высокой *степени разработанности проблемы* свидетельствует обширный круг литературы о метафоре, дающей философский, лингвистический и когнитивный анализ этого многогранного явления. Библиография по метафоре насчитывает около четырех тысяч работ [1; 2]. Однако, в наши дни только начинают появляться психологические и лингвистические исследования метафоры как познавательного механизма, отвечающие главной тенденции изучения метафоры начала XXI века – постепенному отходу от воззрений на нее как второстепенную по своей роли риторическую фигуру, своего рода «продукт» субъективного восприятия и отражения мира творческой личностью, во многом непредсказуемый и непрогнозируемый. Междисциплинарный, когнитивно-семантический подход определяет *актуальность* изучения метафоры как мыслительного механизма. *Цель статьи* – осветить значимость и вскрыть суть прежде не так активно разрабатываемой (по сравнению с назывной, информативной и эмотивной функциями) эвристической, познавательной функции метафоры, комплексное исследование которой находится еще в начале пути.

В чем же заключена эвристическая, познавательная функция метафоры? Действительно, человеческое сознание устроено так, что все новое, нетрадиционное провоцирует поиск объяснения, поиск рационального зерна, лежащего в его основе. Вот почему дети настойчиво требуют от взрослых объяснений непонятных им вещей, а взрослые, став свидетелями непрогнозируемого явления, пытаются найти ему логическое обоснование. Ученый выдвигает гипотезу и не отступает от нее, добиваясь либо подтверждения, либо опровержения. Попытка понять непонятное выступает в виде основной движущей силы исторического развития личности и общества. Весь познавательный процесс носит верификационный характер и находится в отношении «вопросания» к познаваемому материальному и нематериальному миру, что реализуется в ряде основных смысловых вопросов – «Кто?», «Что?», «Где?», «Когда?», «Куда?», «Зачем?», «Почему?», «Какой?», «Как?», «Сколько?» и т.п. В связи с этим становится очевидной терапевтическая сторона познавательно-поисковой активности человеческого сознания – все непонятное, неопределенное вызывает отрицательные эмоции. И наоборот, простые и объяснимые вещи приводят нас в состояние душевного равновесия. Реалии мира вызывают вопросы, ответы на которые должен найти сам человек, и они принесут ему радость и ощущение безопасности. В таком ракурсе метафорический выбор – это основанный на механизмах вторичной номинации поиск нового описания абстрактного концепта, осуществляемый в познавательных, эвристических

целях (греч.: 'heurisko' – *отыскивать, открывать*) и способный дать объяснение сути непознанного абстрактного концепта и даже привести к «каскаду» новых мыслей, догадок, первичных рабочих гипотез и теорий.

Преимущество метафорического способа усмотрения истины заключается в том, что, изначально принадлежащая к фантазийно-игровой форме духовного творчества, метафора базируется на иной, более богатой, чем рационально-логические формы мышления, «имагинативной» логике. Это позволяет достигать более плотного, точного и концентрированного описания действительности. Благодаря творческому по своей природе метафорическому выбору к истине приходят незатратным путем интуиции (лат.: 'intueor', – *пристально смотрю*), которая есть «...опыт не до конца осознаваемого, но тщательно препарируемого разумом постижения истины прямым усмотрением» [3: 53].

Процесс метафорического выбора приносит также и радость творчества, открытия новых фантазийных, виртуальных миров благодаря тому, что метафора нацелена на одновременное постижение и истинного, и прекрасного или красоты истинного. Метафора – это «...одновременно «дар гения» и мастерство геометра, превосходно владеющего наукой пропорций» [4: 44]. Объяснением этому служит положенная в основание метафорического выбора интенция укрепления уверенности его истинности. Постоянным чувством, сопровождающим метафорический выбор, является удивление, а не принятое в рационализме скептическое сомнение. «Интеллектуальное озарение и эмоциональный катарсис – взаимодополняющие аспекты неделимого процесса» [5: 12], в котором возникшее ощущение красоты служит дополнительным подкреплением истинности элегантно решенной проблемы.

На первый взгляд может показаться, что знание механизмов метафорического выбора необходимо лишь ученым для популярного объяснения своих достижений – к примеру, электричество уже давно и традиционно принято представлять как текущий **«поток»** или **«облако»** электронов. Однако, это не совсем так. Знание механизмов метафорического выбора необходимо всем простым людям, не только сознание, но и поведение (потребительские привычки, способ отдыха) которых оказалось объектом **«манипуляций»** средств массовой информации, сплошь и рядом бросающих в массы лозунги из промышленной когнитивной модели **«ОБЩЕСТВО > ФАБРИКА»**. В более широком социально-культурном контексте достраивание этой когнитивной модели способно привести к пониманию, что человеческое сознание в рамках этой модели – **«сырье»** для **«манипуляций»** пиарщиков, в руках которых искусные языковые **«инструменты»**, обслуживающие **«индустрию развлечений»**. Объектом рекламного **«ремесла»** становятся еще **«неотшлифованные»** установки нашего сознания, в которое на ежеминут-

ной «наковальне» рекламы «вбиваются» не нами выбранные «стандарты». В результате такой «обработки» «прикованное» к экрану человеческое сознание выдает столь желанный для рекламщиков «продукт» из уродливого «сплава» «шаблонных» желаний и потребностей, включающих человека в бесконечный «конвейер» потребления. Эта когнитивная модель не передает всего разнообразия промышленной лексики английского языка как основы этой модели. Противовесом этой когнитивной модели в жизни может быть этика умеренности в привычках, на языковом уровне необходимо осознать и изучить когнитивные механизмы метафоризации.

Более чем двухтысячелетняя история изучения метафоры показывает эволюцию ее понимания как скрытого сравнения, через аномальный подход и теорию взаимодействия к когнитивной теории метафоры, определяющей ее как способ существования лексики гипотетических пространств, «невидимых миров» человеческого сознания и подсознания. Обращаясь к экскурсу в историю современного, когнитивного подхода к метафоре, отметим, что не сразу фокус ее изучения сместился из стилистической сферы (где метафоре отводилась второстепенная роль риторической фигуры, усиливающей эмоциональное воздействие) в когнитивную. Лингвистика долгое время, по словам Поля Рикёра, развивалась под опасением «...распахнуть ворота семантической овчарни волку психологизма» [5: 46-47]. Параллельно с этим, когнитивная психология изучала нейрофизиологические процессы ассоциирования при помощи главных методов естественных наук (наблюдения, эксперимента и измерения). В ходе их работы психологам потребовались некогнитивные, образные объяснения мыслительных процессов для того, чтобы «...вывести психологию из болота ментализма» [6: 9]. «Болото ментализма» здесь следует понимать как научную терминологию, описывающую суть и результаты экспериментов, но не способствующую доходчивому объяснению научных открытий и взаимопониманию среди самих ученых. А ведь существует огромный пласт научных терминов-метафор. Это подметили психологи З. Фрейд и Г. Фехнер, представив бессознательное как «тайник», заглянуть в который можно сквозь «окна» души, которыми являются речь и чувства.

Так сложились предпосылки возникновения когнитивной науки, изучающей мыслительные процессы, в том числе и метафоризацию, на новом, интегративном уровне – с позиций наук как «естественного» цикла (нейрофизиологии и теории информации), так и «семиотического» цикла (логики, философии и семантики). В истории этот период 70-х годов прошлого века, когда произошел пересмотр взглядов на изучение сознания, стали называть «когнитивной революцией» (англ.: 'Cognitive revolution', 'Cognitive turn'). Ключевой в когнитивистике стала метафора «МЫШЛЕНИЕ > МЕХАНИЗМ», поскольку именно тогда благодаря тру-

дам кибернетиков Ч. Беббиджа, Н. Винера, Дж. Шеннона, когнитивных психологов и антропологов Дж. Миллера, У. Найссера, Ж. Пиаже, Р. Д'Андрада, Р. Редфильда активно изучался искусственный интеллект. Именно под влиянием новейшего в те дни изобретения человечества сознание стали рассматривать как «компьютер», извлекающий из памяти сенсорные данные и «трансформирующий» их ради решения познавательных задач. Большая словарная статья посвящена механической метафоре в «Кратком словаре когнитивных терминов» Е.С. Кубряковой [7].

Когнитивно-семантическое направление в объяснении механизмов метафоризации предполагает существование глубинных структур человеческого разума, делающих возможными и порождающими языковые выражения. О метафоре как инструменте осмысления глубинных понятийных сфер, заговорили М. Джонсон и Дж. Лакофф в *Теории образных схем*, согласно которой расширяемые за счет физических концептов человеческого опыта абстрактные концепты (к примеру, вместителище) упорядочиваются в виде образных схем – повторяющихся динамических образцов (англ.: 'patterns' – *пример, трафарет*) процессов восприятия, придавая структурную связность нашему опыту.

Пожалуй, самым новейшим достижением когнитивной лингвистики стала *Теория концептуальной интеграции* М. Тёрнера и Ж. Фоконье, которые рассматривают метафору как особый вид ментального проецирования (англ.: 'mapping' – *проекция*) концептуальной области-источника на область-цель, одновременно с которым сознанием создаются и хранятся в кратковременной памяти временные промежуточные концептуальные зоны (англ.: 'blends' – *сополагаемые сферы*), которые затем встраиваются в структуру знания в момент речи и служат важной составляющей когнитивного процесса [8].

Из вышеприведенного отрывка становится очевидным, что современные когнитивные подходы к изучению метафоры зачастую грешат излишним психологизмом когнитивных описаний, а это, в свою очередь, выявляет необходимость хотя бы минимальной расшифровки используемых терминов. Так, не совсем ясным остается утверждение о том, что механизм метафоризации «ингерентно встроен» [9: 250-299] в языковую систему. Как именно метафора «формирует, структурирует и предопределяет наш способ мышления о мире» [9: 269-270]? Способна ли метафора предопределять и практические области жизнедеятельности – наше поведение, мораль, политику, искусство? Выходит, что феномен метафоры как фундаментального свойства языка разработан разносторонне и в то же время не системно, – он не получил комплексной трактовки с психологической и семантической позиций. Ответ на поставленные проблемы лежит в русле интегративного, когнитивно-семантического подхода к языку. Для этого необходимо уточнить само

определение метафоры, под которой понимают все, что угодно: и сам психологический процесс ассоциирования, и его языковое воплощение.

В предпринимаемой попытке изучить эвристическую роль метафорического выбора задачей первой очередности, естественно, является согласование многочисленных (лингвистических и психологических) терминов, касающихся метафоры. Так, взамен лингвистическому термину «метафора» (неявно объединяющему стилистико-риторические аспекты самого процесса и его результат) и психологическому термину «ассоциирование» (имплицитующему простую связку «стимул>реакция»), был предложен термин «метафорический выбор» – когнитивно-семантический механизм, исследуемый в русле интегративного подхода к языку. Он интегрирует как полученные «естественнонаучными» методами (наблюдение и эксперимент) когнитивные данные о психологических процессах ассоциирования, так и полученные «семиотическими» методами (языковое моделирование) уже зафиксированные в словарях и художественной литературе данные о семантических процессах вторичной номинации.

Неоднозначной представляется и задача прояснения природы основных участников метафорического выбора. Здесь в качестве исходного принимается положение о том, что объект изучения лингвистики – это не сами нематериальные структуры сознания, а выражающие эти структуры элементы языка – концепты, опредмеченные в языковой форме слова (имени концепта) многомерные психические образования сознания. В теории метафоры уже были разнообразно поименованы участники метафоризации (главный субъект и прилагаемая к нему система имплицитующих признаков вспомогательного субъекта) – референт / коррелят, тема / контейнер, рамка / фокус, источник / цель, донор / акцептор, содержание / оболочка [10: 221]. Однако, ни одна из пар именованных не учитывает эвристическую цель познания. В соответствии с целью открытия новых сторон концептуальных абстракций, главные участники метафорического выбора поименованы как недостаточно познанный абстрактный концепт, не имеющий материального денотата (лат.: ‘explanans’, ‘explicand’ объясняемое) и объясняющий его системой своих импликаций конкретный концепт, соотносимый со словом с конкретным, предметным значением (лат.: ‘explanandum’ объясняющее). Результатом метафорического выбора является *когнитивная модель* (КМ) – языковое средство концептуализации и упорядочения реальности, обладающее гибким, изменяемым по мере роста человеческого опыта каркасом, на который «нанизываются» различные по степени детализации и объему вербальные единицы.

Главным достижением изучения эвристической функции метафорического выбора стало понимание, что его механизмы не противоречат, а вписываются в разработанную отечественными психолингвистами

Л.С. Выготским, А.А. Леонтьевым, А.Р. Лурией, С.Л. Рубинштейном *функциональную психологическую* модель формирования и формулирования мысли посредством языка. В рамках этой модели метафорический выбор может быть рассмотрен как один из творческих мыслительных механизмов. Допуская неизбежную в нашем случае аппроксимацию, заметим, что мышление – процесс, в котором человек выделяет элементы действительности и вновь связывает их в сознании различными способами – и не только на основе ведущего для метафорического выбора тождества элементов, но, как часто бывает, и на основе их различия, принадлежности, последовательности и причинности.

К началу метафорического выбора побуждает чувство, что общепринятые когнитивные модели в чем-то неполно или неадекватно описывают тот или иной недостаточно познанный абстрактный концепт, а завершается весь процесс *дотраиванием когнитивной модели* (в целях проверки верности избранной прототипной метафоры), а также *моментом озарения* – «инсайта», который может и не наступить, и тогда весь процесс повторяется снова.

В общей схеме мысли и речепорождения есть два момента, отличающие творческий по своей природе метафорический выбор от стандартного ословливания мысли – это *прототипическое ассоциирование* и *признаковое конструирование*, которые хотелось бы рассмотреть подробнее.

В первую очередь, привлек к себе внимание доступный изучению в рамках когнитивного подхода к метафоре механизм *прототипического ассоциирования*. Это мгновенный процесс ассоциативного воспроизведения прежде зафиксированной в опыте межпонятийной связи, оставляющий вне поля зрения предметно-логический уровень смыслообразования, т.е. то, какие именно признаки послужили основанием метафорического выбора. Проще говоря, за произнесением абстрактного концепта «А» в сознании мгновенно всплывает ассоциативно связанный с ним конкретный концепт «Б».

Действительно, когнитивный подход к метафоре полагает, что задача описания концептуальных абстракций решается человеком не «с чистого листа», а с опорой на сформировавшиеся в прошлом ассоциативные связи, которые психологи называют архетипами, философы прасимволами, лингвисты семантическими универсалиями. Языковым коррелятом психологических терминов является прототипная метафора – регулярная, однотипная комбинация абстрактных и конкретных концептов, выражающая объективированные, устоявшиеся, общепринятые для говорящих на английском языке способы членения действительности [11; 12; 13].

Прототипные метафоры хороши тем, что экономят когнитивные усилия и помогают быстро сориентироваться в бесконечном многообра-

зии вещей, метафорически обозначив их. Недостаток прототипных метафор отмечен в отечественной концепции *Лингвистических обязательств* [14], отметившей, что, произнося одно слово, человек берет на себя обязательства по высказыванию других, а это связывает высказывание, придает ему стереотипность, клишированность, лишает творческого начала. Творческий характер метафорического выбора состоит в том, чтобы в сознательном эстетическом поиске описания абстрактного концепта отталкиваться от общепризнанных прототипных метафор, подмечать и создавать новые связи.

Итак, в когнитивном объяснении механизмов метафорического выбора нет обращения к глубинному ярусу смыслов исходных слов, здесь главный метод – подсчет количества ассоциативных реакций на заданное слово-стимул, из которого может следовать вывод, что одни слова более общеупотребительно-частотны. Идя дальше в направлении поиска оснований метафорического выбора, когнитивные эксперименты показали, что *образные* слова чаще припоминаются. Образные знания извлекаются из памяти «сразу целиком» в первые 500 мсек., и лишь затем сознание активизирует вербальные знания [15: 5-33]. Еще одно предложенное когнитивными психологами объяснение, почему одни слова люди припоминают чаще других, заключается в том, что это слова базового лексикона, усвоенные ими в раннем детстве. Они легче припоминаются потому, что закодированы в обоих полушариях головного мозга человека, в то время как знания, приобретенные позже, связывают с работой левого полушария [16].

Так когнитивная психология обозначила приоритетную сферу метафорического выбора – это термины родства, обозначения частей тела и природных явлений, которые первыми усваиваются человеком и принадлежат к ядру лексикона. В результате нашел когнитивное подтверждение фундаментальный для лингвистики тезис об антропоцентризме языка [9]. Теперь это перспективное направление активно разрабатывается корпоральной, телесной (лат.: ‘*corpus*’ – *тело*) семантикой [17], утверждающей, что сознание и язык основаны на телесном базисе, а устройство понятийного мира человека и семантики естественного языка обусловлено биологической природой человека.

То, что подается как новое в когнитивных исследованиях, возможно семантически объяснить в механизме *признакового конструирования* (ПК) – это механизм вычерпывания признаков из конкретной семантической области и предсказывание их абстрактному денотату [11; 12; 13], при этом через систему импликаций открывается доступ к содержанию всего фрейма конкретной семантической сферы. Чтобы выйти на новый, цельный, системный уровень объяснения эвристически ценных механизмов метафорического выбора, необходимо было определить, что общего у различных семантических сфер. Этим общим яв-

ляется структура организации знаний – или фрейм, по-разному заполненный конкретной лексикой, но стандартно включающий структурные слоты (субъект, объект, место и инструменты), динамические слоты (предикаты начала, содержания, конца и результата действия), а также слоты, описывающие качественные характеристики действия.

Заметим, что в традиционном представлении механизм метафоры состоит в переносе на обозначаемое или субъективном приписывании ему по аналогии некоторых признаков обозначающего. Главным достижением исследования эвристической значимости метафорического выбора стало определение *объективной*, не случайной относительно общего знания основы метафорического выбора – этой основой являются типичные, стандартные, общепринятые в английском сообществе признаки предметных областей. Все вышесказанное натолкнуло на формулирование следующей *гипотезы*: сам состав элементов предметной семантической сферы определяет приоритеты в описании абстрактного концепта, усиливая наиболее разработанные компоненты смысла и ослабляя, редуцируя менее значимые.

В результате исследования эвристической значимости метафорического выбора в приложении к 16 ведущим предметным сферам (строительная, книжная, текстильная, финансовая, дорожная, военная, мореплавательная, законодательная, научная, механическая, промышленная, живописная, антропоцентрическая, биологическая, стихийная или природная) английского языка был выявлен их различный (в зависимости от доминирующих структурных ‘S’, динамических ‘D’ или качественных ‘Q’ семантических оснований) эвристический потенциал:

(1) Если выбраны **строительная, книжная, текстильная** или **финансовая** семантические сферы, богатых структурными ‘S’ признаками, то речь в метафорическом описании абстрактного концепта пойдет о том, «*Как он устроен?*».

(2) Если избраны **дорожная, военная, мореплавательная** или **законодательная** семантические сферы, в которых богато представлены динамические признаки ‘D’, то в метафорическом описании абстрактного концепта речь, скорее всего, пойдет о вариантах развития ситуации, о том, «*Как он действует?*».

(3) Если избраны **научная, механическая, промышленная** или **живописная** семантические сферы, в которых наиболее разработаны качественные признаки ‘Q’, то в метафорическом описании абстрактного концепта речь пойдет о том, «*Как он качественно изменяется?*»

(4) Если избраны **антропоцентрическая, биологическая, стихийная** или **природная** семантические сферы, в них ведущими являются все типы оснований метафорического выбора – как структурные ‘S’, так и динамические ‘D’ и качественные ‘Q’, что позволяет одновременно говорить и об устройстве, и о действиях и об изменениях абстрактного

концепта, отвечать на вопрос «*Какова причина (происхождение) такой структуры, действий и изменений?*» В результате было установлено, что последний тип когнитивных моделей, объясняющий все возможные аспекты концептуальных абстракций, обладает наиболее мощным характеризующим потенциалом. Так, именно на когнитивно-семантическом уровне была доказана ведущая роль принципа антропоцентризма в языке и в метафорическом выборе. Человек выбирает то, что лучше знает. А лучше всего мы знаем себя!

Подтверждением универсальности доминирующих в метафорическом выборе антропоцентрических, естественных когнитивных моделей служит тот факт, что практически все типы концептуальных абстракций (идеи, творчество, язык, общество, история) осмысливаются как живые существа. Так, в философии творчество рассматривается как **«рождение, рост и созревание»** в сознании новых образов и переживаний (А. Бергсон, Ф. Дильтей, Л. Клагес, Г. Риккерт). В сравнительно-историческом языкознании язык рассматривается как сущность, обладающая **«семейным сходством»** (Л. Витгенштейн) и проходящая стадии **«становления, развития и распада»** языковых форм. В органической социологии начала XX века (А. Сен-Симон, Г. Спенсер, И.С. Кон) общество рассматривается как живое существо, у которого роль **«кровообращения»** играет торговля, функцию **«головного мозга»** исполняет правительство, экономическая жизнь сравнивается с **«обменом веществ»**, а социальные конфликты – с глобальными **«конвульсиями»** (Э. Тоффлер). Общество, вырастая в цивилизацию, проходит стадии **«возникновения, роста, надлома и разложения»** (А. Тойнби).

Важным следствием сформулированной закономерности оказывается возможность объяснения изменений, эволюции концептуальной системы носителей языка – метафорический выбор направлен за пределы простого описания фактов к выяснению закономерностей функционирования и к их причинному объяснению. Оказывается, что установленные когнитивно-семантические закономерности метафорического выбора в разнородной семантической среде не противоречат, а соответствует когнитивному повороту конца XIX-начала XX века от оперирующей индуктивными методами (наблюдение, испытание, эксперимент) позитивистско-сциентистской традиции познания действительности через упорядочивающий накопленный фактический материал структурализм-функционализм к объясняющей истоки персоналистско-экзистенциалистской традиции. Открытия когнитивной теории метафоры соответствуют новому типу постнеклассической рациональности, сущностью которого является появление среди объектов современной науки «природных комплексов» [18], в которые включен в качестве главного участника сам человек.

Удивительным, на первый взгляд, оказывается следование доминирующих тенденций метафорического выбора общему руслу развития человеческого познания, описывающего своего рода круг от власти субъективности к безраздельному господству объективных явлений и вновь к признанию субъективных феноменов. Но о тождестве принципов мышления и бытия (порядок и связь идей те же, что и порядок и связь вещей) задумывались давно (Б. Спиноза). Далее, уже в XIX веке диалектический материализм объяснял эволюцию познания природы – путь от исходного представления о конкретном предмете как нерасчлененном целом к его анализу и мысленному воссозданию в его целостности. В этой концепции непосредственное созерцание природы как нерасчлененного целого (охватывается общая картина, но не ясны частности) сменяется анализом природы (ее членение, выделение и изучение отдельных вещей и явлений, причин и следствий, затушевывающее универсальную связь явлений, общую картину) и должно вести к воссозданию целостной картины (связывание изолированного на основе уже познанных частных). В труде «Логика и рост научного знания» К. Поппер выявил преемственность научных схем объяснения (совокупность неявно задаваемых регулятивных принципов познания), выраженную в смене общепринятых однозначно-детерминистских парадигм мышления эпохи механицизма функциональными и генетическими схемам объяснения. Но никогда прежде это не связывалось с объяснением механизмов метафорического выбора в разнородной семантической среде, на основе когнитивно-семантического анализа структуры лежащих в основании когнитивных моделей конкретных семантических сфер.

В доказательство универсальной направленности метафорического выбора, обусловленного общей направленностью исторического и материально-культурного развития приведем историю метафорического осмысления центральных для человечества абстрактных концептов – атома и сознания. Так, об эволюции метафорического осмысления центрального концепта эмпирической науки – атома говорит смена ключевых когнитивных моделей: «АТОМ > МЕХАНИЗМ > ПЛАНЕТА > СТИХИЯ». Как свидетельствует история науки, если эллины видели материю сплошной **«кучей зерна»**, то ученым XVI-XVII вв. атом представлялся в духе механицизма, как зубчатое **«колесико»** со сцеплениями **«крючками»**, зубцы которого подходят друг другу в случае растворения тел и не подходят в случае их нерастворения (М.В. Ломоносов). В XIX веке произошел слом механистической концептуальной аналогии, и ионы стали представлять как **«осколки»** молекул, несущих противоположные по знаку заряды (М. Фарадей). В начале XX века на смену механистической приходит **«планетарная»** модель атома, согласно которой роль Солнца выполняет ядро, а роль планет – связанные электрическим **«притяжением»** электроны, вращающиеся вокруг него по строго опре-

деленной **«орбите»**. В целом, XX век ознаменован возвратом к естественно-природным когнитивным моделям в понимании природы материи: ядерная физика вскрывает **«неисчерпаемую»** природу электрона, который может рождаться из нейтрона, гиперонов и мезонов с выделением нейтрино, может поглощаться и исчезать в атомном ядре при захвате, **«сливаться»** с позитроном. Для описания движения электрона вокруг атомного ядра в квантовой механике предложена аналогия **«облака»** с **«размытыми»** краями (Г. Резерфорд, А. Эйнштейн). Теорию света как **«потока»** фотонов разработал американский физик А. Комптон. Группы сонаправленных, генетически связанных частиц космического излучения сравнили с электронно-позитронными **«ливнями»** (П. Блэккетт и Дж. Оккиалини). Истечение плазмы солнца именуется солнечным **«ветром»** (Е. Паркер).

Эволюцию претерпело также и понимание центрального концепта гуманитарных наук – сознания. Об этом свидетельствует последовательная смена когнитивных моделей: **«СОЗНАНИЕ > СТРОЕНИЕ > МЕХАНИЗМ > РАСТЕНИЕ»**. Так, в XVII веке эмпирики отождествляли психику со строением: память это **«кладовая»** идей, в которой **«кирпичики»** ощущений связаны **«цементом»** ассоциаций (Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Милль). В XVIII веке утверждается механическая когнитивная модель сознания, в соответствии с которой, идеи, понятия и теории рассматриваются прагматиками (Г. Пирс, Дж. Дьюи, Дж. Мид) как **«инструменты»** действия, истинные в случае своей **«работоспособности»**. Новейшая компьютерная когнитивная модель рассматривает сознание как некий **«автомат»**. Критика механицизма содержится в новой естественно-природной когнитивной модели сознания психологии XX века, подчеркивающей такие его стороны как целостность, активность и творчество. Душевная жизнь, переживания и внутренний мир трактуются в модернизме как **«поток»** сознания в котором мысли, ощущения и внезапные ассоциации постоянно перебивают друг друга, причудливо переплетаясь (А. Брентано, У. Джеймс). Творчество противопоставлено субъективной технически-интеллектуальной деятельности конструирования всего лишь комбинирующей старое, и рассматривается как непрерывное **«рождение, рост и созревание»** в сознании новых образов и переживаний (А. Бергсон, Ф. Дильтей, Л. Клагес, Г. Риккерт).

Подводя итог, отметим, что для полноты описания механизмов метафорического выбора необходимо ответить на вопрос: *«Кем осуществляется метафорический выбор?»* Дальнейшего глубокого изучения требует метафора не только как средство познания, но и как средство убеждения и воздействия, что, в общем, соответствует коммуникативно-прагматическим тенденциям в развитии лингвистики с ее обостренным интересом к человеку говорящему, его отношению к выражаемому содержанию, его воле, желаниям и убеждениям. Однако, коммуникативно-

прагматические характеристики метафорического выбора многочисленны и разнообразны – это культура и традиции носителей языка, их личностные особенности, ролевой статус и коммуникативные намерения. Открывающиеся перспективы изучения метафоры содержат много трудностей, «подводных камней», так как различны культурные типы сознания (европейский рационально-логичный и ориентальный образно-визуальный); различны традиционные метафорические модели для разных культур (*Путь-Дорога* у русских, *Корабль* и *Механизм* у представителей английской нации); различно отношение к традициям и языковым нормам (уважение к стереотипам зрелых людей и языковое новаторство молодежи); различны когнитивные стили мышления (знания экспертов расширяются, а знания неспециалистов углубляются). Даже сильные эмоции, суживая восприятие до оценочной шкалы «хорошо-плохо», влияют на метафорический выбор.

Отдельного, кропотливого исследования требуют коммуникативно-прагматические установки, которые могут работать как на благо, так и во вред человеку, если поставлена цель искажения, маскировки подлинной сущности обозначаемого, что так часто применяется для формирования стереотипов, моделирования культурных ценностей. О коммуникативных установках зачастую свидетельствуют лишь экстралингвистические факторы, эмфаза и интонация. К примеру, такое высказывание, как «Она – ведьма» для употребляющего его метафорически есть оскорбление, а в устах человека, который верит в ведьм – утверждение. В нашем случае удалось наметить лишь очертания портрета языковой личности как творца метафорического выбора: его традиционные культурные установки, средний интеллект, эмоциональная уравновешенность, добросовестность (отсутствие намерения создать ложную ментальную картину), склонность к языковому новаторству и живой интерес к познаваемой абстрактной сущности.

В наше время многократного ускорения темпов развития информационных технологий, темпов научного развития и культурного творчества трансформируется сам способ мышления и познания мира. Человек разумный превращается в человека информационного. На языковом уровне это проявляется в смене познавательных установок, характерных для целых эпох. «...Общество не выживет, если не перейдет от эпохи просвещения и эрудиции второго тысячелетия (с его лозунгом «Знание – сила») к эпохе интеллекта третьего тысячелетия с лозунгом «Мышление – могущество»» [19]. Теперь интеллектуальный прогресс сказывается не в простом наращивании объема знаний, а в развитии мыслительных способностей, в дополненном интуитивно-творческими методами логико-диалектическом освоении обществом механизмов мышления, в том числе и творческих в своей основе механизмов метафорического выбора.

В связи с этим становится очевидно, что основные усилия по решению проблем современности могут быть сосредоточены и в гуманитарной области – осознать бытующие в сознании и языке установки, шаблоны, выраженные в традиционных, стереотипных, классических, ключевых метафорах. Специфика метафорического мышления состоит в преодолении соблазна готовых схем, в направленности познания от стереотипных, канонизированных к автономным, нестандартным способам осмысления непознанного. Исследование когнитивных механизмов метафорического выбора в их эвристической функции оказывается ценным именно потому, что способно показать трансформацию познавательных установок, стереотипов носителей языка. А это, в свою очередь, оказывается возможным в рамках современного, интегративного, когнитивно-семантического подхода, сочетающего как когнитивные данные о процессах мышления, так и семантические данные опыта метафорического выбора тех или иных семантических сфер, уже зафиксированного в словарях и литературе.

Список литературы

1. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // *Вопр. языкознания*. – №3. – 1990.
2. Shibbes W.A. *Metaphor: an Annotated Bibliography and History*. – Whitewater (Wis.). – 1971.
3. Никитин М.В. *Основания когнитивной семантики*. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.
4. Рикёр П. *Метафорическое творчество // Теория метафоры*. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990.
5. Koestler A. *The three Domains of Creativity in The Concept of Creativity by Denis Dutton, Martinus Nijhoff Publishers*. – London, 1981.
6. Eysenk H.J. *A Model for Intelligence*. – Berlin: Springer, 1982.
7. Кубрякова Е.С. *Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина*. – М., 1996.
8. Turner M. & Fauconnier G. *Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol.10. – No.3. – Pp.183-204.
9. Ульман С. *Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып.5. – М.: Изд-во «Прогресс», 1970. – С. 250-299.
10. Телия В.Н. *Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке*. – М., 1981.
11. Никитин М.В. *О семантике метафоры // Вопр. языкознания*. – № 1. – 1979.
12. Никитин М.В. *Лексическое значение слова*. – М.: Изд-во «Высшая Школа», 1983.
13. Никитин М.В. *Курс лингвистической семантики*. – СПб: Научный центр проблем диалога, 1996.

- [14] -- Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. – М.: Лабиринт, 1998.
- [15] -- Clark J.M., Paivio A.A. Dual Coding Perspective on Encoding Process / McDaniel M., Pressley M. (Eds.). Imagery and related Mnemonic Process. Theories, Individual Differences and Applications. – 1987.
16. Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга / отв. ред. Е.Д. Хомская. – М.: Наука, 1986.
17. Ruthrof H. The body in language. – London; New York: Cassell, 2000.
18. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
19. Войтов А.Г. История и философия науки: учебное пособие для аспирантов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и компания», 2005.

ГРАММАТИКА

УДК 811.111.2'36

ББК 81.432.4-2

О.В. Белоног*

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕТЕРИТА ПАССИВА В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Ключевые слова: *актуальность для настоящего, аспектуальная характеристика, завершенность действия, научная и научно-популярная литература, претерит актива, претерит пассива, результирующий факт, фактовость*

actuality for the present, aspectual characteristic, action completeness, scientific and popular-scientific literature, active preterit, passive preterit, resulting fact, factity

В статье рассматриваются аспектуальные значения претерита пассива в современной научной и научно-популярной литературе. Аспектуальные значения претерита пассива сопоставляются с аспектуальными значениями претерита актива.

This article deals with the aspect meanings of the passive preterite in the modern scientific and popular scientific literature. Aspect meanings of the passive preterite are compared with the aspect meanings of the active preterite.

Предметом настоящей статьи является аспектуальная характеристика претерита пассива (в сравнении с аспектуальной характеристикой претерита актива).

Материалом для исследования послужила научная и научно-популярная литература по лингвистике, истории, биологии, экономике, физике и химии. Были проанализированы 2092 цельных предложения, извлеченные путем сплошной выборки из различных журналов, сборников, а также монографий (всего 19 источников), изданных в течение последних 10 лет, что позволило нам установить самые современные аспектуальные тенденции данной временной формы. Кроме того, большинство аналогичных исследований проводилось преимущественно на материале активных конструкций в художественной и обиходно-разговорной речи [1; 2; 3; 4]. В предлагаемой же статье в центре внима-

* **Белоног Оксана Валерьевна**, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург.

ния находится аспектуальная характеристика претерита пассива (ПП) в современном языке научных текстов. Аспектуальные значения претерита пассива регулярно сопоставляются с аспектуальными значениями претерита актива (ПА).

Базируясь на статистических данных, представленных в таблице № 1, можно сделать следующие выводы относительно основных аспектуальных признаков ПП.

Аспектуальные значения претерита пассива

Таблица № 1

Аспектуальные значения претерита пассива	кол-во примеров	(%)
завершенность действия:	462	100
фактовость	250	54,1
результативный факт	120	26,0
актуальность для настоящего	45	9,7
фактовость при актуализации длительности действия	34	7,4
начинательность	13	2,8

Пассивные конструкции в форме претерита почти всегда выражают завершенность действия в ущерб актуализации процессного компонента. Если мы обратимся к данным таблицы № 1, то увидим, что аспектуальное значение завершенности действия выражают все встретившиеся нам конструкции в ПП.

Завершенность действия, выраженная ПП, имеет различные аспектуальные оттенки. Чаще всего данная форма обозначает факт в его констатации (54,1%), реже выражает результативный факт (26,0%).

В 9,7% случаев ПП, обозначая завершенность действия, одновременно выражает актуальность для настоящего. В 7,4% случаев ПП выражает фактовость, актуализируя при этом процессную ситуацию.

Аспектуальный признак начинательности занимает самое последнее место по частотности своего употребления в ПП – 2,8%.

Рассмотрим аспектуальные признаки претеритального пассива подробнее.

Завершенность действия, выраженная ПП, в прагматическом плане часто используется для точной передачи фактов, в их констатации. ПП, в отличие от ПА, всегда обладает фактическим значением. Причем, данный языковой факт типичен для всех шести видов исследуемых текстов. Представленные ниже примеры наглядно демонстрируют это явление:

(1) Diese Vereinsgründung **wurde** von Sudermann anlässlich einer Protestversammlung im Festsaal des Berliner Rathauses *am 25. März* der Öffentlichkeit **bekannt gegeben**. [5]

(2) *Etwa 324.000 Habrobracon hebetor und 191.000 Xylocoris flavipes **wurden freigelassen***, die Mottenpopulationen in dem behandelten Lagerhaus waren 54% bis 83% geringer als die Populationen eines Kontrolllagers, in dem konventionell mit Maiathion behandelte Erdnüsse eingelagert waren. [6]

(3) Es ist daher nicht verwunderlich, dass *Mitte 2002* von 68 Sektorvorschlägen über Verhandlungen nur drei den Erziehungssektor betrafen und dass medizinische Dienste sowie Gesundheitsdienstleistungen überhaupt nicht **einbezogen wurden**. [2]

(4) Viel näher liegt eine Erklärung, die unmittelbar bei der Entwicklung eines relativähnlichen Hauptsatztyps ansetzt, wie sie *im vorangehenden Abschnitt beschrieben wurde*. [1]

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что такие конструкции употребляются, в основном, с лексическими показателями, которые уточняют дату свершившегося действия. Чаще всего дается указание года, числа или месяца, когда произошло действие. В примере (1) таким индикатором являются месяц и число “am 25. März”, а в примере (3) год “Mitte 2002”. Иногда указываются точные цифры, как в примере (2).

Иногда ПП, выражающий завершенность действия, вводится предложениями, указывающими на то, что выполненное действие действительно является фактом, например:

(5) *Gekoppelt an die Tatsache*, dass den Beitrittsländern lange Übergangsfristen bei der Beseitigung noch bestehender Beschränkungen der Arbeitskräftemobilität **auferlegt wurden**, bedeutet dies, dass Zuwanderungen in hohem Ausmaß eher nicht zu erwarten sind. [2]

В примере (5) предложение “Gekoppelt an die Tatsache” явно указывает на то, что ПП обозначает факт. Сравним данный пример с примером в форме перфекта пассива, который также выражает действие, констатирующее факт:

(6) So wurde gerade der „Aufruf der 93“ zum Symbol deutscher Überheblichkeit – ungeachtet *der Tatsache*, daß damals auf beiden Seiten inhaltlich sehr viel Schlimmeres **veröffentlicht worden ist**. [5]

Весьма редко лексические показатели места одновременно указывают на завершенность действия и фактовость, выраженную ПП, например:

(7) *Im zweiten Durchgang, dem zweiten Kapitel, **wurden*** die grundlegenden theoretischen Konzepte von Handlungstheorie, Interaktionstheorie und Institutionentheorie sowie die Formen der Generierung von Kooperationsgewinnen **entwickelt**. [5]

Следующее предложение взято из заключения, написанного в конце статьи. В данном случае ПП выражает фактовость. При этом особую роль здесь играет сам контекст и экстралингвистический фактор понимания того, что обычно в заключениях делаются выводы и обобщаются результаты исследования и ещё раз называются основные факты, которые были рассмотрены в самой статье:

(8) Nicht alle unpublizierten Dissertationen und nicht alle Arbeiten zur Modellbildung **wurden berücksichtigt**, erstere sind nicht öffentlich verfügbar und letztere enthalten Rohdaten, die bereits an anderer Stelle publiziert wurden. [6]

Иногда ПП, обозначая завершенность действия, одновременно выражает результативный факт. В таких случаях данная форма чаще всего употребляется с различными сочетаниями с предлогом “bis”, которые указывают на время совершения действия и его результативность, например:

(9) Es sollte aber noch vier bis sechs weitere Jahre dauern, *bis Beitrittsverhandlungen* mit den Transformationsländern Mittel- und Osteuropas **aufgenommen wurden**. [2]

(10) Die Reformierung des Steuersystems erfolgte mit Verzögerung, die Einführung eines ausgebauten Wettbewerbsrechts **wurde bis 1993 hinausgeschoben**. [4]

(11) Die Privatisierung der grossen Staatsbanken verlief schleppend, von den Staatsbanken **wurden bis 1994/95 erst drei privatisiert**. [4]

В представленных примерах ПП выражает не просто факт, а результативный факт. Процесс, который чаще всего выражен ПА, завершается определенным результатом, который, в свою очередь, выражен ПП.

Завершенность действия, выраженная ПП, иногда характеризуется выражением результата, актуальным для настоящего. Подчеркнем, что нам не встретилось ни одного примера с данным аспектуальным признаком в активных конструкциях в форме претерита. Следовательно, вполне возможно, что данное аспектуальное значение присуще только претеритальным пассивным конструкциям.

Здесь наблюдается родство форм ПП и перфекта пассива.

(12) Die Staatliche Plankommission **wurde** in ein Zentrales Planungsamt (CUP) **umgewandelt**, das *bis heute* als Stabsorgan ohne operative Befugnisse die Tätigkeit der Regierung durch strategische Analysen und Prognosen unterstützt. [4]

В примере (12) лексический показатель “bis heute” указывает на то, что результат действия, описанного в главном предложении, актуален и в настоящее время. Для сравнения приведем пример с той же аспектуальной семантикой, но выраженной формой перфекта пассива:

(13) 1961 hat erneut Albert Hömberg auf die Bedeutung des Hebe- registers hingewiesen, das *bisher* noch nicht zur Aufhellung der Frühgeschichte des westfälischen Städtewesens herangezogen worden ist, weil es sich dabei um eine Quelle handelt, in der man *Materialien* zur Stadtgeschichte gar nicht vermutet. [7]

В представленном примере лексическим показателем актуальности действия, реализовавшегося в прошлом, является наречие “bisher”.

Если ПП тяготеет к указанию на завершенность действия, указывая на достигнутость действием своего естественного предела, то ПА, как известно, часто либо обозначает прерванность действия, либо вопрос о том, было ли действие прервано или завершено, остается открытым, например:

(14) Bereits im selben Jahre begleitete er *Carl Ritter* auf der Peloponnes. [3]

(15) Rhetorisch ungemein wirkungsvoll nützte der französische Ministerpräsident die *Symbolkraft* des „Aufrufs der 93“, um durch seine Verlesung und Kommentierung die Unmöglichkeit darzutun, an einen baldigen Wandel zum Besseren in Deutschland zu glauben. [5]

(16) Währenddessen etwa suchte der deutsche Dichter Hölderlin *das Land* der Griechen „mit der Seele“. [3]

Итак, в большинстве случаев значение пассивных конструкций в форме претерита в аспектуальном плане родственно значению пассивных конструкций в форме перфекта. Что касается частой замены перфекта претеритом в пассивных конструкциях, то здесь, как нам кажется, важнейшую роль играют следующие обстоятельства.

Во-первых, ПП, в отличие от ПА, почти всегда обладает фактическим значением. Тем самым его семантика в значительной мере сближается с семантикой перфекта, что и лежит в основе широко распространенной замены пассивного перфекта пассивным претеритом [8].

Во-вторых, перфект пассива по своей структуре является очень громоздкой грамматической формой, а значит неудобной в употреблении:

Семантико-структурные свойства ПП, выражающиеся в сдвиге на задний план субъекта действия и в концентрации внимания на объекте действия, создают особый план видения изображаемого действия, который сужает наблюдаемость процессной ситуации, то есть одна из сторон проводимого процесса остается как бы “за кадром”. Поэтому ПП часто используется для выражения результирующего действия без актуализации процессно-длительного компонента. Таким образом, в немецком языке ПП часто используется для обозначения конечной фазы действия.

В ходе исследования было также установлено, что ПП способен обозначать фактовость, при этом актуализируя длительности действия (7,4%), например:

(17) Demnach entstammen von 173 Neubürgern, die zwischen 1311 und 1350 in Frankfurt **aufgenommen wurden** und eine Berufsbezeichnung tragen, lediglich 26 (=15%) aus der landwirtschaftlichen Produktion. [7]

При этом процесс изображается здесь замкнутым в конкретных временных рамках. Эти временные рамки устанавливаются различными лексическими единицами. Следующие примеры демонстрируют встретившиеся нам варианты таких единиц. В приведенных примерах ПП выделен жирным шрифтом и подчеркнут, а лексические единицы, ограничивающие время совершения действия, выделены курсивом.

(18) *Während der folgenden Jahrzehnte* **wurde** der Frage der Stammesgeschichtlichen Herkunft der Nemertinen eine wissenschaftliche Aufmerksamkeit **geschenkt** [9]

(19) *In den letzten 80 Jahren* **wurden** eine beachtliche Zahl an Studien über natürliche Feinde von Vorratsschädlingen **erstellt**. [6]

(20) Die Beschleunigung des Produktionswachstums in *den Jahren 1993 und 1994* **wurde** von allen Branchen des verarbeitenden Gewerbes **getragen**. [4]

(21) Von den Ende 1990 registrierten 8 441 Staatsunternehmen **wurden im Laufe von fünf Jahren** erst 5 205 in den Prozeß der Privatisierung **einbezogen**, von denen wiederum **wurde** weniger als die Hälfte tatsächlich **privatisiert**. [4]

Последний пример интересен тем, что в главном предложении при выражении длительности действия была задействована форма ПП, а не ПА, как это происходит в большинстве случаев. За счет лексического показателя длительности протекания действия "*im Laufe von fünf Jahren*" ПП выражает длительность действия, ограниченного временными рамками. В придаточном определительном та же форма выражает уже результативный факт, возникший вследствие завершения этого действия.

Иногда лексические единицы, указывая на то, как протекало само действие, то есть, являясь обстоятельствами образа действия, одновременно ограничивают длительность этого действия, например:

(22) Vor allem entfalteten sie eine sehr große Wirkung: Sie erlebten rasch Neuauflagen und **wurden in kürzester Zeit** in andere Sprachen (darunter ins Deutsche) **übersetzt**. [3]

Таким образом, представляется правомерным сделать следующий вывод.

Процессы, представленные в ПП, связаны с реализацией, как правило, предельных ситуаций. Приближение действия к пределу в таких конструкциях означает не просто завершение действия, а является ре-

результатом данного действия. Чаще всего в таких случаях ПП обозначает приближение к пределу в перспективе развития действия. Длительное действие не просто противостоит конкретному факту, но конкретному факту в комбинации с результативным состоянием, что способствует развитию в данной форме дополнительного семантического элемента – движение предмета к определенному результативному состоянию.

Итак, ситуации, выражающие длительность или процесс, в ПП всегда являются предельными. В этом проявляется одно из ограничений, налагаемых семантическим планом ПП на реализацию данной функции. Таким образом, в подобных случаях форма претерита в пассивных конструкциях выражает пердуративный (длительно-ограничительный) способ действия.

При выражении ПП срединной фазы действия (процессности и континуативности) огромную роль играет семантика глаголов. В представленных ниже примерах при образовании ПП задействованы глаголы континуативного способа действия. Сама же форма ПП указывает на завершенность действия.

(23) Die Kontinuität des Reformprozesses **wurde** nicht unterbrochen, die restriktive Geld- und Haushaltspolitik im wesentlichen **fortgesetzt**. [6]

(24) Parallel zu den Münchner Protestaktionen - z. T. auch in enger Wechselwirkung mit ihnen – **wurde** unter Sudermanns Führung die Oppositionsbewegung in Berlin **weiterentwickelt**. [5]

В следующем примере ПП образован от глаголов континуативного и кумулятивного способов действия. При этом сама форма ПП указывает на завершенность действия (на достигнутость действием своего естественного предела).

(25) Die Zahl der Fachministerien im Bereich der Wirtschaft **wurde weiter eingeschränkt**, die Ministerien für die einzelnen Branchen **wurden** zu einem einzigen Industrie- und Handelsministerium **zusammengefaßt**. [4]

В приведенном примере ПП выражает сопряженность кумулятивного и результативного способов действия, так как, второе предложение с конструкцией ПП рассматривается нами как вывод, или заключение.

Еще один способ действия, который выражает ПП – завершение начинательной фазы действия. Данное явление нельзя назвать типичным для ПП, тем не менее, пассивные конструкции в форме претерита с такой аспектуальной семантикой все же встречаются (2,3%), например:

(26) Das Bankwesen Polens befindet sich noch am Anfang seiner Entwicklung, obwohl mit dem Aufbau eines Geld- und Kapitalmarktes frühzeitig **begonnen wurde**. [4]

(27) Die Wettbewerbspolitik **wurde** mit dem Aufbau der Institutionen des Geld- und Kapitalmarktes **begonnen**. [4]

В основном, начинательный способ действия выражается при помощи глагола “beginnen”. Другие способы выражения данного аспектуального признака в анализируемых видах научных текстов нам не встретились. Сама же форма ПП указывает на завершенность начальной фазы действия.

Итак, аспектуальные значения ПП во многих случаях не совпадают с аспектуальными значениями ПА.

Если ПП тяготеет к указанию на завершенность действия, указывая на достигнутость действием своего естественного предела, то ПА в большинстве случаев вопрос о том, было ли действие завершено, оставляет открытым, кроме тех случаев, когда эта форма образована от явно предельного глагола.

ПП, в отличие от ПА, всегда выражает завершенность действия вне зависимости от аспектуальной характеристики глагола. ПА, в отличие от ПП, выражает неопределенные процессные ситуации при употреблении неопределенных или нейтральных глаголов. ПП может лишь актуализировать процессную ситуацию, обозначая при этом завершенность действия.

Завершенность действия, выражаемая ПП, имеет различные аспектуальные оттенки. ПП может просто констатировать факт (54,1%), выражать результативный факт (26,0%), передавать факт, актуальный для настоящего времени (9,7%), констатировать факт, при этом актуализируя длительность действия или процесс (7,4%). ПА обычно не способен обозначать действие, актуальное для настоящего, а также результативный факт. Такую способность он приобретает лишь в том случае, если образован от предельного глагола.

Значение пассивных конструкций в форме претерита в аспектуальном плане родственно значению пассивных конструкций в форме перфекта. При этом происходит частая замена перфекта претеритом в пассивных конструкциях.

ПА от неопределенных глаголов континуативного и кумулятивного способов действий выражает незавершенное действие. ПП при таких же условиях указывает на завершенность действия.

Список литературы

1. Braunmüller, K. Was ist Germanisch heute? // Sprachwissenschaft: hrsg. von R. Bergmann, K. Donhauser, H.-W. Eroms, E. Glaser, T. Venne-mann. – Heidelberg:Universitätsverlag C. Winter, B. 25, H. 3, 2000. – S. 271-295.
2. Buch, M. Claudia. Die Osterweiterung der EU aus ökonomischer Sicht // Die Weltwirtschaft. Institut für Weltwirtschaft Kiel – Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag, H. 2, 2003. – S. 181-193.
3. Gerke, H-J. Auf der Suche nach dem Land der Griechen: Wissenschaftliche Reise und ihre Bedeutung für die Erforschung der griechischen

Geschichte im 19. Jahrhundert // Philosophisch-historische Klasse der Heidelberger Akademie der Wissenschaften – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, B. 29, 2003. – S. 2-30.

4. Herberg, H. Polen: Erfolge der Schocktherapie und ungelöste Strukturprobleme // Transformation des Wirtschaftssystems in den mittel- und osteuropäischen Ländern: Außenwirtschaftliche Bedingungen und Auswirkungen. Deutsches Institut für Wirtschaftsforschung – Berlin: Duncker&Humboldt, Sonderheft 161, 1997. – S. 88-141.

5. Ungern-Sternberg, J. Ungern-Sternberg, W. Der Aufruf „An die Kulturwelt!“ // Historische Mitteilungen – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, Beiheft 18, 1996. – S. 27-104.

6. Schöller, D. Räuber und Parasitoide // Mitteilungen aus der Biologischen Bundesanstalt für Land- und Forstwirtschaft. 100 Jahre Pflanzenschutzforschung. Wichtige Arbeitsschwerpunkte im Vorratsschutz – Berlin-Dahlem: Parey Buchverlag, Heft 342, 1998. – S.86-147.

7. Stamm, V. Gab es eine bäuerliche Landflucht im Hochmittelalter? Land-Stadt-Bewegungen als Auflösungsfaktor der klassischen Grundherrschaft // Historische Zeitschrift – Berlin, B. 276, H. 2, April, 2003. – S. 305-321.

8. Homann, K. Suchanek, A. Ökonomik: Eine Einführung. – 1997. – S. 183-197.

9. Senz, W. Über Organisation und Stammesgeschichte der Nemertinen – eine Untersuchung basierend auf kritischen Überlegungen zur Theorie der Stammesgeschichtsforschung // Sitzungsberichte und Anzeiger. Österreichische Akademie der Wissenschaft. Mathematisch-naturwissenschaftliche Klasse. Abteilung I – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, B. 204, 1997, Sitzungsberichte I, B. 134, 1997. – Anzeiger I, S. 3-33.

ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНИЦИАЛЬНОГО СОЮЗА BUT В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

Ключевые слова: диалогический дискурс, сочинительные союзы, экспрессивность, эмотивность

Dialogical discourse, coordinative conjunctions, expressivity, emotiveness

В статье рассматриваются случаи употребления межфразового BUT для внесения экспрессивного или эмотивного компонента в диалогический дискурс. Экспрессивно-эмотивный потенциал BUT наиболее полно реализуется в тех случаях, когда его противительное значение ослаблено. Эмотивный компонент связан с негативной оценкой. Экспрессивность инициального BUT связана с усилением коммуникативного намерения или совершением остенсивной коммуникации.

The article analyzes the use of utterance-initial BUT that adds extra expressive or emotive component to the dialogue. This function becomes dominant for this connective in those contexts where its contrastive meaning is vague. The emotive component is linked to the negative assessment of the communicative situation or state of affairs by the speaker. The expressive component is linked to the communicative intention or ostensive communication.

Развитие анализа дискурса и когнитивной лингвистики привело к использованию лингвистами новых подходов при рассмотрении традиционных языковых явлений. Многие языковые единицы, в том числе и союзы, стали рассматриваться с точки зрения их функционирования в развернутых отрезках речи, т. е. в дискурсе.

Цель данной статьи – рассмотреть, каким образом союз BUT, начинающий высказывание, вносит в высказывание дополнительный экспрессивный или эмотивный компонент. Экспрессивность в настоящей работе связывается с функцией целенаправленного воздействия на адресата и усилением коммуникативного намерения говорящего [1]. Эмотивность (или эмоциональность) понимается как выражение субъектом своих чувств [2].

* **Куралева Татьяна Владимировна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Многие лингвисты отмечают, что союзы, начинающие высказывания, относятся к элементам экспрессивного синтаксиса и способны придавать дополнительную экспрессивность включающему их высказыванию, по сравнению со сложносочиненным предложением [3]. Думается, что употребление союза в начале предложения является не просто орфографическим выделением, а выбором говорящего, который обусловлен прагматикой высказывания, когнитивными процессами и структурой дискурса. По справедливому замечанию Е.А. Реферовской, сочетание предложения, законченного точкой, со следующим за ним предложением, начинающимся с союза, не идентично сложному предложению и имеет свои особенности, что позволяет считать, что в этом случае мы имеем дело с речевой структурой особого рода [4]. Анализ инициальных сочинительных союзов позволяет обнаружить у последних такие значения и функции, которые не проявляются в рамках сложносочиненного предложения [5].

Экспрессивно-эмотивный потенциал союза BUT наиболее полно реализуется в тех случаях, когда его противительное значение ослаблено, и союз используется говорящим не для экспликации контрастных отношений между высказываниями, а для акцентирования внимания адресата на последующем фрагменте дискурса. Отметим, что подобное употребление союза сходно с употреблением частиц.

Начнем с рассмотрения тех случаев, в которых инициальное BUT вводит высказывание, ограничивающее смысл или уточняющее предыдущее высказывание:

“...the Mississippi Legislature in 1984 passed a law giving a condemned man the choice of dying by lethal injection or in the gas chamber. **But** the new law applies only to those convicted after July 1, 1984” [6: 174].

В данном случае союз BUT вводит высказывание, уточняющее и корректирующее содержание предыдущего высказывания. Нетрудно заметить, что при порождении данного фрагмента дискурса происходит непреднамеренная передача информации (действие закона распространяется на всех заключенных), так как адресат воспринимает его как релевантный для данного контекста. Выбор данной тактики связан с желанием говорящего сделать дополнительный акцент на правом контексте и усилить экспрессивность высказывания. Такая организация дискурса делает манифестацию коммуникативного намерения говорящего более явной, то есть позволяет говорящему совершить так называемую остенсивную коммуникацию [7].

Инициальное BUT может употребляться для привлечения внимания собеседника к актуальной информации:

“I want to see. I want her to show me too. **But** the point is <...> they believe her when she says she was aboard that airplane. It’s more than mere belief” [8: 165].

Здесь инициальное BUT входит в один смысловой блок с последующим клише, образуя инициальный блок. Союз BUT кладет предел развертыванию предыдущего фрагмента дискурса и переключает внимание собеседника на новую, более важную тему. Помимо этого, BUT вносит в речь персонажа эмотивный компонент, который связан с внутренним возражением говорящего и его негативным отношением к сложившейся ситуации.

BUT может вводить высказывание, подкрепляющее содержание предыдущего:

“I have to get out of this hotel and you’re going to help me. Once I’m out, I’ll let you go. **But** not until then” [9: 73].

Высказывание, включающее инициальное BUT, усиливает и подкрепляет существующие когнитивные установки коммуникантов. Фактически, содержание высказывания с инициальным BUT повторяет содержание предыдущего высказывания, что позволяет усилить коммуникативное намерение говорящего. Кроме того, дополнительная экспрессивность создается за счет парцеллированной структуры. Союз BUT также указывает на конфликт между точкой зрения говорящего и невербализованной точкой зрения собеседника. Иначе говоря, BUT является реакцией на возможные возражения собеседника, то есть реакцией не на вербальное действие собеседника, а на его мыслительную деятельность.

Межфразовое BUT может выступать как показатель протеста и несогласия говорящего с ситуацией:

“Every advancement in genetics since then...spring directly from the work of Francis Crick and his colleagues. Crick is a scientist’s scientist, Joe, to no degree a spiritualist or mystic. **But** do you know what he suggested a few years ago? That life on earth may well have been designed by an extraterrestrial intelligence” [8: 274].

“Bourne traces each source, feeding each false information, thus exposing each and confirming the exposure. **But** why? To whom? We know what and who he is now, but he relays nothing to Washington” [9: 360].

Нетрудно заметить, что BUT здесь практически лишено смысловой нагрузки и указывает на отрицательные эмоции, которые испытывает говорящий, и его несогласие с положением дел. Союз BUT и вопросительное местоимение сливаются в один смысловой блок, образуя риторический вопрос. Благодаря инициальному союзу вопросительное высказывание функционально приближается к восклицанию, что усиливает общую эмоциональную напряженность дискурса и вводит в него не-

гательную оценку сложившейся ситуации. Иначе говоря, эмотивный компонент высказывания, как правило, связан с оценкой.

Рассмотрим случаи, в которых BUT вводит уточняющее высказывание в условиях обмена репликами:

“It doesn’t seem like a year already, does it, Beth?”

“Mostly not. **But** sometimes it seems ages ago” [8: 6].

BUT вводит высказывание, уточняющее и конкретизирующее содержание «опорного» высказывания. Характерно, что в ответной реплике говорящий сначала выражает согласие с репликой первого коммуниканта, а затем частично опровергает представленную информацию, внося уточнение в ее содержание. Таким образом, BUT делает возможным соположение противоречащих друг другу высказываний. Такое построение дискурса позволяет говорящему выразить несогласие с собеседником в мягкой форме. Добавим, что BUT выступает здесь как показатель конфликта между содержанием двух высказываний и, в то же время, позволяет говорящему избежать конфликта с собеседником.

BUT может вводить высказывание, частично опровергающее информацию, представленную в предыдущем высказывании:

“I assume you brought two cars because you were prepared to give one to Joe and me.”

“Yes. **But** we hoped—“

She put a hand on his arm. “Soon but not tonight. I’ve got urgent business...” [8: 267].

Аналогично предыдущему случаю, обмен репликами построен таким образом, чтобы говорящий мог смягчить свое коммуникативное намерение и избежать конфликта с собеседником. Реагирующая реплика второго участника коммуникации начинается с выражения согласия на реплику первого коммуниканта (yes) с последующим ее опровержением. Интересно отметить, что наличие союза BUT, указывающего на конфликт между содержанием высказываний, позволяет слушающему предсказать дальнейшее развитие дискурса и отреагировать на незавершенное высказывание.

В диалогических единствах также встречаются случаи, в которых BUT употребляется для привлечения внимания собеседника к актуальной информации:

“They were classmates at the University of Toronto. I can call him from here...”

“Sure. **But** don’t say where you are” [9: 182].

Подобное употребление BUT, как правило, связано с необходимостью отрицания потенциально ложной инференции, т.е. выводного знания, и установлением связи между языковой и ментальной сторонами дискурса. Кроме того, BUT свидетельствует о том, что высказывание мыслится говорящим не как логическое продолжение предыдущего, а

как высказывание, чье содержание вступает в конфликт с содержанием предыдущего. Причем источником конфликта выступают существующие когнитивные установки говорящего, разделяемые его собеседником.

Остановимся на случаях, в которых BUT используется для взятия репликового шага:

“You mean she never screamed, cried out?”

“No. Never.”

“**But** that’s impossible” [8: 91].

В данном случае функция BUT заключается во введении эмотивного компонента в высказывание и в указании на внутренний протест говорящего и его несогласие с информацией, предоставленной собеседником. Таким образом, BUT указывает на конфликт между когнитивными установками первого собеседника в отношении поведения человека и информацией, представленной вторым собеседником. Другими словами, информация собеседника не соответствует стереотипу инициатора речи, что и вызывает его определенную эмоциональную реакцию. Союз BUT выступает как вербальный показатель наличия данной реакции, а также вносит в дискурс элемент субъективной модальности (модальность странного). Модальность странного определяется как зафиксированное субъектом речи отношение к нарушению стереотипа [10]. Еще раз отметим, что в подобных примерах союз BUT сходен в своем употреблении с употреблением частиц. Подобные языковые единицы, как русского, так и английского языков, могут классифицироваться как союзы-частицы, то есть элементы языка, способные при определенных условиях совмещать функции частиц и союзов. Союзы-частицы имеют гибридную функциональную природу в том смысле, что в рамках дискурсивной последовательности они приобретают дополнительные свойства эмоционально-экспрессивной и модальной оценки [11]. Близость некоторых частиц и союзов также отмечает А.М. Пешковский [12].

Рассмотрим случай, в котором BUT указывает на несогласие с ходом мысли собеседника:

“That’s about it, I reckon. ...That’s why old man Meyer was so cagey. He knew a good deal more than he was prepared to tell us.”

“**But** we have no real evidence—“ [13: 110].

Как видно из примера, союз BUT прерывает логическую цепочку собеседника и вводит высказывание, выражающее несогласие с его аргументацией. В отсутствие союза высказывание представляло бы собой обычную констатацию факта. Инициальный союз позволяет повисить коммуникативную значимость предоставляемой информации и усиливает его эмотивность. При этом BUT сигнализирует о конфликте точек зрения собеседников. В отличие от случаев, когда BUT-высказывание предваряется реактивной репликой, здесь происходит некооперативное взятие шага.

Таким образом, союз BUT может выступать как маркер двух различных стратегий речевого поведения. В тех случаях, когда ответное высказывание предваряется ответной репликой, выражающей согласие, говорящий использует куртуазную стратегию поведения, то есть стремится к соблюдению этикетных форм общения. В случаях, когда говорящий начинает реплику с BUT, выражающего негативную оценку и несогласие с собеседником, говорящий использует инвективную стратегию речевого поведения, то есть коммуникативные реакции коммуниканта являются проявлением его эмоциональных реакций [14].

Наконец, рассмотрим случай изолированного употребления BUT. Отметим, что такое употребление инициального BUT представлено единичными случаями. Такое BUT, как правило, является результатом перебива:

“Just tick one of the boxes. That's all.”

“**But**—“

“**But** you'll disappoint me if you tick the last one, is that it? ...” [13: 57].

В данном случае изолированно употребленный союз сигнализирует о нежелании говорящего выполнить просьбу собеседника и о его негативной оценке ситуации, а также дает возможность слушающему спрогнозировать развитие дискурса. Собеседник, в свою очередь, подхватывает союз и включает его в свой верифицирующий вопрос. Как и в рассмотренных ранее случаях, союз выступает как индикатор эмоционального состояния говорящего.

Итак, экспрессивно-эмотивный потенциал инициального союза BUT обусловлен как его начальным положением в высказывании, так и его противительной семантикой. Экспрессивно-эмотивный характер является особенностью межфразового BUT и не присущ этому союзу в сложносочиненном предложении. В подобных случаях контрастивная семантика союза ослаблена, а употребление союза сходно с употреблением частиц. Инициальное BUT вносит в дискурс дополнительный эмотивный оттенок, который связан с негативной оценкой говорящим ситуации или предоставленной информации. Экспрессивность инициального BUT связана с усилением говорящим своего коммуникативного намерения и совершением остенсивной коммуникации. Как правило, BUT является показателем конфликтного развития дискурса и свидетельствует о разногласиях между участниками коммуникации. Инициальное BUT часто свидетельствует об одной из двух коммуникативных стратегий: об инвективной стратегии речевого поведения (при употреблении BUT для взятия репликового шага) и о куртуазной стратегии, если BUT-высказывание предваряется реактивным высказыванием, выражающим согласие с точкой зрения собеседника. Кроме того, союз BUT может свидетельствовать о том, что говорящий оценивает содержание высказывания как нарушающее ожидаемый ход событий и отступающее

от стереотипа, то есть являться средством создания «модальности странного».

Список литературы

1. Поспелова А.Г. Возможные подходы к решению проблемы экспрессивности и эмоциональности слова и предложения // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 5. Слово и предложение в структурно-семантическом аспекте. – Л: ЛГУ, 1985.

2. Телия В.Н. О различении рационального и эмотивного (эмоциональной оценки) // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М: РАН, Ин-т языкознания 1996.

3. Biber D., Johansson S., Leech G. et al. Longman Grammar of Spoken and Written English. – Harlow: Longman, 2000.

4. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. – Л: Наука, 1983.

5. Кручинина И.Н. Textoобразующие функции сочинительной связи // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М: Наука, 1984.

6. Grisham J. The Camber. – London, 1994.

7. Sperber D., Wilson D. Relevance. Communication and cognition. – Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1986.

8. Koontz D. Sole Survivor. – New York, 1997.

9. Ludlum L. The Bourne Identity. – New York, 1980.

10. Емельянова О.В. Неопределенный артикль и авторская модальность в художественном тексте // Диалектика текста. Том.2 / под ред. А.И. Варшавской. – СПб: С-Петербург. гос. ун-т, 2003.

11. Макаренко А.В. Союзы-частицы как средство установления синтаксической связности и семантической квалификации: автореф. дис. канд. филол. наук. – Ставрополь, 2006.

12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М: Языки славянской культуры, 2001.

13. Dexter C. Service of all the dead. – London, 1980.

14. Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопр. стилистики. – Вып. 26. Язык и человек. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1996.

МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

Ключевые слова: концептуализация, отношение посессивности, языковой механизм, языковой уровень

conceptualization, relation of possessiveness, linguistic mechanism, language level

В статье анализируется сущность концептуализации отношения посессивности, описываются особенности данного процесса на разных языковых уровнях и механизмы концептуализации отношения посессивности на каждом из них.

The article analyses the essence of conceptualization of possessive relations. Its peculiarities on different linguistic levels and mechanisms of conceptualization of possessive relations are described.

Отношение посессивности, как и любой другой тип отношений, является феноменом гносеологического уровня познания в противопоставлении миру реальных онтологических объектов. Это подразумевает анализ, осмысление и формирование отношения к увиденному, прочувствованному и пережитому, т.е. к объективно существующим вне нашего сознания онтологическим явлениям действительности. Иными словами, приходящая к человеку извне информация подвергается не только ее непосредственному восприятию, но и сложнейшей обработке до полного отражения в сознании человека и получения в нем определенной ментальной репрезентации. Хотя отношение посессивности носит субъективный характер, поскольку зависит от того, каким типом языковой личности является человек и какими знаниями он обладает, конструирование данного типа отношения отражает реально существующие связи между онтологическими объектами окружающего мира. Целью данной статьи является выделение основных типов отношения посессивности и анализ языковых механизмов, участвующих в процессе концептуализации данного типа отношения.

Отношение посессивности указывает на отношение, складывающееся между субъектом обладания и объектом обладания. Причем по-

* Малахова Виктория Леонидовна, Белгородский государственный университет.

добные отношения могут возникать как между отдельными предметами или лицами окружающего мира, так и внутри самого предмета или лица.

В качестве основы отношения посессивности, как правило, выделяют общую семантику *владения / обладания*. С одной стороны, это кажется целесообразным, поскольку *собственно владение* выражает наиболее абстрагированное, независимое от контекста значение, неосложненное другими смыслами. Однако с другой стороны, в процессе речемыслительной деятельности в предложении-высказывании на общую семантику *владения / обладания* наслаиваются, в зависимости от специфики ситуации, дополнительные оттенки, детализирующие и конкретизирующие довольно разнообразные и сложные отношения посессивности. Поэтому правомерно признать их неоднородность, разнообразность и иерархичность.

В основе разграничения отношений посессивности лежит целый ряд критериев. К ним могут быть отнесены такие как, например, неотторжимая принадлежность или неотчуждаемость, отношение вхождения, отрицательная принадлежность, принадлежность по функции и др.

Как полагает М.А. Журинская, неотторжимая принадлежность подчеркивает максимально тесную, нерасторжимую связь посессора и объекта, утратив которую посессор перестает быть тождественным самому себе и, следовательно, вне связи с объектом не мыслится [1]. Отрицательная принадлежность предполагает отношения необладания или лишения. Принадлежность по функции определяет возможность отчуждаемости объектов, т.е. такие предметные, одушевленные и абстрактные сущности, которые не предполагаются языковым менталитетом обязательными или вероятными для посессора вообще. Помимо этого отношения посессивности могут трактоваться, в зависимости от ситуации, как неподвижные, статичные, и как движущиеся, динамичные.

Разнообразие типов отношения посессивности отражено в различных классификациях (см., напр., [2; 3; 4]). Наиболее полный анализ семантики данного типа отношений, на наш взгляд, представлен в классификации О.Н. Селиверстовой. Она выделяет: отношение свойства к объекту, в состав которого оно входит (т.е. носитель – свойство); отношение «вещественной» части к целому (часть – целое); отношение чувства / ощущения / состояния к его носителю (чувства, ощущения – продукты жизнедеятельности посессора); отношение представления, понятия, элемента мировоззрения к их носителю; отношение действий, которые осуществляет посессор, или процессов, которые в нем протекают, а также результатов, продуктов этих действий к самому посессору; отношение посессор – возможности, которые он может реализовать в своих действиях; отношение посессор – временные отрезки его существования; отношение посессор – место в пространстве, которое он занимает или должен занимать; отношение посессор – члены класса; отношение посессор – временная или посто-

янная собственность, вследствие того или иного права, закрепленного за ним или присвоенного ему (см. подр. [5]).

В то же время отношения посессивности не ограничиваются представленными смыслами, хотя, как подчеркивает О.Н. Селиверстова, все их варианты могут быть охарактеризованы тремя основными случаями: нахождение в силовом поле посессора, т.е. распространение власти посессора (юридической, физической, нравственной) на объект; включение в качестве части посессора или части его существования; связь через свойство, существующее как отношение к посессору, т.е. объект несет в себе элемент посессора [5]. Следовательно, в основе всех типов отношения посессивности лежит общая идея «распространения» одного объекта (посессора) на другой или на некоторое множество других (обладаемые), иными словами, «распространение» объекта на мир [там же].

Многообразие типов отношения посессивности свидетельствует о различии в концептуализации данного типа отношения, а, следовательно, и способности языка создавать вариативные способы представления одного и того же содержания, используя для этого разнообразные средства. Концептуализация отношения посессивности осуществляется различными языковыми механизмами. В качестве языковых механизмов в работе рассматриваются языковые средства концептуализации отношения посессивности, семантика которых формирует определенный объем концепта *посессивность* и обеспечивает его понимание.

Процесс концептуализации окружающего мира осуществляется на разных языковых уровнях, а именно: лексическом, морфологическом и синтаксическом. Соответственно выделяют и языковые механизмы концептуализации, в том числе и отношения посессивности.

К лексическим языковым механизмам концептуализации отношения посессивности мы относим языковые единицы, семантика которых передает отношение *владение / обладание*:

*... I get up and go into the steamy bathroom as she begins to dive into the walk-in closet that **belongs** to her (Dubois).*

На морфологическом уровне концептуализация данного типа отношения представлена родительным падежом существительного и образуемой им конструкцией *N's+N*:

*In one point he was more fortunate than **the novel's fantastic hero** (Wild).*

Языковые механизмы синтаксического уровня представляют собой посессивные конструкции: конструкция с предлогом *of* (*Then she realized that it was **laughter of sanity** (Wilson)*), конструкция с предлогом *with* (***The gloomy little study, with windows of stained glass to exclude the view, was full of dark green velvet and heavily-carved mahogany...** (Galsworthy)*), существительное с притяжательным местоимением (***My black Mercedes is already pulled up, engine purring, faint tendrils of exhaust eddying up into the***

*thick, cold air (Dubois)), беспредложное сочетание существительных (Despite the shot, no **porch lights** were popping on (Collins)).*

Отношения посессивности, как правило, рассматриваются на оппозиции конструкций *N's+N* и *N of N*, предполагающей учет возможности и невозможности существительных входить составным компонентом той или иной конструкции. Разграничение употребления данных конструкций основывается на семантике определяющего и определяемого существительных, подвергаемых изменениям в родительном падеже. Согласно общепринятой тенденции способность образовывать форму родительного падежа приписывалась существительным, обозначающим одушевленные предметы, в то время как существительные, обозначающие неодушевленные предметы, считались зависимым компонентом в составе конструкций с предлогом *of*. Однако все больше исследователей сходится во мнении, что употребление притяжательного падежа в современном английском языке возможно с существительными, обозначающими как одушевленные, так и неодушевленные предметы. По мнению, например, А.И. Смирницкого, притяжательный падеж принципиально возможен у всех существительных, несмотря на определенные семантические ограничения в его употреблении [6]. Развивая эту мысль, К.М. Баранова подчеркивает, что «категория посессивности настолько релевантна для английского языка, что притяжательный падеж имени существительного, как наиболее естественное средство ее выражения, начинает активно расширять зону своего употребления» [7].

Возможность существительных, обозначающих неодушевленные предметы, образовывать родительный падеж может быть подтверждена следующими примерами:

*There was an additional note underneath the actual bill part from **the shop's owner** ... (Weisberger).*

*When she began to empty the basket on **the porch's** wooden table, she realized she had gathered too many stones ... (Highsmith).*

*...the more philosophically inclined tried to uncover the secrets of existence and to unravel **Life's** great **mysteries** ... (Puzo).*

***A watch's** minute **hand** moves more quickly than did **min** (Poe).*

Среди подобных существительных, способных занимать позицию первого существительного в конструкции *N's+N*, наиболее употребительными являются следующие: собирательные имена существительные; географические названия, имена собственные; имена существительные, описывающие локативные отношения, местоположение объектов; имена существительные, обозначающие временные отрезки; имена существительные, референтно соотнесенные с предметами, имеющими особую значимость для жизнедеятельности человека.

Наличие в семантике общих для данных конструкций смыслов и оттенков (конкретная принадлежность, состояние, кваликативные отно-

шения, агентивные, темпоративные, отношения сравнения, локативные отношения, пациентивные, инструментативные) может обуславливать, как считает И.В. Тропинова, их функциональное сближение в ряде случаев [4]:

1. Полная функциональная эквивалентность, обуславливающая взаимозаменяемость:

*While my body knew what it craved for, my mind rejected my **body's** every **plea** (Nabokov).*

***The motion of his body, too, was at variance with this idea...** (Poe).*

2. Смысловая эквивалентность и отсутствие взаимозаменяемости, обусловленной фонетическими, синтактико-фонетическими и другими факторами:

*In the endless white night of the hospital waiting room, I began to read the end of **Sam's story** (Patterson).*

*Of **the** widespread **stories** of feats of the great **Onondaga warrior**, Aharihon, there was one that Hiokatoo detested ... (Larsen).*

3. Смысловая дифференциация и ограниченная взаимозаменяемость:

*Woke up this morning feeling happy ..., then suddenly remembered horror of how **yesterday's girls'** night had turned out (Fielding).*

*Memories of my earliest childhood were as accessible as **memories of yesterday** (Wilson).*

Помимо этого в ряде случаев конструкция *N of N*, сохраняя свою семантическую идентичность с конструкцией *N's+N*, приобретает существенно выраженную стилистическую окрашенность:

*They went back to **Julia's flat** to have a cup of tea (Maugham).*

*After two wrong turns, he found Meadowbrook, and then **the home of Mr. and Mrs. Mitchell Y. McDeere** (Grisham).*

Таким образом, становится очевидной тенденция употребления в посессивных конструкциях любых существительных без каких-либо ограничений в семантике. Особенно иллюстративными в этом отношении являются конструкции существительное + существительное (*N+N*) и конструкция с предлогом *with* (*N with N*), в которых семантика как зависимого, так и определяемого компонента не влияет на возможности сочетаемости в пределах одной конструкции. Приведем соответствующие примеры:

*Is it possible to have kitsch ironic **VE day party** - like for the Royal Wedding? (Fielding).*

***The binding** was of citron-green leather, **with a design** of gilt trellis-work and dotted pomegranates (Wild).*

Каждый уровень языковой концептуализации отношения посессивности характеризуется своим собственным набором языковых механизмов. Несмотря на схожесть и вариативность в ряде случаев, языковой механизм обладает своей семантической нагрузкой, своей спецификой

выражения значения посессивности и актуализирует отношение посессивности по-своему. За ним стоит определенная когнитивная структура со своими собственными содержательными характеристиками. Для способов выражения посессивности характерно то, что все они склонны к расширению и сужению данного типа значения. Языковые средства концептуализации отношения посессивности передают отношения данного типа в разной степени детализации, что свидетельствует о нетождественности концептуализации. Наличие разнообразных механизмов языковой концептуализации отношения посессивности и их альтернативность подчеркивают неоднородность и сложность данного типа отношения.

Список литературы

1. Журинская М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – с. 194-258.
2. Ежкова Р.В. К проблеме падежа существительных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1962.
3. Рахилина Е.В. Посессивность и вопрос // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб: «Наука», 1996. - С. 118-127.
4. Тропинова И.В. Функционально-семантическое поле посессивности в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1988.
5. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1960.
7. Баранова К.М. Разноструктурные средства описания однотипных ситуаций в современном английском языке: (На материале конструкций, выражающих идею притяжательности): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998.

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В ФУНКЦИИ ТОПОНИМОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Ключевые слова: *апеллятив, диахрония, имя собственное, словообразовательная модель, словосочетание, топоним*

appellative, diachronia, proper name, word-building model, phrase, place-name

В центре внимания в данной статье находится проблема структурно-семантического моделирования топонимов немецкого языка. В диахроническом аспекте рассматриваются словообразовательные модели словосочетаний в функции топонимов.

The paper focuses on the problem of structural-semantic modelling of German toponyms. The word-building patterns of German word-combinations functioning as toponyms are under consideration in the diachronic aspect.

Имена собственные выполняют идентифицирующую, индивидуализирующую функцию: они относятся к индивидуальным предметам, указывая на конкретный, единичный денотат [1: 188; 2: 249-253; 3: 473].

Отмечая происхождение имен собственных (ИС) от нарицательных в историческом аспекте, Х. Шмидт намечает основные этапы их развития: «имя нарицательное → речевое имя собственное (ср.: ИС речи – Ш. Балли) → ИС как сингулярный терм», при этом автор подчеркивает, что денотативное значение имеют как ИС, так и ИН, однако характер значения при переходе «ИН → ИС» меняется [4: 65]. ИС берут начало в признаковых словах (апеллятивах) и обнаруживают тенденцию к семантическому опрощению, «стремятся освободиться от того понятия, которое было им присуще первоначально» [1: 191, 194]. Поэтому первоственной задачей анализа ИС является анализ этимологический, позволяющий выявить как словообразовательную, так и семантическую структуру ИС, что весьма актуально для ономатологии, поскольку в германистике в рамках многочисленных работ по словообразованию тщательно исследуется лишь апеллятивная лексика, в то время как ИС рассматриваются лишь на единичных примерах, при этом ИС значительно чаще фигурируют в разделах, посвященных словообразователь-

* Мельникова Юлия Николаевна, Белгородский государственный университет.

ным конструкциям с «несемантизируемыми языковыми элементами» (получившими в последние десятилетия трактовку в качестве «уникальных связанных морфем» – Ю. Найда и др.), т.е. полностью или частично немотивированным (десемантизированным) словообразовательным моделям типа: *Magde-burg*, *Menn-weg*, *Schwell-brunnen*, *Meichels-weg*, *Mahorn / Mohorn* и т.п. (Fleischer – см.: [5: 426, 428, 431]).

Вместе с тем значительный интерес представляет и исторический аспект исследования структурно-семантического моделирования топонимов, поскольку в своих истоках они в любом случае являются апеллятивами, с их определенной структурой и определенным значением составных компонентов, что позволяет рассмотреть имена собственные-топонимы (ИСТ) в плане как структурного и семантического моделирования, так и в динамическом аспекте, с учетом их становления как ИС, сопровождаемого изменениями формы и «внутренней» структуры. Мы солидарны с О.Н. Трубачевым, отмечающим, что системно-структурный анализ языковых единиц, характерный для синхронии, необходимо перенести и на диахронию, сочетая его с реконструкцией семантического развития слова [6: 5-6], поскольку этимологическое семантическое наполнение лексем может не совпадать с современным (синхронным): первоначальная, этимологически вскрываемая семантическая структура лексем («пра-значение») «представляет ... ключ к пониманию современной семантики слова...» [6: 9].

Реконструкция исходных «праформ» и «празначений» топонимов представляет интерес также и в плане лингвокультурологическом, ибо они отражают «языковую культуру мира» того или иного этноса на различных исторических этапах его развития [6: 8; 7: 87-93].

Остановимся на анализе структурно-семантических моделей ИСТ немецкого языка, трактуя их в диахронно-динамическом аспекте.

Предметом рассмотрения данной статьи являются топонимы-словосочетания, или составные топонимы, многословные топонимы [8: 103]; ср.: *mehrwortige Eigennamen* – [9: 403]. Назовем основные типы составных, «описательных» ИСТ, зафиксированных в корпусе наших примеров.

1. Словосочетания с онимизированным артиклем

Большинство топонимов на раннем этапе развития употребляется с артиклем, что свидетельствует о незавершенности процесса перехода от апеллятива к ониму (*daz Newhaus* (1328) > *Neuhaus*). В. Фляйшер относит их в разряд **словосочетаний с онимизированным артиклем** как обязательной составной частью имени [9: 404-405]. Впоследствии разные типы топонимов развиваются неодинаково. Оронимы и гидронимы, начиная со средневерхненемецкого периода, употребляются с определенным артиклем и сохраняют его по сегодняшний день: *der Brocken*, *der Donnersberg*, *der Drachenfels*, *der Harz*, *der Boemerwald*, *die Alpen*, *das*

Erzgebirge; der Rhein, der Main, der Neckar, die Elbe, die Oder и мн. др. Ойконимы же, первоначально иногда (но в сочетании с предлогом почти всегда – см. ниже, п. 2) сопровождавшиеся артиклями, впоследствии обычно утрачивают их: *datz Sand Aytten Ried* (1377) > *Agatharied*; *der Ham* > *Hamm*. Лишь немногие топонимы сохраняет артикль в форме именительного или (реже) косвенного падежа как свидетельство их апеллятивного «прошлого»: названия стран – *die Schweiz, die Normandie, die Niederlande*; городов – *den Haag, den Helder*, а также названия крепостей – *die Marksburg, die Wartburg, die Lahneck, der Rheinstein*.

2. Предложные субстантивные словосочетания

В немецком языке, в хрониках городов и феодальных территорий, засвидетельствовано большое число ИСТ с предлогами *zu, bei, an, vor, hinter, in, um* и др. Топонимы этого типа можно назвать «локализующими», «*Stellenbezeichnungen*» [10: 146], или «указующими». В нашем материале зафиксированы следующие типы «локативно-предложных» ИСТ:

а) **Praep. + N dat.** Основными предлогами являются следующие: **zu** (ниж. нем. **to**):

to dem Kyle (1232) > *Kiel*, *zom Freudenberge* (1423) > *Freudenberg*, *zu der Weiden* (1362) > *Weiden*; **bei**: *pei der Aetel* (1323) > *Attel*, *bey der Mautt* (1698) > *Mauth*, *bei der Trawn* (1435) > *Traun*; **in**: *in der Lvmb* (1345) > *in der Lamm* (1360) > *Lam*, *in Northornon* (890) > *Nordhorn*, *in Prvnne* (1281) > *Brunn*; **vor**: *vor dem Flutgraben*, *vor dem Otenwalde*, *vor dem Waskensteine*; **hinter**: *hinter dem Flutgraben*, *hinter der Kirch*, *Hinterm Aap*; **unter**: *unterm Heiligenhaeuschen*, *unter dem Aype* (1375) > *die Ape*; **an**: *am Haus* (1528) > *Haus im Wald*, *an dem Stainberg* (1431) > *Steinberg*, *am Wald*; **auf**: *auf dem perg* (1341) > *Bogenberg*, *auf der Sonnen* (1674, 1681) > *Sonnen*, *aufm Feldt* (1533) > *Felding*; **von**: *von der Vriensstat* (1312) > *Freysadt*, *uon dem Hage* (1144) > *von dem Hag* (1306) > *Haag*.

Нередко один и тот же топоним в процессе своего развития употребляется с целым рядом предлогов:

de Cella (1148) > *in Celle* (1261) > *zw Awssern Czell* (1414) > *AuBernzell*; *aus der Grauenaw* (1395) > *bey der Grafenaw* (1396) > *in der Graffenaw* (1456) > *Grafenau*; *in Gern* (1346) > *ze Gerlintten*, *zu Gern* (14 в.) > *von der Gerlinden* (1436) > *Gernlinden*.

б) **N praep. + N praep.** Иногда локализация поселения получает уточнение посредством двух маркирующих пунктов, представленных предложными субстантивными формами:

um den Markt zu Redwitz (1426) > *Marktrechwitz*, *in dem kroghe by dem have* (1388) > *Haffkrug*, *auf der Mul ze Pruk* (1327) > *Bruckmuehl*.

в) **N nom + N praep.** Нередко предложные ИСТ обозначают не только локализацию, но и тип поселения (N nom), ср.:

Marckt zu Nuwenkirchen (1444) > Markneukirchen, ain gut im Angger (1439) > Anger, hof zu nederkirchen (1430) > Niederkirchen.

3. Беспредложные субстантивные словосочетания

а) **N gen + N nom.** Широко распространены в древненемецком языке и имена-топонимы с генитивной формой существительного. В большинстве случаев это имя собственное, обозначающее владельца (хутора, поместья, замка, вокруг которого формируется поселение), основателя населенного пункта:

Reichers Peiten (1420) > Reichersbeuern, Friedrichs Rod > Friedrichsroda, Ascoles Wynethe (1093) > Ascherswenden, Pyscholf's maiza (1382) > Bischofsmais.

В качестве генитивного атрибутивного компонента в ИСТ выступают наряду с антропонимами или этнонимами также и имена нарицательные, обозначающие маркирующий пункт («локализатор»):

Chirchen Tumpach (1285) > Kirchentumbach.

При этом иногда генитив выступает в качестве субститута предложного имени нарицательного (в функции «локализатора»):

um den Markt zu Radwitz (1426) > des Marckts Redwitz (1441) > Marktredwitz.

б) **N¹ nom + N² nom.** Довольно часто ИСТ имеют характер аппозитивных словосочетаний, в которых N¹ обозначает характер поселения (тип населенного пункта), а N² обозначает «локализирующий» признак (включающий имя владельца или отмечающий близлежащий населенный пункт, провинцию, гору и т.п.):

villa Eitraha (773) > Aiterhofen, das schloß Friedenfels (1598) > Friedenfels, Haus und Veste Fuerstenstain (1381) > Fuerstenstein, Hofmark Carlshuld (1797) > Karlshuld, Burg Eltz, Markt Schwaben, Bad Godesberg.

Данные сочетания аналогичны генитивным и предложным топонимам, однако они ближе к ИС, ибо не содержат предлога и артикля.

4. Субстантивно-адъективные словосочетания

ИСТ, представленные в форме субстантивно-адъективных словосочетаний, являются, как правило, результатом вторичной номинации, поскольку первоначальный топоним в форме предложного или беспредложного существительного с развитием топонимикона и появлением «омонимов» (новых поселений с аналогичным названием) нуждается в уточнении, выражаемом в большинстве случаев прилагательным (верхний – нижний, старый – новый, большой – малый и т.п.):

Groß-Gerau – Klein-Gerau, Oberkoeblitz – Unterkoeblitz, Oberammergau – Unterammergau, Altstadt – Neustadt.

Как видим, в качестве уточнения используются прилагательные с противоположным значением, подразумевающие оппозицию. Н.В. Подольская называет такое противопоставление бинарной оппозицией [8: 104].

а) (Praep.) + Adj dat + N dat. ИСТ могут включать в свой состав сочетания существительного в дательном падеже с уточняющим его прилагательным. При этом N dat может обозначать либо маркирующий пункт, либо тип поселения:

to dem Olden Haghen (1369) > *Altenhagen, zue Freyen Mering* (1516) > *Freimehring, zu Grossen Weil* (1446) > *Großweil, auf dem Hohen Peisenberg* (1601) > *Hohenpeißenberg*.

Предлог и/или артикль нередко отсутствуют, однако прилагательное сохраняет флексию слабого склонения:

den alten marcht (1300) > *Altenmarkt a.d. Altz, Newen Wiedt* (1653) > *Neuwied, Grossen Mering* (1586) > *Großmehring*.

Многие топонимы до настоящего времени сохраняют форму беспредложного адъективно-субстантивного словосочетания с формой слабого склонения прилагательного:

Großenhain, Großenaspe, Großenbrode, Großensee.

б) Adj nom + N nom. В состав субстантивно-адъективных словосочетаний иногда могут входить склоняемые прилагательные в исходной форме:

das neue Haus (1673) > *Neuhaus am Rennweg*.

Однако в большинстве случаев прилагательные сочетаются с существительным в рамках ИСТ в несклоняемой форме:

Sankt Ingebrehum (1174) > *Sankt Ingbert, Groß-Eisningen, Ring Laib* (1312) > *Ringelai* (от: *ringe, ring* „klein, gering“).

Сюда же следует отнести сочетания с отсубстантивными прилагательными, образуемыми посредством суффикса -er:

Wester Kiellu (1013) > *Westercelle, Oster Snatebul* (1543) > *Oster Schnatebuell, Suder Oug* (1600) > *Suderoug*.

5. Адвербиальные словосочетания, отражающие положение поселения по отношению к какому-либо не названному маркирующему пункту, состоят из наречия и его ближайшего определения:

to dem Altona (1538) > *Altona* („allzu nahe“), *Olthenna* (1331) > *Holtenau, Altena* (1270) > *Althen, Altefern* („allzu fern“), *Paßfer* („gerade weit genug“).

6. Субстантивно-партиципальные словосочетания образуются по словообразовательным моделям, характерным для субстантивно-адъективных словосочетаний:

а) несклоняемое прич. + N nom:

hanngundt gereuth (1561).

б) Part nom + N nom:

Chlaffundez wazzer (1264) > *Klafferbach*, *Verlorenes Wasser*.

в) **(Praep.) Part Akk. + N Akk:**

wider das fallende waszer > *Fallenwasser*.

г) **(Praep.) Part dat + N dat:**

Zu der gangenden aich (1400), *ze der schouwenden burc* > *Schaumburg*, *ze dem klingenden bache* > *Klingenbach*, *ze dem diezenden bach* > *Dissenbach*, *ze dem watenden bach* > *Wattenbach*.

7. Нумеральные словосочетания

Данные ИСТ представляют собой относительно молодые образования. Даже если не все ИСТ зафиксированы в форме словосочетания, по мнению А. Баха, здесь все же речь идет о сдвигах, образованных на основе словосочетания, а не о собственно композитах [10: 125-126].

а) **(Praep. +) нескл. Num + N nom pl:**

Dreilinden (1833) > *zu den drei Linden* (1867) > *Dreilinden*, *in den zwenzic morgen* (1313), **vier lande* > *die Vierlande*, **siben eichen* > *Sibeneichen* (970) > *Siebeneichen*.

б) **Num dat + N dat pl:**

Zweinbrucken (1170) > *Zweibruecken*, *Zuueinchirichun* (1025) > *Zweikirchen*, *Drinhusin* (12 в.) > *Drinhaus*.

8. Описательные дескрипции с осложненной структурой

Как показывает анализ материала, вплоть до 17-18 вв. на всей территории Германии широко распространены топонимы, имеющие форму довольно распространенных словосочетаний, структура которых весьма разнообразна:

Dalem in demedorpe unde up deme Solte (1345) > *Salzdahlum* (1802), *auf der Firmians-Muehl in der Haid* (1771) > *Haidmuehle*, *in der pharr zu nidern sand Johanns chirichen* (1394) > *Johanniskirchen*, *daz gotshaus datz sand Veit bei dem Nevmarcht* (1326) > *Neumarkt-Sankt Veit*, *Schloß vnnd Herrschaft Waldt auf dem Wasser der Altz* (1606) > *Wald a.d.Alz*.

Описательные дескрипции в качестве ИСТ довольно упорно сохраняются, уступая место сложным словам к концу 18 века.

В заключение следует отметить, что словообразовательная модель словосочетаний преобладает на ранних этапах развития немецкого топонимикона. Впоследствии наблюдаются следующие тенденции: предложные словосочетания преобразуются в симплексы, утрачивая предлог и артикль (*zum Fall* > *Fall*), либо в сдвиги (**In celle* > *Incelle* (1177) > *Inzell*); субстантивно-адъективные, субстантивно-партиципиальные и субстантивно-нумеральные словосочетания, как правило, приобретают форму композитов (*den alten marcht* > *Altenmarkt*, *Vierzighufen*, *ze der tretenden furt* > *Trettenfurt*).

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977.
2. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995.
3. Подольская Н.В. Собственное имя // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
4. Шмидт Х. Основные цели перевода // Перевод и коммуникация. – М., 1997.
5. Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopaedie. – Bd. 1.– Leipzig: Bibliographisches Institut, 1969.
6. Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопр. языкознания. – №3. – М.: Наука, 1980.
7. Лоова А.Д. Личное имя как способ отражения картины мира в языке // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 4 – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006.
8. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). – М.: Наука, 1969.
9. Fleischer W.: Struktur und Funktion mehrwortiger Eigennamen im Deutschen // Proc. of 13th Int. Congress of Onom. Sciences / Edited by Kazimierz Rymuk. – Wroclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk, Lodz, Ossolineum: The publishing house of the polish academy of sciences, 1981.
10. Bach A. Deutsche Namenkunde II. Die deutschen Ortsnamen. – Bd. 1-2. – Heidelberg, 1953.

О НОРМЕ И ВАРИАТИВНОСТИ КОНСТРУКЦИЙ С НЕЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *вариативность, инфинитив, инфинитивная конструкция, неличная форма глагола, норма, причастие*

variability, infinitive, infinitive construction, infinite verb, norm, participle

Статья посвящена причастным и инфинитивным оборотам в современном немецком языке, изучению нормы и вариативности их употребления в различных коммуникативно-стилистических сферах речи. Актуальность темы обусловлена усилением интереса к вопросам культуры речи и языковой нормализации.

The article is devoted to the participial and infinitive constructions in modern German, to studying the standard and the varieties of their usage in different communicative styles. The theme is actual because of increasing the interest to problems of standard of speech and language standardization.

Одним из актуальных вопросов речевой практики является вопрос о понятии и границах правильности речи. Понятие нормы, нормативности в языке предполагает выбор определенных речевых средств, имеющих в арсенале носителей языка.

В системе языка содержится чрезвычайное богатство вариантов, которые реализуются в тех или иных условиях употребления языка: язык – это пучок возможностей, из которого говорящий может выбрать элементы, актуальные для высказывания. Поэтому при изучении нормы надо также рассматривать явления, в области которых в современном литературном употреблении отмечается неустойчивость, вариативность.

«Высокая культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и более доходчивое (т.е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т.е. самое подходящее для данного случая и, следовательно, стилистически оправданное)» (С.И.Ожегов).

Иными словами, нормативную оценку предложений можно дать только, исходя из их функционирования в конкретных коммуникативно-

* **Перельман Гертруда Иосифовна**, кандидат филологических наук, Российский государственный университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

стилистических сферах речи. В связи с пристальным интересом общества к вопросам культуры речи начиная с 50-х годов прошлого века в нашей стране появляется ряд публикаций, посвященных культуре речи и тем самым вопросам языковой нормы (А.Н. Гвоздев, Б.Н. Головин, Д.Э. Розенталь, А.В. Федоров и др.). 60-70-е годы также знаменуются появлением ряда важных теоретических трудов, в которых исследуются проблемы языковой нормы и кодификации (см. работы В.В. Виноградова, В.Г. Костомарова, Н.Ю. Шведовой, Н.Н. Семенюк и др.). Обзоры различных взглядов на проблему языковой нормы дают в своих исследованиях Б.С. Шварцкопф, Н.Н. Семенюк, Л.И. Скворцов и немецкие лингвисты В. Гартунг, Э. Драг и др. Взгляды Н.Н. Семенюк и В. Гартунга на сущность языковой нормы в большой степени сходятся. «Понятие нормы теснейшим образом связано с понятием системы языка, реально существующей в данный момент ее развития. Норма («правильное», «предпочитаемое») или отклонение от нее проявляются в том или ином использовании (выборе, отборе) сосуществующих в языковой системе однозначных элементов. Фонологические, грамматические, лексические и т.п. «значимости» в системе могут выражаться единственно возможными или двумя и более существующими (реально или потенциально) языковыми единицами (Ф.П. Филин). Отечественные лингвисты понимают под системой единое целое, доминирующее над своими частями и состоящее из элементов и связывающих их отношений.

Совокупность отношений между элементами системы образует ее структуру [1: 228]. Обосновывая различия между понятиями системы и структуры как уровня только функционального («как звена, образуемого сеткой отношений между элементами изучаемой системы», по словам Б.А. Серебренникова), Н.Н. Семенюк, в основном, разделяет точку зрения Э. Косериу,

Структура и норма, согласно теории Н.Н. Семенюк, прежде всего, отличается характером отношений между языковыми элементами, но также числом признаков, характеризующих уровни языка, и тем самым различной степенью абстракции. Поскольку норма («совокупность самых стабильных, традиционных, выбранных общественной языковой практикой и фиксированных реализаций элементов языковой структуры») не подрывает совокупности всех действительно существующих реализаций, Н.Н. Семенюк вводит понятие узуса, которое она рассматривает исключительно как замену понятия речи у Э. Косериу. Но тем самым норма и узус представляют собой не только различные «уровни»; эти понятия относятся также к различным сферам действительности. Понятие нормы относится к языку как абстракции, в которой норма образует один из многих уровней абстракции, а понятие узуса относится к конкретной коммуникативно-языковой деятельности. Узус можно рассмат-

ривать с точки зрения того, что в нем реализуется языковая структурная схема, и поэтому его можно отнести к «теории языковых реализаций».

Понятие узуса отличается от нормы тем, что он всегда содержит определенное число окказиональных, нетрадиционных или даже «неправильных» реализаций.

Норму как регулярное поступление материала системы в речевое употребление следует отличать от кодификации (описания, фиксации нормы). Таким образом, норма – интралингвистический фактор, а ее описание (кодификация) – экстралингвистический фактор.

Норма исторически изменчива, подвижна, однако «гибкая стабильность» нормы (Матезиус) не нарушает ее единства. Языковые единицы и закономерности их употребления, диктуемые нормой, могут быть либо единственно возможными, либо выступать в виде вариантов, существующих в литературном языке. Литературному языку присущ вариативный характер, и это определяет «жизнь языка».

Прогрессивная норма, учитывающая сосуществование в языке элементов устаревающих и элементов, которые только появляются в нем, соответствует ведущим тенденциям развития в структуре и стилевой системе языка в данный исторический период. Через изменение нормы литературной речи прокладывает путь, закрепляется новое в языке, все то, что способствует наиболее целесообразной, точной и исчерпывающей передаче мысли, способствует совершенствованию языка как средства общения. Изучение различных вариантных способов выражения, выявление мотивированности их употребления в конкретной речевой ситуации является важной задачей современной лингвистики.

Конструкции с причастными оборотами.

Норма и вариативность причастных оборотов

По правилам немецкого языка причастные обороты могут употребляться лишь тогда, когда причастие относится к одному из членов основной части предложения, обычно к подлежащему. Формально относясь к главному слову подчиняющей синтаксической единицы, причастный оборот оказывается, большей частью, связанным со всей предикативной единицей в целом, определяя, поясняя ее. Однако обособленное и более самостоятельное положение причастных оборотов (по сравнению с таким употреблением причастия, когда оно непосредственно входит в структурную основу предложения) может приводить к ослаблению или даже нарушению грамматической связи с основной частью предложения с сохранением лишь семантической связи.

Поэтому, наряду с нормативным употреблением причастных оборотов, имеются случаи, не соответствующие современной литературной норме немецкого языка. Чтобы решить вопрос о нормативности и правильности тех или иных оборотов, надо рассматривать их в контексте, в

сложном речевом целом, и в зависимости от конкретного коммуникативного задания, которое они выполняют. «С точки зрения языка и стиля, неправильно все то, что ведет к искажению или затемнению смысла, что затрудняет понимание и вызывает несоответствие содержания и формы выражения» (Э.Г. Ризель).

Всякая языковая неточность должна рассматриваться на фоне актуальной коммуникации. Грамматичность предложения (оборота) не может совпадать с его пригодностью для восприятия: как при анкетировании, так и в актуальном языковом употреблении говорящий может понять предложения, которые являются аграмматичными. И, наоборот, имеется большое число грамматически правильных предложений, которые по той или иной причине не воспринимаются.

Необычное, неcodифицированное употребление причастного оборота можно считать оправданным, если оно представляет собой наиболее уместное и выразительное для данного контекста средство (например, использование оборота для достижения комического или сатирического эффекта).

Ниже мы рассмотрим различные причастные обороты, оценивая их нормативность с точки зрения того коммуникативно-стилистического задания, которое они выполняют. Вслед за В.А. Ицковичем, воспользуемся методом регистрации и анализа «отрицательного языкового материала» (Л.В.Щерба), т.е. анализа наблюдаемых в литературе и прессе отклонений от codифицированной нормы.

I. Обычно причастие в обороте обозначает второстепенное, сопутствующее действие (или состояние) подлежащего – субъекта действия при главном действии (или состоянии), выраженном спрягаемыми формами глагола-сказуемого, или характеризует это (главное) действие в том или ином отношении. Таким образом, причастие, примыкая к глагольному сказуемому, соотносится с подлежащим. Наряду с этим наблюдаются и иные случаи употребления причастий в личном предложении: оно может примыкать не только к спрягаемой форме глагола, но и к форме краткого прилагательного и краткого страдательного причастия; в пассивных конструкциях оно, примыкая к сказуемому, может соотноситься с подлежащим, не являющимся субъектом действия, с субъектом действия, не являющимся подлежащим. Причастие может примыкать к главному члену (сказуемому) безличного предложения, т.е. употребляться вне соотнесенности с подлежащим. Наконец, причастие может быть в синтаксической зависимости от слова, не являющегося спрягаемой формой (в широком смысле слова): оно может примыкать к инфинитиву, к причастию, к существительному. В этих случаях возможность употребления причастия определяется прежде всего категориальной принадлежностью подчиняющего слова.

Категориальные свойства причастий

Особой грамматической категорией следует признать парадигматическую оппозицию между причастием I и II. Для доказательства этого положения воспользуемся методом трансформации, т.е. рассмотрим соотношения между причастными конструкциями и придаточными предложениями.

Ср. *der die Kontrollarbeit schreibende Schueler* – *der Schueler, der die Kontrollarbeit schreibt (schrieb)*;

die von dem Schüler geschriebene Kontrollarbeit -- *die Kontrollarbeit, die von dem Schueler geschrieben ist (geschrieben worden ist)*;

der in den Hafen einlaufende Dampfer -- *der Dampfer, der in den Hafen einlaeuft (einlief)*;

der in den Hafen eingelaufene Dampfer -- *der Dampfer, der in den Hafen eingelaufen ist*.

Из указанного сопоставления видно, что разница между причастием I и II зависит от того, является ли глагол, от которого они образованы, переходным или непереходным. Так, в основе различия между причастием I и II переходного глагола лежит видовая и залоговая дифференциация:

Ср. *der schreibende Schüler* – форма несовершенного вида действительного залога;

die geschriebene Arbeit – форма совершенного вида страдательного залога.

У глаголов непереходных (предельного значения) причастие I и причастие II противоположны и соотносительны в видовом отношении: причастие I имеет значение несовершенного вида – оно представляет действие в его течении; причастие II имеет значение совершенного вида – оно выражает результативное состояние предмета, является следствием того, что действие достигло своего предела.

Ср. *der in den Hafen einlaufende Dampfer*; *der in den Hafen eingelaufene Dampfer*.

Таким образом, причастия в современном немецком языке противопоставлены по линии залоговых или видовых различий. Представляется возможным считать, что оппозиция «причастие I – причастие II» образует особую грамматическую категорию, которую можно условно назвать категорией залогово-видовой репрезентации.

Парадигматические противопоставления причастия I и причастия II можно схематически изобразить следующим образом:

ЗАЛОГОВЫЙ ПРИЗНАК

ПРИЧАСТИЕ I

ПРИЧАСТИЕ II

ВИДОВРЕМЕННОЙ ПРИЗНАК

Таким образом, мы рассмотрели парадигматические отношения (противопоставления), существующие в системе неличных форм глагола в современном немецком языке. Проведенное сопоставление неличных форм глагола при употреблении их в одинаковой синтаксической позиции (в позиции зависимого присубстантивного члена – определения) позволило нам показать как признаки, общие для всех неличных форм глагола (в отличие от личных форм), так и признаки, характерные для каждой из этих форм в отдельности. Следует, однако, заметить, что даже в условиях одинаковой синтаксической позиции указанные противопоставления неличных форм реализуются далеко не всегда и могут нейтрализоваться под влиянием целого ряда семантических и синтаксических факторов (особенностей синтаксической структуры, в которой выступает данная форма, лексическое окружение этой формы, ритмико-интонационные и стилистические моменты).

При сопоставлении неличных форм глагола наблюдаются случаи, когда семантические различия между ними нейтрализуются лишь частично, т.е. в каком-нибудь одном отношении. Это обнаруживается в ряде случаев при сопоставлении причастий. Мы уже отмечали, что причастие II противопоставлено причастию I по линии залоговых и видовременных различий. Так, в частности, причастие II от переходных глаголов с предельным значением противопоставлено причастию I как по линии залога, так и по линии вида (оно имеет страдательное значение и выражает состояние предмета как результат совершившегося действия, т.е. имеет результативное значение).

Однако, в связи с тем, что в некоторых контекстуальных условиях предельный (терминативный) глагол утрачивает терминативный характер, причастие II от этого глагола теряет значение результативности (перфектности). Это наблюдается в тех случаях, когда действие, имеющее в виду какой-то результат и развивающееся к определенному пределу, является повторяющимся.

Так, в предложении *Der Brief, von meinem Vater geschrieben, lief gestern ein*, где речь идет о единичном, имеющем определенный результат действии (акте «писания»), глагол *schreiben* является предельным, терминативным, и его причастие обладает не только значением пассивности, но и значением результативности (перфектности). Это же подтверждают данные трансформационного анализа.

Ср. *Der Brief, von meinem Vater geschrieben, lief gestern ein.* – *Der Brief, der von meinem Vater geschrieben worden ist (war), lief gestern ein.*

В предложении же «Anredefuerwoerter, im Allgemeinen klein geschrieben, schreibt man groß nur dann, wenn sie in Briefen, in feierlichen Aufrufen und Erlassen, in Widmungen und Grabschriften gebraucht werden» – («местоимения..., пишущиеся обычно с маленькой буквы»), где речь идет о повторяющемся действии (ср. «Anredefuerwoerter, die im allgemeinen klein geschrieben werden», -- «местоимения, выражающие обращение, которые обычно пишутся с маленькой буквы»), глагол утрачивает терминативный характер, а причастие – значение законченности и результативности (перфектности). В этом случае причастие II может быть противопоставлено причастию I только по линии залоговых различий (ср. пишущиеся – пишущие), видовые различия здесь нейтрализуются, поскольку оба причастия выражают действие в его течении.

Видовые различия между причастием I и причастием II нейтрализуются также тогда, когда причастие II образовано от переходного глагола неопределенного значения (например, причастие II *geliebt*, поскольку в этом случае причастию II не свойственно значение результативности. Оба причастия от указанных глаголов имеют значение несовершенного вида и противопоставлены друг другу лишь по линии залога (ср. *die liebende Frau* – любящая женщина, *die geliebte Frau* – любимая женщина).

Из приведенных примеров следует, что для уяснения значения причастия II нужно учитывать как семантику глагола, так и контекст, в котором это причастие выступает.

Другим случаем, в котором причастие II выступает с необычным для него значением, является употребление его в конструкции «винительный падеж + причастие II переходного глагола». Вопреки своему обычному «статусу» причастие II переходного глагола имеет здесь не пассивное, а активное значение. Это оказывается возможным потому, что обособленное и более самостоятельное положение этих оборотов в предложении ведет к ослаблению семантической связи причастия с тем существительным, от которого оно зависит. Однако полностью эта смысловая связь не теряется, изменяется лишь ее характер. Причастие II, выражая признак предмета, на который было направлено его действие, становится также выражением временного признака лица, которое его производило.

Причастие II имеет в этой конструкции значение результативного действия (состояния), причем результат действия по времени совпадает со временем действия личной формы глагола. Например:

...sie blieb vor ihrem Schreibtisch stehen, die Haende auf die kühle Platte gestuetzt. (Johannsen, Asklepios..., S.33)

В данном случае причастие II может быть противопоставлено причастию I только по линии вида, поскольку оно выражает результат совершившегося действия, в то время как причастие I обозначает незаконченное действие, т.е. действие в его течении (ср. *gestuetzt* –

stuetzend – «опершись – опираясь»); залоговое же противопоставление в этом случае снимается. Например, ср.:

Langsam umrundete sie ihren Schreibtisch und blieb vor ihm stehen, die Haende auf die kühle Platte gestützt. (Chr. Johannsen, Asklepios, S. 33).

...sie blieb vor ihrem Schreibtisch stehen, die Haende auf die kühle Platte stützend

Здесь действует одно из условий нейтрализации оппозиций – структурная обусловленность, которое заключается в том, что в некоторых синтаксических структурах оппозиция снимается.

КОНСТРУКЦИИ С ПРИЧАСТНЫМИ ОБОРОТАМИ

1. Обособленный причастный оборот

Причастие с дополняющими его словами может составлять обособленную группу в предложении. Обособленный причастный оборот может выполнять в предложении функцию обстоятельства, определения и др. «Ведь причастные конструкции принадлежат к таким синтаксическим образованиям, которые, входя в состав элементарного предложения, занимают в нем более самостоятельное, выделенное положение не только в ритмико-интонационном плане, но и на основе своего собственного грамматического построения. Помимо обособления, которое, впрочем, может и отсутствовать, их выделяет в предложении структура глагольной группы, которая, однако, с одной стороны, не служит каркасом для образования отдельного предложения, а с другой стороны, не заключена в строгую рамку группы существительного в качестве распространенного причастного определения. Выступая либо как член группы глагола (предикативное определение или обстоятельство), либо как обособленное определение, эта конструкция обладает всей той подвижностью, которая свойственна данным членам предложения» [2: 204-205].

Причастие занимает в данных оборотах обычно конечное положение. Причастие II может занимать и начальное положение. Обособленные обороты выделяются, как правило, запятыми,

Перевод обособленных причастных конструкций начинается с причастия.

Соответствие между немецкими и русскими причастиями может быть следующим:

Причастию I соответствует русское деепричастие действительного залога настоящего времени.

Er trank, am Tische stehend, langsam seinen Kaffee und aß ein Hoernchen dazu... (Th. Mann)

Причастию II переходных глаголов соответствует русское причастие страдательного залога либо в согласованной форме, либо в краткой форме + слово «будучи».

Und wenn es kommt, das Gute und Erwünschte, ...so kommt es, behaftet mit allem kleinlichen, störenden, ärgerlichen Beifall... (Th. Mann. Buddenbrooks).

Немецкому причастию II непереходных глаголов предельного значения может соответствовать русское причастие прошедшего времени действительного залога. Например:

Kaum aber in Hamburg angelangt, hatte er zu Bette gehen muessen (Th. Mann).

Особым случаем является наличие причастного оборота в определительном придаточном предложении.

Die Summe aller Arbeitstakte einer Fleißstrecke (am Fleißband) ergibt die Bearbeitungszeit, die, zu der für die Foerderung aufgewandten Förderzeit addiert, die Durchgangszeit ergibt, in der ein Gegenstand vom Anfang bis zu Ende der Reihe wandert.

Von Zeit zu Zeit ging, von unten nach oben, etwas Schmerzliches ueber dieses ganze Gesichtchen, das, mit einem Erzittern des Kinnes beginnend, sich ueber die Mundpartie fortpflanzte, die zarten Muestern vibrieren ließ und die Muskeln der schmalen Stirn in Bewegung versetzte... (Th. Mann. Buddenbrooks).

2. Независимое (абсолютное) причастие в личном глагольном предложении

Например:

1. Am Reiseziel angekommen, boten ihm viele Freunde Hilfe an.
2. Dieses ueberlegt, hatte Graf Caylus recht.
3. Das Schnupftuch vorbehalten, half nichts.
4. Verzweiflungsvoll umherblickend, sanken dem Angeredeten die Knien .

О недопустимости подобных конструкций, в которых причастный оборот, примыкающий к глагольному сказуемому личного предложения, соотносится не с подлежащим – субъектом действия, писал еще Вустман. Страстный борец за чистоту языка, Вустман в своей книге «Allerhand Sprachdummheiten» («Различные языковые глупости») в то же время очень категорично выразил ряд запретов в употреблении языка. Наряду с совершенно справедливыми замечаниями относительно неправильного употребления причастных оборотов (например, типа «Wiederholt laechelnd und lebhaft grueßend fuhr das Kriegsschiff vorbei», где неясен субъект действия причастного оборота), Вустман стремится «запретить» такие обороты, которые широко употребляются в немецком языке. Например:

1. Mit dem Befehl betraut, vertauschte er spaeter diesen Wirkungskreis mit dem des Chefs.

2. Im Jahre 1850 in den Generalstab zurueckgetreten, wurde er 1858 zum personlichen Adjutanten des Prinzen Friedrich Karl ernannt.
3. Schon in Ingelstadt hatte er sich, anschlieend an seine astronomischen Arbeiten, optischen Studien gewidmet.
4. Anschlieend an diese allgemeine Einfuehrung duerfte es zweckmaeig sein, einmal das Gebiet der Einzelheiten zu uebersehen.

(о предложениях типа 3 и 4 см. далее).

С Вустманом можно согласиться лишь частично, поскольку нельзя изгонять из языка то, что в нем уже есть.

Путь запретов и строгих предписаний не может служить правильным для языкового и стилистического воспитания. «Такой путь, – указывает Э.Г. Ризель, – неправилен как методически, так и научно. Мы не должны проходить мимо факта, что некоторые выражения, которые кажутся сегодня бессмысленными, со временем приобретают статус литературной нормы. Разумные и оправданные в контексте, эти выражения, вырванные из своего окружения, производят комическое или ошибочное впечатление».

Немецкий стилист Эрих Драх разделяет это мнение, подчеркивая, что сегодняшние «языковые глупости» часто становятся употребительными в языке завтрашнего дня. Полностью соглашаясь с точкой зрения Э.Г. Ризель и Э. Драха, мы в то же время должны отметить, что нельзя допускать такие «языковые вольности», которые являются чуждыми для немецкого языка. Здесь можно опереться на высказывания стилистов Бахмана, Кельвеля, Каммрадта и др., указывающих на необходимость экономного и разумного употребления причастных оборотов. Каждый язык следует своим собственным законам, и что, например, во французском языке хорошо выражается с помощью причастных конструкций, в немецком языке должно быть выражено с помощью придаточных предложений. Для сохранения хорошего стиля причастные обороты следует сочетать с финитными формами глагола в самостоятельных или зависимых (придаточных) предложениях (как это делали в своих произведениях лучшие мастера слова – Т. Манн, Л. Фейхтвангер, Б. Брехт и др.).

Чрезмерное употребление причастных оборотов (часто с большим числом зависимых слов) – это почва для всяческих ошибок. Бахманн, Каммрадт приводят примеры неправильного употребления причастных конструкций, которые либо ведут к затемнению смысла, либо искажают его (*«Mit wundervoller Marmelade bestrichen, a mein Kollege vergnuegt seine Broetchen» – *«Намазанные чудесным мармеладом, мой коллега ел свои бутерброды»). Такие казусы происходят потому, что, во-первых, не соблюдается «правило субъекта», согласно которому причастный оборот можно употреблять лишь при условии, что он относится к тому

же лицу, что и спрягаемый глагол. И, во-вторых, здесь не учтен факт, что причастие II от переходного глагола имеет пассивное значение. Поэтому, в зависимости от коммуникативного задания предложения, здесь были бы возможны два варианта:

1. Mit wundervoller Marmelade seine Broetchen bestreichend, aß sie mein Kollege.

2. Mein Kollege aß seine Broetchen, mit Marmelade bestrichen.

Только при правильном и осмотрительном употреблении причастий они украшают речь, делают ее приподнятой, отточенной и изящной.

Причастные конструкции являются емким языковым образованием, они в компактной форме передают сложное смысловое содержание (см.: [2]). В поэтической речи большое скопление причастий может производить очень сильное впечатление. Немецкие стилисты приводят строфы из «Фауста» Гете, в которых он использует причастия (в том числе субстантивированные) как яркое стилистическое средство, чтобы показать, как парят и скользят хоры ангелов и душ усопших:

Taetig ihn Preisenden, Liebe Beweisenden,
Bruederlich Speisenden, Predigend Reisenden,
Wonne Verheißenden, Euch ist der Meister nah...

Однако особенности поэтической манеры Гете нельзя переносить на современную прозу.

Предложения с абсолютным употреблением причастия типа: «Einmal gedruckt, kehre ich dem Buche den Ruecken», «Vom Baum heruntergeholt, verbot der Foerster dem Jungen nach Vogelnestern zu suchen» не могут считаться правильными, так как в них содержится противоречие между чтением, которое подсказано авторским замыслом, и чтением, которое обусловлено формально-грамматическими связями причастия. В соответствии с авторским замыслом причастный оборот соотносится с лицом (названным или имплицитным), выступающим в соотносительном с причастным оборотом предложении:

Sobald das Buch gedruckt worden ist, kehre ich dem Buche den Ruecken.

Als der Junge vom Baum heruntergeholt worden war, verbot ihm der Foerster nach Vogelnestern zu suchen.

В то же время строение предложения задает иное, неприемлемое по смыслу чтение, соотносящее причастие с подлежащим (*«Снятый с дерева, лесничий запретил мальчику искать гнезда птиц»). Возможно, употребление независимых причастных оборотов поддерживается их соотносительностью с действующим лицом (названным формой косвенного падежа).

1. Am Reiseziel angekommen, boten ihm viele Freunde Hilfe an (ihm – дополнение в дательном падеже).

2. Angefullt mit edlem Rheinwein, überreichte ich ihm diesen Becher (diesen Becher – дополнение в винительном падеже).

Неприемлемость подобных оборотов в русском языке (*«Идучи я в школу, встретился со мной приятель») отмечал еще М.В. Ломоносов. (См. аналогичное предложение 1 в немецком языке) М.В. Ломоносов указывал, что такие предложения противны слуху и что единственно правильным является предложение «Идучи в школу, встретил я приятеля» (соответственно в немецком языке «Am Reiseziel angekommen, erhielt er Hilfe seiner Freunde»).

Противоречие между планом содержания и планом выражения (обусловленное формально-грамматическими связями причастия) часто создает комический или сатирический эффект. Так, в новелле Гофмана «Золотой горшок» мы находим предложение с причастным оборотом, который соотносится с косвенным (дательным) падежом личного местоимения (mir).

...und da mir zu Hause, am Arbeitstisch sitzend, des Gemunkels und Geklingels zuviel wurde, rief ich den losen Dirnen zu, daß es Zeit sei nach Hause zu eilen...

Возможность употребления причастного оборота при безличном сказуемом определяется условием отношения к тому же лицу, к которому относится и безличное сказуемое (выраженное в данном случае связкой и предикативом). Логически субъект действия причастного оборота ясен из соседнего (главного) предложения,

Однако вся структура предложения выполняет определенную стилистическую функцию: служит созданию комического эффекта. Аналогичное стилистическое задание выполняет и другое предложение с причастным оборотом, взятое из книги «Die galanten Abenteuer Münchhausens» (Eulenspiegel Verlag, Berlin):

...und als uns, mit erhobenem Arme die Waffen steil himmelwaerts reckend, das Zeichen zum Anvisieren und Schusse gegeben wurde, ließ ich meinem Gegner einen geringen Vorsprung, welchen er nutzte.

Причастный оборот здесь употреблен в предложении, в котором глагол выступает в пассивной форме. Однако, причастие здесь соотносено не с подлежащим предложения, а с дополнением в дательном падеже (uns). Это является отклонением от нормы, так как здесь наблюдается противоречие между семантической и формально-грамматической структурой предложения. Семантически причастие соотносено здесь с субъектом действия, отличным от подлежащего (что противоречит требованию соотносительности причастного оборота с подлежащим).

В трансформированных, активных конструкциях причастный оборот соотносится с тем же лицом, с которым он соотносится в пассивном

обороте, но теперь субъектом его действия является подлежащее, что является нормой.

Ср. Als wir, mit erhobenem Arme die Waffen steil himmelwaerts reckend, das Zeichen... zum Schusse erhielten, ließ ich meinem Gegner einen... Vorsprung.

3. Причастие в личном предложении с предикативом – кратким прилагательным

Die Akademie der Kuenste beendet, war Serow voll Wunsch, nur Erfreuliches zu malen.

Как видно из примера, субъект действия в таких конструкциях соотнесен с подлежащим предложения, и, следовательно, такие обороты не являются отступлением от литературной нормы немецкого языка.

4. Причастие в безличном предложении

В этом пункте рассматриваются только те случаи, когда причастие примыкает непосредственно к главному члену («сказуемому») безличного предложения, выраженному безличным глаголом (или личным глаголом в безличном значении) или безлично-предикативным словом. Имеющийся материал делится на две группы: предложения с названным субъектом действия и предложения с имплицитным субъектом действия.

А). Предложения с названным субъектом действия:

Как видно из уже приведенного нами примера – ...und da mir zu Hause, am Arbeitstisch sitzend, des Gemunkels und Geklingels zuviel wurde, rief ich den losen Dirnen zu, daß es Zeit sei nach Hause zu eilen... (E.T.A. Hoffmann) – признанию этих конструкций безусловно нормативными препятствует тот факт, что в них причастие соотносится с косвенным (обычно дательным) падежом существительного. Возможно, употребление причастных оборотов в таких предложениях связано с тем, что они употреблены на месте придаточных предложений, с которыми регулярно соотносятся в других случаях.

Б). Предложения с имплицитным субъектом действия:

Es ist absurd, gelinde gesagt, den Moerder in diesem Kreise zu suchen.

Anschließend an diese allgemeine Einfuehrung duerfte es zweckmaeßig sein, einmal das Gebiet der Einzelheiten zu uebersehen.

Такие конструкции значительно ближе к литературной норме, чем безличные предложения с названным субъектом действия (подробно о данных предложениях см. далее).

5. Причастие при инфинитиве

Wie gut hier zu sitzen, den Rucksack auf einen Stein gestuetzt.

Такие примеры в немецком языке редки, но здесь нет нарушения нормы, поскольку субъект действия причастного оборота тот же, что и субъект действия (в данном случае – имплицитный) инфинитива. Здесь

возможна трансформация инфинитивной конструкции в предложение с неопределенно-личным или обобщенно-личным субъектом (man), с которым и соотносится причастный оборот.

6. Причастие при причастии

Schlendernd durch Hoellen und gepeitscht durch Paradiese,
still und grinsend vergehenden Gesichts,
träumt er gelegentlich von einer kleinen Wiese
mit blauem Himmel drueber und sonst nichts. (B. Brecht)
Taetig ihn Preisenden, Liebe Beweisenden,
Bruederlich Speisenden, Predigend Reisenden,
Wonne Verheißenden, Euch ist der Meister nah... (Goethe)

Конструкция с подчиняющим причастием свободно трансформируется в предикативную единицу, в которой причастие (причастный оборот) в обстоятельственной функции соотносится с подлежащим – субъектом действия. (Sie reißen predigend). Поэтому такие конструкции можно считать нормативными.

7. О некоторых особенностях абсолютных причастных оборотов «причастие II + существительное в винительном падеже» в современном немецком языке

В лингвистической литературе пока слишком мало специальных работ, посвященных исследованию конструкции «причастие II + существительное в винительном падеже». Между тем, исследование этих конструкций, их структурно-синтаксических и функциональных особенностей оказывается важным в связи с изучением общих тенденций, которые свойственны предложениям на современном этапе развития немецкого языка.

Абсолютные причастные обороты приобретают особую актуальность для изучения стиля художественной литературы, поскольку для этого функционального стиля характерны разветвленные структуры предложения, содержащие обособленные конструкции, вставные элементы, вводные предложения, придаточные предложения [2].

По свидетельству немецких грамматистов Я. Гримма, Г. Пауля, О. Бехагеля, абсолютные обороты появились в XVII веке, причем они употреблялись по образцу абсолютных конструкций французского языка. Однако, Г. Пауль отмечает, что абсолютные причастные обороты возникли именно «на немецкой почве, поскольку основой для их развития явились другие причастные конструкции – безличные пассивные конструкции с зависимым существительным в винительном или родительном падеже». Из этого ценного замечания Г. Пауля следует, что абсолютные обороты не являются чуждой, навязанной немецкому языку конструкцией, возникшей под влиянием французского языка, и представляют собой закономерное явление, развившееся на базе уже имевшихся элементов немецкого грамматического строя.

Абсолютные причастные конструкции развиваются в немецком языке параллельно с оборотом «абсолютный винительный», который выражает подобное смысловое содержание и сходен с ними по своей функции в предложении.

Ср. ...stumm, das Auge auf ihre Gäste, ging Elke (Th. Storm).

Und sie singt hinaus

in die finstre Nacht,

Das Auge von Weinen getrübet. (Schiller, Piccolomini, III, 7).

Обе синтаксические конструкции выражают «тот или иной внешний признак какого-либо субъекта, касающийся положения его тела, одежды или предмета, принадлежащего этому субъекту» [3].

Первоначально причастные конструкции с винительным падежом входили в состав группы с расширенным сказуемым, в которой глагол в силу неполнозначности своего лексического значения требовал дополнения в винительном падеже. Причастие выступало как предикатив или предикативное определение к дополнению. Например:

Er hatte die Lanze eingelegt, den Zaum verhaengt (пример взят у О. Бехагеля) – «Он держал (имел) копьё вложенным, а узду затянутой (завешенной)».

В этих причастных конструкциях употреблялись глаголы широкой семантики, имеющие значение обладания, владения. Поэтому здесь должен быть материальный объект обладания, к которому относилось употреблявшееся предикативно пассивное причастие. Постепенно оборот выделяется из состава предложения, причем происходит синтаксическая перегруппировка членов, в результате которой дополнение в винительном падеже теряет связь с глаголом и начинает зависеть от причастия. Например:

...und wild kam Plump, den Zaum verhaengt weit, weit voran, daher gesprengt (Buerger). (пример взят у Бехагеля).

Происходит также изменение грамматического значения причастия: в обособленном обороте причастие II переходного глагола имеет не пассивное (как обычно), а активное значение. Это оказывается возможным потому, что обособленное и более самостоятельное положение этих оборотов в предложении ведет к ослаблению семантической связи причастия с тем существительным, от которого оно зависит. Однако полностью эта смысловая связь не теряется, изменяется лишь ее характер. Причастие II, выражая признак предмета, на который было направлено его действие, становится также выражением временного признака лица, который его производил.

Однако причастный оборот, оказавшись синтаксически независимым от предложения, в котором он употребляется, сохраняет с ним тесную семантическую связь. Причастие II в этом обороте находится в сложных семантико-синтаксических отношениях с другими членами

предложения. Оно как бы имеет тройную смысловую связь: выражает признак зависящего от него дополнения, указывает на какой-то временный признак подлежащего (название лица) и соотносится во временном отношении со сказуемым. Например:

Er ist wohl groß und breit und steht gern spreizbeinig da, die Haende in seinen senkrechten Hosentaschen vergraben... (Th. Mann. Der Zauberberg)

Georg verneigt sich, die Hand aufs Herz gedrueckt. (E.M. Remarque. Der schwarze Obelisk)

Er stand, mit bloßem Oberkoerper, in geschlossener Haltung, Brust heraus, die Absaetze zusammengenommen. (Th. Mann. Der Zauberberg)

Тесные семантико-синтаксические отношения между причастным оборотом и основным составом предложения объясняются, прежде всего, тем, что причастие как отглагольная форма способно вступать в предикативную связь с подлежащим или дополнением-носителем его действия.

Так, в предложении: Einzelne freilich saßen, den Kopf in die Haende gestuetzt, am Tische und starrten vor sich hin (Th. Mann. Der Zauberberg) причастие (gestuetzt) вступает в субъективно-предикативные отношения с подлежащим Einzelne, так как в нем обозначен субъект его действия.

В предложении: Man sah die jungen Maedchen in Rokokokostuem, das Haar weiß gepudert, das schwarze Schoenheitspflaesterchen auf der Wange (St. Zweig. Ungeduld des Herzens) – причастие (gepudert) вступает в предикативную связь с дополнением (die jungen Maedchen), поскольку в нем обозначено лицо – субъект действия, выраженного причастием.

Именно тот факт, что субъект действия, названного причастием, находит выражение в одном из членов предложения (подлежащем, дополнении), свидетельствует о тесной семантической связи причастного оборота с основным составом предложения. Эта связь становится особенно тесной, когда субъект действия причастия совпадает с субъектом действия личной формы глагола, т.е. когда он выражается в подлежащем.

Как указывает Г. Бек [4], «абсолютная конструкция, относящаяся к глагольному полю, имеет особое отношение к субъекту личной формы глагола». И далее Г. Бек отмечает, что синтаксис абсолютной конструкции с винительным падежом располагает известными критериями для отождествления субъекта действия конструкции с субъектом предложения. Эти критерии следующие:

1. Абсолютная конструкция может иметь притяжательное местоимение, которое относится к существительному (местоимению), являющемуся в предложении подлежащим, и согласуется с ним в лице, числе или роде. Например:

Da niemand zum Entschluß kommen mochte, sagte Hans Castorp, einen Finger am Glass, die linke Wange in seine Faust gestuetzt, er wolle hoeren, wie hoch sich, statt der drei Wochen, die er urspruenglich zu bleiben gedacht hatte, die Zeit seines Aufenthaltes hier oben belaufen werde. (Th. Mann. Der Zauberberg).

2. Абсолютная конструкция может иметь определенный артикль, эквивалентный этому притяжательному местоимению (этот случай встречается гораздо чаще).

Auch Hans Castorp war aufgesprungen, und die Augen an die Frauenperson des Hofrates gefesselt, ...begann er, sich eilig in Bereitschaft zu setzen. (Th. Mann. Der Zeuberberg)

Vor dem Licht, die Beine gespreizt, standen Soldaten. (E. Neutsch. Der Hirt).

3. Связь абсолютной конструкции с подлежащим предложения проявляется также в том, что возвратное местоимение, которое также может входить в абсолютную конструкцию, согласуется с подлежащим в лице и числе. Например:

Sie standen... und lasen die zarten Angaben der Steine, Hans Castorp gelöst, die Haende vor sich gekreuzt, mit offenem Munde und schlaefrigen Augen... (Th. Mann. Der Zauberberg).

Бринкман, подчеркивая тесную семантическую связь абсолютного оборота с подлежащим, указывает на то, что в винительном падеже представлены понятия, по самому содержанию которых (прежде всего, когда речь идет о частях тела или предметах одежды) можно узнать их принадлежность к субъекту, причем на это не требуется специального указания. Конечно, при этом можно добавочно употребить возвратное местоимение, которое показывает идентичность субъекта оборота с субъектом предложения.

Таким образом, в абсолютную конструкцию входят слова, которые способствуют четкому выявлению семантической связи этой конструкции с подлежащим и, тем самым, со всем основным составом предложения.

Семантическая связь абсолютной конструкции с основной частью предложения не является столь четкой, когда субъект действия конструкций обозначен не в подлежащем, а в дополнении или в другом члене предложения, к которому абсолютная конструкция может относиться. Например:

Und er sah Giuseppe Settembrini, die Trikolore im Arm, mit geschwungenem Saebel und den schwarzen Blick gelobend gen Himmel gewandt, einer Schar von Freiheitskaempfern voran gegen die Phalaus des Despotismus stuermen (Th. Mann. Der Zauberberg).

...und so sah man Herrn Settembrini, eine Hand mit gespreiztem Arm ueber den Kopf geworfen -- eine in seiner Heimat uebliche Gebaerde, deren Sinn nicht leicht auf ein Wort zu bringen waere... (Th. Mann. Der Zauberberg)

Особого внимания заслуживает случай, когда действие абсолютно-го причастного оборота относится к субъекту придаточного предложения, зависящего от предложения, в котором этот оборот употреблен:

Julie war abseits in den Winkel getreten, und der Gesellschaft den Ruecken zugewendet war es, als wollte sie... einige Traenen verbergen (E.T.A. Hoffmann. Die Lebensansichten des Katers Murr).

(Субъектом абсолютно причастного оборота является подлежащее придаточного предложения sie).

Интерес для нашего исследования представляет также случай, когда абсолютный оборот соотносен с инфинитивной группой. Действие оборота при этом исходит от внешнего агента или такого агента, который трудно выделить:

Wie gut hier zu sitzen, den Rucksack auf einen Stein gestuetzt, den Stock zwischen den Beinen, nichts zu denken, auszuruhen (A. Zweig. Erziehung vor Verdun).

В данном предложении отсутствует слово – обозначение лица. Однако абсолютный оборот (как и инфинитивная группа, с которой он соотносится) связан с каким-то лицом, являющимся носителем состояния, которое этот оборот характеризует.

В данном случае субъект оборота носит неопределенно-обобщенный характер (подобно субъекту, выраженному местоимением man).

Наряду с рассмотренными причастными оборотами в немецком языке имеются обороты, не соотносящиеся с подлежащим или другим членом предложения и не имеющие тесной связи с предложением, в которое они включены. Действие, выраженное этими оборотами, имея внешнего агента, как бы параллельно с действием основной части предложения. Такой оборот представляет собой относительно самостоятельное сообщение. Например:

Dieses ueberlegt, hatte der Graf Caylus recht. Dieses auf die vierte Szene des dritten Aktes angewendet, wird man finden... (Примеры взяты у Г. Пауля).

Такие абсолютные причастные обороты встречаются, как отмечают немецкие грамматисты (Пауль, Бехагель, Шмидт), чрезвычайно редко и соответствуют придаточным условным предложениям или реже – придаточным временным предложениям.

Мы можем также добавить, что такие конструкции могут соответствовать и уступительным придаточным предложениям. Например:

Das Schnupftuch vorgehalten, half nichts. Obwohl das Schnupftuch vorgehalten wurde, half nichts.

Однако, причастные обороты, не соотносящиеся с подлежащим или другим членом предложения и не имеющие тесной связи с предложением, в которое они включены, составляют в немецком языке исключение. Использование их в стиле художественной литературы продиктовано, как отмечает Пауль, «смелой манерой писателя (поэта)» [5].

Экспрессивное использование этих абсолютных оборотов основывается на их грамматической специфике: на синтаксическом контрасте между абсолютным оборотом и главным составом предложения. Наличие в таком обороте своего субъекта действия, хотя он и не назван в предложении, воспринимается как синтаксический контраст благодаря тому, что в большинстве случаев причастные обороты имеют субъект, общий для всего предложения.

Ср. Die Uniform weggedacht, sieht der Mann nicht nach Kulturoffizier aus [6]. – Wenn man die Uniform wegdenkt, sieht der Mann nicht nach Kulturoffizier aus.

Абсолютные причастные обороты с винительным падежом являются принадлежностью стиля художественной литературы, а «некоторые из них встречаются в повседневной речи» [5]. Они часто употребляются параллельно, даже в одном и том же предложении, с оборотом «абсолютный винительный». Например:

Er schließt die Augen..., gestreckt die Zunge und den Schnabel offen.

Возможность употребления обоих оборотов в одинаковых контекстуальных условиях объясняется их функциональной и смысловой общностью. Одновременное использование этих оборотов в тексте (в частности, в пределах одного и того же предложения) активизирует их эмоционально-стилистические потенции и дает возможность писателю придать тексту особую выразительность, эмоциональность, сделать ярким его ритмический рисунок. Однако вариантность этих двух средств языкового выражения не является избыточной, поскольку каждое из них отличается синтаксическими, интонационными и стилистическими особенностями.

В силу осложненности причастия предикативными связями, а также его особенности иметь при себе целый ряд зависимых членов (дополнений, обстоятельств) абсолютный причастный оборот обладает большой самостоятельностью и «подвижностью» (гибкостью позиции) в предложении.

Наблюдения над оборотом «причастие II + существительное в винительном падеже» показывают, что он может занимать в предложении следующие три позиции:

1. Он может стоять непосредственно после подлежащего:

Henriette, das Kinn auf die ineinander verflochtenen Finger gelegt, nickte stumm. (Chr. Johannsen. Asklepios und seine Jünger)

2. оборот может стоять в конце предложения после глагольного или именного сказуемого.

Langsam umrundete sie ihren Schreibtisch und blieb vor ihm stehen, die Haende auf die kuehle Platte gestuetzt. (ebenda)

3. Он может занимать первое место в предложении:

Die Schlaefe an den Fenstervorhang gelegt, blickte Johanna hinaus. (ebenda)

Из сравнения оборота «причастие II + существительное в винительном падеже» с оборотом «абсолютный винительный» можно сделать вывод, что причастный оборот может занимать такие позиции в предложении, которые не характерны для «абсолютного винительного» (последний гораздо реже встречается в позиции первой и третьей).

Каждая из параллельных структур обладает также стилистическими оттенками: абсолютный причастный оборот передает обстоятельность и невозмутимость тона повествования (рассуждения), а оборот «абсолютный винительный» дает краткое (лаконичное) уточнение.

8. Абсолютные причастные обороты besser gesagt, offen gestanden, abgesehen (von), gesetzt (den Fall), vorausgesetzt и др. в современном немецком языке (в сопоставлении с синонимичными конструкциями)

Особо следует выделить абсолютные причастные обороты, представляющие собой устойчивые сочетания, которые вводятся в предложение, как вставные слова, и часто имеют условное значение. Например: Streng genommen ist das keine Loesung des Problems. В эти обороты входят причастия II: eingeschlossen, ausgeschlossen, mitgerechnet, nicht gerechnet, angenommen, ausgenommen, abgesehen, gesetzt (den Fall), vorausgesetzt, (genau, streng) genommen и др.

Реже в абсолютной конструкции употребляются причастия I: betreffend (anbetreffend), anlangend (anbelangend), angehend. Немецкие лингвисты, специально занимавшиеся абсолютными оборотами (Андрезен, Леманн), рассматривают обороты с причастием I как канцеляризмы и архаизмы. Леманн считает, что в современном языке употребление таких оборотов является ошибочным, и что они встречаются только у приверженцев канцелярского стиля. Однако, как уже указывалось, нормативную оценку тех или иных языковых явлений можно давать только исходя из их функционального использования в конкретных коммуникативно-стилистических сферах речи.

Так, Т. Манн использует абсолютные обороты с причастиями I и II (как и другие виды обособлений) для выражения оценки, сомнения, предположения, поисков нужного слова и т.д. Тем самым автор как бы

делает читателя свидетелем и даже участником своих раздумий и поисков.

Например:

1. Das Innere der Burg angehend, so war es zuletzt noch zu Beginn der Regierung Albrechts III., einer umfassenden Auffrischung und Verschönerung unterzogen worden. (Th. Mann. Königliche Hoheit)
2. Ueberbein angehend, so dachte er mit ernster Freude an die Zeit zurueck. (там же)
3. ...woraus sich ergebe, dass es ganz irrtuemlich ist, Gott und Teufel als entgegengesetzte Prinzipien aufzufassen, dass vielmehr, recht gesehen, das Teuflische nur eine Seite... des Goettlichen ist. (Th. Mann. Lotte in Weimar)

При исследовании причастий и инфинитива, являющихся членами общей парадигматической системы неличных форм глагола, противопоставленной системе личных форм, особый интерес представляют случаи их функционально-семантического сближения. «Отдельные грамматические формы на определенном участке или на целом ряде участков парадигматической системы могут восполнить друг друга тем, что их значение в той или иной плоскости воспроизводят друг друга, так что эти формы в тех или иных пределах являются взаимозаменяемыми» [2].

Примером такого грамматического и функционального сближения неличных форм глагола служат абсолютные конструкции с причастием II *offen gestanden*, *besser gesagt*, *gesetzt den Fall* и абсолютные инфинитивные конструкции *die Wahrheit zu gestehen*, *aufrichtig zu sagen*, *ganz zu schweigen von...*

Оба типа абсолютных конструкций выражают отношение говорящего к высказыванию, т.е. передают одинаковое модальное содержание, Это подтверждается данными трансформационного анализа.

Ср.: *Offen gestanden*, *hatte ich keinen so großen Plan* (B. Brecht), – *Wenn ich es offen gestehe*, *hatte ich keinen so großen Plan*. *Die Wahrheit zu gestehen*, *ich weiß es nicht* (H. Paul). – *Wenn ich die Wahrheit gestehe*, *weiß ich es nicht*.

Обе конструкции трансформируются в придаточные условные предложения, в которых дается оценка содержания предложения с точки зрения его реальности.

Если для инфинитива значение предположительной модальности является обычным, то причастию оно не свойственно: причастие выражает реальное действие. Наличие модального значения у причастия в абсолютных оборотах объясняется как происхождением этих оборотов (по свидетельству немецких грамматистов, они образовались из пассивных безличных конструкций с побудительным значением), так и самой

позицией обособления, которая выявляет модально-предикативные свойства.

С модальным значением причастия II в абсолютных оборотах связан особый временной план, передаваемый этими оборотами. Вопреки своему обычному «статусу» (значение пассивности и результативности) причастие II переходных терминативных глаголов имеет в абсолютных оборотах активное значение и выражает одновременное или последующее действие по сравнению с действием личной формы глагола.

Следует отметить, что абсолютные конструкции с причастием II соотносительны не только с абсолютными инфинитивными, но и с первопричастными оборотами, поскольку в условиях данной синтаксической структуры видовая и залоговая дифференциация обоих причастий снимается.

Ср.: Das Innere der Burg angehend, so war es zuletzt noch zu Beginn der Regierung Johann Albrechts III., einer umfassenden Auffrischung und Verschönerung unterzogen worden. (Th. Mann. Königliche Hoheit)

Eine runde Million sollen die Taler wert gewesen sein, den Schmuck und die Steine gar nicht mitgerechnet. (B. Brecht)

Это отклонение от нормы значения причастия II объясняется тем, что абсолютные причастные обороты занимают в предложениях самостоятельное, выделенное положение: они не подчинены какому-нибудь одному члену, а распространяют предложение в целом, являясь «вкраплениями в его основную структуру» (С.Д. Кацнельсон).

С абсолютным характером рассматриваемых оборотов связано также то, что они, как и абсолютные инфинитивные обороты, не влияют на порядок слов в предложении, в которое входят как вставные слова. Сами же обороты являются довольно подвижными в предложении. Они могут предшествовать включающему предложению:

Ehrlich gesagt, ich war Jeanette boese, als sie mir von ihrem gestrigen Abenteuer berichtete,

вклиниваться в его середину:

Den Moerder aber in diesem Kreise zu suchen ist, gelinde gesagt, absurd!

или завершать его:

Allein der Goldwert betrug einige zehntausend Mark, abgesehen von dem Sammelswert. (W. Held)

Гораздо реже наблюдаются случаи, когда за абсолютным причастным оборотом непосредственно следует личная форма глагола. В таких случаях оборот не выделяется, как обычно, запятой или тире, так как являет собой более тесное единство с основным составом предложения. Например:

Im Grunde genommen bin ich auch jetzt so eine Art von Foerster, dachte Heinz Richter, allerdings in einem anderen Revier.

Тесное смысловое и грамматическое единство между абсолютным причастным оборотом (распространенным и нераспространенным) и самим предложением наблюдается также тогда, когда последнее является придаточным. Это придаточное предложение (союзное или бессоюзное) зависит от причастий *angenommen*, *ausgenommen*, *ungeachtet*, *gesetzt* (*den Fall*), *vorausgesetzt*, которые выполняют сходную с союзом функцию. Например:

Gesetzt den Fall, es ist wirklich Ihr Frontkamerad, taueschen Sie sich dann nicht in dem Namen? (Br. Stubert)

В связи с функциональными особенностями эти причастия ослабляют свои глагольные свойства и приближаются к характеру союза, но таковыми не являются, так как содержат модальную оценку, указывая на отношение говорящего к высказыванию. Как и другие абсолютные причастные конструкции, эти обороты, не имеющие формально-грамматической связи с включающим предложением, но тесно связанные с ним по смыслу, играют важную роль в уточнении содержания предложения и оценке реальности выраженного в нем процесса.

Немецкие лингвисты (Леманн, Андрезен) дают некоторые указания на то, как следует строить абсолютные причастные обороты этого типа. Особенно это касается случая, когда от оборота зависит придаточное предложение. Это предложение должно иметь «умеренный объем» и быть соразмерным с последующим главным предложением. Следует избегать длинных периодов. Особенно затрудняют понимание смысла предложения, в которых абсолютный причастный оборот чрезмерно перегружен придаточными предложениями и парантезами, так как в этом случае главное предложение со своим распространением не может «удерживать равновесия» с остальным составом предложения.

Что касается позиции абсолютных причастных оборотов в предложении, то Леманн отмечает, что большей частью они стоят в начале предложения. Эта позиция годится лучше всего для таких случаев, когда от абсолютного причастного оборота зависит обширное по объему придаточное предложение. Реже абсолютные причастные обороты стоят в середине предложения, где они скорее, чем в первом случае, вызывают ошибки. Наиболее редко обороты стоят в конце предложения, где они имеют более тяжеловесную структуру. Опираясь на примеры из произведений Лессинга, Леманн подсчитал, что в них абсолютные причастные обороты 22 раза занимают начальное положение в предложении, 4 раза стоят в середине и 4 раза – в конце предложения. Поскольку, как указывает современный немецкий стилист Кельвель, порядок слов трудно уложить в жесткие правила, при построении предложений (в частности,

с абсолютными причастными оборотами) нужно учитывать прежде всего ритмико-интонационные и стилистические моменты.

КОНСТРУКЦИИ С ИНФИНИТИВНЫМИ ОБОРОТАМИ

К новым тенденциям в развитии современного немецкого языка можно также отнести необычайно широкое распространение инфинитивной предложной конструкции *im... zu* и употребление ее в тех случаях, в которых она раньше не употреблялась. Так, инфинитивная конструкция с *im... zu* широко употребляется при существительных, а также после прилагательных с наречиями, выражающими меру (степень) качества.

1. Употребление союзной и бессоюзной инфинитивных конструкций при имени существительном

Употребление союзной и бессоюзной инфинитивных конструкций связано с особенностями семантико-синтаксических связей между инфинитивом и управляющим именем существительным.

Если бессоюзная инфинитивная конструкция выступает в качестве определения к имени существительному в подавляющем большинстве случаев, то инфинитивный оборот с союзом *im... zu* употребляется значительно реже. Для него более типичным является употребление в группе глагола. Инфинитивный оборот с *im... zu* встречается обычно при именах существительных, семантика которых подчеркивает целевое значение оборота: при конкретных именах существительных и именах существительных, означающих средство, инструмент для достижения цели. Инфинитив с этими существительными имеет значение предназначенности, цели. При указанных существительных можно наблюдать параллельное употребление бессоюзного и союзного инфинитивного оборота. Параллельное употребление бессоюзного и союзного инфинитивных оборотов мы находим также при именах существительных с наречиями *genug*, *genuegend*, *reichlich*, где инфинитив имеет определительно-целевое или определительно-следственное значение (эти значения четко не разграничены). Например:

Endlich werden eure Beherrscher sich sicher fuehlen, da ihr, bei all eurer Stummheit, ihnen bis jetzt noch Grund genug gebt zu zittern. (H. Mann, Publ.Schr.88)

Und zog nicht der Name Clara Schumann ueberall begabte Schueler heran? War das nicht Grund genug, um von solchem Glueck im Tagebuch zu berichten? (Im Morgenlicht, 23)

Однако, союзный инфинитивный оборот может встречаться не только после имен существительных указанных семантических групп. Некоторые исследователи немецкого языка считают неправильным (как в грамматическом, так и в стилистическом отношении) употребление союзного инфинитивного оборота после существительных любого лексического значения, другие исследователи придерживаются мнения, что

этот оборот может встречаться только при существительном Mittel и его синонимах. Однако, как указывает Будде, в современном немецком языке расширяется круг существительных, способных присоединить к себе инфинитивный оборот *um... zu*. Этот оборот может употребляться при существительных *Anlaß, Vorwand, Zeit, Augenblick, Moeglichkeit, Vorschlag, Gelegenheit, Weg, Maßnahmen, Anstrengung, Kraft, Plan*; при существительных со значением лица; в отдельных случаях он встречается также при существительных *Muehe, Streben, Veranlassung*. Инфинитивный оборот может употребляться при существительных только тогда, когда ему свойственно значение цели или следствия, но и в тех случаях, когда он выступает в атрибутивном значении.

Употребление при существительном союзного или бессоюзного инфинитивного оборота определяется ритмико-интонационными моментами. В силу мелодических особенностей речи, фразового и логического ударения иногда приходится «подкреплять и усиливать недостаточно выразительное *zu* постановкой впереди него союза» [7: 50].

Союзные и бессоюзные инфинитивные обороты выступают при существительных как синонимические структуры. Следует только подчеркнуть, что при употреблении союза *um* инфинитивная группа становится более самостоятельной, она выражает связь не только с именем существительным, но и относится к предложению в целом.

2. Употребление союзной и бессоюзной инфинитивных конструкций при прилагательных, выражающих меру (степень) качества, необходимую для совершения действия

Одной из особенностей сочетаний типа «*so* + прилагательное + инфинитив», «*zu* + прилагательное + инфинитив» и «прилагательное + *genug* + инфинитив» является то, что в них может употребляться как бессоюзная, так и союзная инфинитивная конструкция (тогда как во всех других адъективных сочетаниях с инфинитивом возможна только бессоюзная конструкция). Например:

Aber doch war dieser Schritt bedeutsam genug, aufhorchen zu machen und das Interesse in die gewuenschte Richtung zu lenken. (Tenschert, Mozart) – (употреблена бессоюзная конструкция)

Aber die Reste seiner... Stimme waren bedeutsam genug, um sie in die erste Reihe stellen zu koennen. – (употреблена союзная конструкция)

Для возможности употребления как союзной, так и бессоюзной инфинитивной конструкции показателен пример, взятый из газеты «Neues Deutschland». В статье под заголовком «Nicht zu alt, um zu lernen» мы находим предложение *Vielleicht denkt ihr, ich bin schon zu alt, das Wissen zu erwerben*. Некоторые немецкие лингвисты (напр., Моч) считают, что от прилагательного *so* с словом *zu* может зависеть только союзная инфинитивная конструкция (инфинитивный оборот с «*um... zu*»). Другие лин-

гвисты (Вустман), напротив, считают неправильным употребление союзной инфинитивной конструкции при прилагательных с наречием.

Немецкий стилист Будде говорит о возможности употребления в современном языке после прилагательного с наречием как союзной, так и бессоюзной инфинитивной конструкции. Исследованный нами материал подтверждает правильность мнения Будде. Примеры, собранные из произведений писателей самых различных литературных направлений (Т.А. Гофмана, Т. Манна, Г. Манна, В. Бределя, А. Зегерс, Г. Фаллады, Л. Фейхтвангера, Э.М. Ремарка, Ф. Кафки и др.), а также взятые из общественно-политической и научной литературы, показывают, что после имен прилагательных с наречиями союзная и бессоюзная инфинитивные конструкции могут употребляться параллельно. Выбор той или иной конструкции определяется ритмико-интонационными и стилистическими особенностями.

Лишь в том случае, когда субъект инфинитива не может быть отнесен ни к одному из лиц (предметов), указанных в предложении, необходим инфинитивный оборот с союзом (для осуществления более четкой связи между основной частью предложения и инфинитивным оборотом):

Der Maerztag war warm genug, um im Freien zu fruehstuecken
(L. Frank, Cervantes, 105).

3. Употребление коррелятов при прилагательных, управляющих инфинитивом

С точки зрения нормы и вариативности, представляет интерес употребление коррелятов при именах прилагательных, управляющих инфинитивом.

За коррелятом не закреплено особого значения, поэтому в большинстве случаев его употребление факультативно.

Чаще приаъективный инфинитив встречается без коррелята. При наличии коррелята последний представлен местоимением es или местоименными наречиями (с указательным значением). Форма коррелята зависит от управления имени прилагательного. Например:

Denn es gibt sich Rechenschaft darueber, dass die geistlichen Wirklichkeiten unsere Grundlage bilden, dazu bestimmt, die wirkliche Welt umzuwandeln.

Wir sind darauf bedacht, den Volksstaat vorzubereiten. (H. Mann, Publ. Schr., 86)

...Sein ganzes Bemuehen war darauf gerichtet, jeden zu ermahnen, sich an Ordnung und Disziplin zu halten. (W. Bredel. Ein neues Kapitel, 63)

Г. Пауль отмечает, что при сочетании инфинитива с прилагательным gewohnt и wert может наличествовать коррелят es (возникший из Genitiv местоимения). Он приводит пример: «Er ist es gewohnt, verachtet

zu werden». Но в этих случаях коррелят может также отсутствовать. В словаре Пауля мы находим пример: «Er ist wert, das zu erhalten». У Эрбена также: «Er ist wert, gefoerdert zu werden».

Немецкий структуралист Моч настаивает на том, что после прилагательных *gewoehnt* (*gewohnt*), *muede*, *ueberdruessig* при сочетании с инфинитивом должен обязательно употребляться коррелят *es*.

Рассматривая адъективные сочетания с инфинитивом (как и все адъективные сочетания вообще) с точки зрения структурального анализа, Моч путем перестановок (трансформаций, перемещений, метатез) внутри предложения доказывает необходимость коррелята после прилагательных *muede*, *ueberdruessig*, *gewohnt*, в отличие от прилагательных *faehig*, *gewillt*, *bereit*, *wuerdig*, *beduerftig*. Однако исследованный нами материал показывает, что прилагательные *muede* и *gewohnt* могут при сочетании с инфинитивом употребляться и без коррелята. Например:

Solange sie es gehabt hatte, war sie nicht müde geworden, sich daran zu freuen [8].

Wir muessen nie muede werden, den Ausdruck wahrer und freier Gesinnung sowie die Darstellung der Tatsachen in ihrem wahren Lichte... dem Volk darzubieten [9: 148].

Ich bin gewohnt, diesem Drang zu weichen... (Th. Mann, Tristan, Reclam, 48).

Сравните употребление с коррелятом:

Petra wird es nie muede, ihn anzusehen, sie bewundert ihn. (Fall., Wolf u.W., 16)

Ich bins muede zu leiden. (Luther)

Коррелят также часто употребляется перед инфинитивом, зависимым от прилагательного *schuldig*. Например:

War er's nicht sich und der Welt schuldig, seinem Buche bessern Schutz zu suchen? (Feucht., Narrenweisheit, 28)

Als sei sie es ihrer Ehre schuldig, jetzt tapfer zu sein, sah sie ihn tapfer laechelnd an und ließ sich noch einmal kuessen. (L. Frank. Links, wo das Herz ist, 17)

Однако имеются случаи, когда прилагательное *schuldig* употребляется без коррелята. Так, Г. Пауль приводит следующие примеры:

Wir Klosterleute sind schuldig, unsern Obern zu gehorchen.

Wir sind gewiss schuldig, die Fehler unserer Eltern wieder zu machen.

Управление прилагательного (также, как и существительного, глагола) инфинитивом сходно с управлением определенным падежом.

Ср.: Die Moeglichkeit eines baldigen Sieges -- die Moeglichkeit, bald zu siegen; ich werde des Lebens froh -- ich bin froh; ich bin froh, jetzt abreisen zu koennen.

Это сходство с категорией падежа особенно проявляется тогда, когда перед инфинитивом употребляется коррелят: ведь и выбор коррелята определяется управлением глаголов, прилагательных и существительных.

Для практического понимания функционального использования адъективных словосочетаний с инфинитивом важное значение имеет вопрос об обязательном или факультативном употреблении коррелятов в этих сочетаниях.

В зависимости от того, обязательно или необязательно прилагательное употребляется с коррелятом или совсем не допускает его, все прилагательные, управляющие инфинитивом, можно разделить на три группы:

1) прилагательные, употребление коррелятов при которых факультативно (таких прилагательных большинство),

2) прилагательные, требующие обязательного употребления коррелятов (редкий случай),

3) прилагательные, не допускающие употребления коррелята.

1. Исследуемый материал показывает, что большинство прилагательных (faehig, geeignet, wert, erfahren, geuebt, qualifiziert, bereit, vorbereitet, bestrebt, bemueht, willig, besorgt, entschlossen, einverstanden, aufgelegt, reif, beschaeftigt, gierig, begierig, neugierig, gefasst, bestimmt, berufen, geschaffen, berechnet, bedacht, gewohnt (gewoehnt), angewiesen, bestellt, verdammt, berufen, einig (в составе сочетания sich einig sein или sich einig werden), (weit) entfernt, angehalten, bewogen, gezwungen, genoeigt, gerichtet, ueberrascht, traurig, aegerlich, betruetzt, zufrieden, beauftragt, interessiert, schuldig) при сочетании с инфинитивом могут употребляться как с коррелятом, так и без него, т.е. корреляты в большинстве случаев факультативны. Однако, при некоторых из перечисленных прилагательных характерна та или иная тенденция. Так, прилагательные beschäftigt, zufrieden, bedacht, gefasst, gerichtet, muede, schuldig, einig в большинстве случаев употребляются с коррелятом.

В исследованном материале примеры с коррелятом составляют 92,86%, без коррелята – 7,14%. Прилагательные (weit) entfernt, faehig, willig, reif, angehalten, verbunden, наоборот, обычно употребляются без коррелята. Так, случаи употребления этих прилагательных без коррелята составляют 92,5% и с коррелятом – 7,5%.

Роль коррелятов перед инфинитивом аналогична их роли перед придаточным предложением. Она сводится к тому, что коррелят указывает на следующий далее член предложения, выраженный инфинитивом. Корреляты служат для подчеркивания связи между управляющим словом и инфинитивом. Они употребляются, чтобы выразить эту связь как синтаксическое единство.

2, Однако, встречаются случаи, когда перед приадективным инфинитивом употребление коррелята обязательно. Это наблюдается тогда, когда инфинитив зависит от прилагательного, которое (в силу семантики признака, выраженного им) обычно не сочетается с инфинитивом. В этих случаях коррелят способствует управлению прилагательного инфинитивом. Например:

Nicolas war wunderbar darin, Liebe zu machen. (L. Feuchtwanger. Narrenweisheit, 149).

Без этого коррелята прилагательное не было бы способно сочетаться с инфинитивом (коррелят – здесь условие для возможности сочетания данного прилагательного с инфинитивом).

Случаи такие, однако, очень редки (в исследуемом нами материале такой случай встретился один раз).

Исключительная важность коррелята *darin* в приведенном примере подчеркивается и его местоположением после прилагательного (обычно прилагательное-предикатив стоит в конце предложения, а коррелят предшествует ему).

3. Имеются такие случаи, когда прилагательные, управляющие инфинитивом, не допускают употребления перед ним коррелята. Это объясняется разными причинами. Так можно полагать, что прилагательное с относительным значением *gewillt* не допускает коррелята потому, что оно неспособно управлять определенным падежом (сочетаться с именем). Это прилагательное сочетается только с инфинитивом.

По этой же причине корреляты не встречаются при прилагательных, которые обычно употребляются абсолютно и не управляют существительными, а лишь в редких случаях сочетаются с инфинитивом (*ungeduldig, unermüdlich, einfältig, klug, dumm, toericht, gescheit*). Отсутствие же коррелята при прилагательном *würdig*, синонимичном прилагательному *wert*, обычно употребляющемуся с коррелятом *es*, по-видимому, объясняется языковой традицией.

Подводя итоги сказанному о коррелятах, можно сделать следующие выводы:

1. В большинстве случаев корреляты перед инфинитивом, зависимым от прилагательных, факультативны.

2. В некоторых случаях коррелят перед инфинитивом не употребляется потому, что господствующее прилагательное неспособно управлять именем в определенном падеже; в основе же употребления коррелята лежит способность прилагательного (так же, как и глагола, существительного) к управлению определенным падежом или предлогом.

3. В редких случаях употребление коррелята вызвано тем, что прилагательное не было бы без него способно присоединить к себе инфинитив. В этом случае коррелят как бы играет роль присоединитель-

ной частицы, способствующей употреблению прилагательного инфинитивом.

4. Употребление союзной и бессоюзной конструкции при глаголе

Параллельное употребление инфинитивной группы с *um... zu* (союзной инфинитивной конструкции) и инфинитивной группы без союзного слова (бессоюзной инфинитивной конструкции) в значении обстоятельства цели возможно после:

1) глаголов движения (с перемещением места и без перемещения места): *sich begeben, gehen, kommen, fahren, rennen, reisen, eilen, ruecken, treten, steigen*.

Die Frauen kamen, das Neugeborene zu begucken (A. Seghers. *Die Toten bleiben jung*).

«*Wir kommen, um unsere Feinde zu schlagen, aber nicht, um sie zu zaehlen*», sagte Suworow. *Sie rannten so auf den Straßen, sie hatten alle Eile, liefen den Zug noch zu fassen, das Maedchen zu treffen...* (Fall., *Wolf unter Wölfen*).

Und leise... stand er auf, ging in die Stadt, um alles zu erfahren;

2) глаголов, обозначающих существование или появление кого-либо или чего-либо:

Wenn wenigstens Hans, da waere, ihr zu helfen.(Feucht., *Exil*)

Ich bin nicht hier, um Witze zu hoeren. (Remarque, *Zeit...*)

3) после глаголов *arbeiten, lesen, trinken, pfeifen, essen* и др. также употребляется инфинитивный оборот *um... zu*.

Und als Petra erst Zutrauen gewonnen hatte, fragte sie ihn oft etwas, bloß um ihn vom Grübeln abzuhalten... (Fallada. *Wolf unter Woelfen*)

4) кроме целевого значения инфинитивный оборот *um... zu* может иметь значение следствия. Он употребляется после глаголов *genueegen* и *ausreichen* (аналогично тому, как он употребляется при прилагательных и наречиях со словами *genug* и *zu*). Здесь он также конкурирует с более старым и более многозначным простым оборотом «...zu + Infinitiv».

...Sein musikalisches Talent reichte aus, um ihn in die erste Reihe tauglicher Kraefte stellen zu koennen. (Tenschert. *Mozart*)

«*Die traeege Farbe reicht nicht, den himmlischen Geist nachzuspiegeln*». (Schiller)

5) инфинитивный оборот с *um... zu* может выражать временную последовательность и имеет при этом сочинительное значение, например:

1. *Zuweilen kicherten sie leise, um sich rasch erschrocken umzusehen...* (B.Kellermann. *Der 9. November*)

2. *Armeekorps, die wie ein Bataillon in fehlerloser Geschlossenheit schwenkten, um zu erstarren, wenn die Gedanken des Generals es wollten.* (ebenda)

Большинство немецких грамматистов (Пауль, Бехагель, Вильманс, Блау, Шмидт и др.) говорят о широком употреблении этих оборотов в современном немецком языке и считают их нормативными. Однако некоторые лингвисты (Вустман) указывают, что эти обороты следует употреблять очень осторожно, поскольку они выражают не только временную последовательность, но и имеют модальный оттенок значения неизбежности, «неотвратимости» действия, вызванного какими-то чрезвычайными внешними обстоятельствами. Игнорирование этого значения приводит при употреблении этих оборотов к абсурду, и такое употребление можно назвать «ироническим» (das ironische um... zu). Вустман приводит следующие примеры:

1. Er wurde im Kloster Lehnin beigesetzt, um spaeter in den Dom zu Koeln an der Spree ueberführt zu werden.
2. Er schloß sich der Emin-Pascha-Expedition an, um ein trauriges Ende dabei zu finden.

Но наряду со стилистически неудачными примерами, в которых «неоднородность сопряженных членов» (О.С. Ахманова) приводит к противоречию между планом содержания и планом выражения, обусловленного формально-грамматическими связями инфинитива, имеются «присоединительные обороты с um... zu, вполне уместные и стилистически оправданные». Например:

1. Der Herzog kehrte nach F. zurueck, um es nie wieder zu verlassen.
2. Beim Eintreffen der Feuerwehr brannte das Gebaeude bereits vollstaendig, um schließlich einzustuerzen.
3. Taeglich wird eine Masse von Konzerten und Theaterberichten geschrieben, um schnell wieder vergessen zu werden.

Вустман считает, что почти во всех случаях было бы правильнее вместо подобных оборотов употреблять сложносочиненное предложение с союзом und.

Нам же представляется, что употребление этих оборотов также закономерно, как и употребление сложносочиненных предложений с союзами und и dann. Эти синтаксические конструкции, разные по совокупности своих грамматических значений, в процессе развития языка сблизились лишь в одном из своих значений, и в этом отношении их можно назвать грамматическими синонимами. В известных пределах они являются взаимозаменяемыми. Однако, когда надо подчеркнуть контрастность последующего действия по отношению к предыдущему, употребляется инфинитивный оборот с um... zu. Благодаря модальному оттенку, свойственному инфинитивному обороту, он используется для передачи эмоционально-экспрессивных, оценочных обертонов, накладывающихся на собственно семантическую, или интеллектуальную ткань высказывания (О.С. Ахманова).

Таким образом, изучение вариантных элементов, входящих в норму, показывает, что они отличаются стилистическими оттенками или сферой распространения, находясь в отношении «синонимической комплементарности».

Заключение

В настоящее время особое значение приобретает культура речи, опирающаяся на достижения современной лингвистической науки. Центральным понятием теории культуры речи является языковая норма, а она предполагает наличие вариантных синтаксических возможностей для выражения одного и того же смыслового содержания. Поэтому при оценке нормативности причастных и инфинитивных оборотов мы исходим из сопоставления их с конкурирующими, соотносительными по смыслу синтаксическими структурами, выявляя ортологическую оправданность той или иной структуры в конкретной речевой ситуации.

Установление норм литературной речи требует также рассмотрения вопроса о нарушениях и отклонениях от них.

Исследуя этот вопрос, мы старались установить критерии, согласно которым в одном конкретном случае нарушения нормы являются незаконными, а в другом – допустимыми. Эти нарушения являются уместными, оправданными, если они используются как стилистические выразительные средства для решения творческой задачи писателя (речевая характеристика, описание социальной среды и исторического колорита). Однако, они не могут считаться оправданными, если не несут никакой экспрессивно-стилистической нагрузки и ведут к искажению или затемнению смысла. Таким образом, культура речи предполагает не только правильное, но и уместное (оптимальное) использование языковых средств в определенной речевой ситуации. Это следует учитывать при обучении родному и иностранным языкам в школе и вузе.

Рассмотрение проблемы нормы и вариантности на основе конкретных типов синтаксических конструкций должно, по нашему мнению, помочь преподавателю пробудить у студентов интерес к немецкому языку и сформировать у них навыки правильной, литературной речи.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М., 1975.
2. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М., 1955.
3. Andresen K. Über absolute Participialconstructionen im Deutschen. – Herrigs Archiv. Braunschweig, 1854.
4. Bech G. Studien über das deutsche Verbum infinitum. – Kobenhavn, 1955.
5. Paul H. Deutsche Grammatik. – Bd. III. – Halle/Saale, 1951.
6. Schulz M.W. Wir sind nicht Staub im Wind. – Halle/Saale, 1963.

7. Budde E.H. "Zu" oder "um zu" beim Infinitiv? – «Muttersprache». – № 2. – 1956.

8. Weirauch A.E. Frau Kern. – Berlin, 1936.

9. Keiser B. Die Achtungvierziger, Ein Lesebuch für unsere Zeit. – Weimar, 1960.

УДК 811.111'36

ББК 81.432.1-2

Е.С. Петрова*

ПРИНЦИП *HORROR AEQUI* В АНГЛИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ

Ключевые слова: *грамматическая вариативность, грамматическая диссимилиция, социопрагматика, стратегия избегания; horror aequi*

grammatical variability, grammatical dissimilation, socio-pragmatics, avoiding strategy; horror aequi

Принцип HORROR AEQUI (букв. «боязнь подобного») обуславливает стратегию избегания определенных контактно расположенных форм в английском языке. В статье описаны три зоны действия языковой переменной, где реализуется действие указанного принципа (степени сравнения прилагательных, глагольные катенативные цепочки и факультативные предлоги). Делаются выводы относительно когнитивной и социопрагматической значимости соблюдения принципа HORROR AEQUI.

The Horror Aequi principle, which has not been dealt with until the early 21st century, accounts for the choice of grammar variants within subordinated structures. Careful speakers of English tend to avoid those variants, albeit legitimate, that might give the hearer an impression of poor grammar and, more broadly, lack of grammar competence. The Horror Aequi principle, as we have shown, results from cognitive processes and determines the avoidance strategy, revealing itself in speech planning and editing. Therefore, it is shown to have both intralingual and sociocultural implications.

Обращение к теме данного исследования обусловлено целым рядом причин. Прежде всего, термин HORROR AEQUI («боязнь подобного») еще не вошел в широкий научный обиход, хотя обозначаемые им явления, как мы надеемся показать в данной статье, играют достаточно

* **Петрова Елена Серафимовна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

заметную роль в реализации грамматической вариативности, и в XXI веке этим явлениям было посвящено несколько глубоких исследований. Однако статус этого принципа и диапазон его действия еще не определены. Наконец, эта тема представляется достаточно актуальной и в силу своего межуровневого и междисциплинарного характера, так как для ее изучения привлекается материал корпусной лингвистики, анализ проводится с учетом фонетического, морфологического и синтаксического уровня, а выводы имеют непосредственный выход в лингвистическую прагматику и когнитивистику.

Насколько можно судить по имеющимся источникам, самый заметный вклад в изучение принципа HORROR AEQUI внес Гюнтер Роденбург. Он определил этот принцип как весьма распространенную тенденцию избегать нежелательного (т.е. немотивированного) повторения формально идентичных или почти идентичных элементов в контактных или почти контактных позициях [1: 205, 236, 243]. Иными словами, речь идет о том, что говорящие и пишущие склонны избегать цепочек незапланированных формальных совпадений. На уровне морфонологии описано явление гаплоггии, которое служит частным проявлением принципа HORROR AEQUI, поскольку тоже заставляет избегать созвучных слогов. Его результатом является «стяженное» произношение топонимов *Gloucester, Leicester, Worcester*, а также нарицательного существительного *library* (произносится как /libry/); ср. русск. /военачальник/, /морфонология/, СССР (произносится как /ССР/). В основе процесса клитизации, то есть фонетического стяжения грамматических форм, например, *want to* → *wanna* (см. об этом: [2: 155–157]) тоже зачастую лежит принцип HORROR AEQUI – уход от цепочки контактно расположенных дентальных согласных.

В грамматике английского языка действие принципа HORROR AEQUI рассматривается, прежде всего, на таких участках языковой переменной как

- 1) сравнительная степень прилагательных, превосходная степень прилагательных [3];
- 2) чередование герундия и инфинитива после некоторых глаголов (фазовых и мыслительной деятельности);
- 3) чередование предложного и беспредложного придаточного (косвенного вопроса).

При этом у некоторых авторов мы находим лишь имплицитное указание на HORROR AEQUI, без подробного описания этого явления и без использования специального термина [4; 5].

Остановимся подробнее на корпусных данных по трем указанным выше участкам языковой переменной.

При употреблении прилагательных с исходом на *-er* (*clever, bitter, slender, sober, tender*) примерно в $\frac{3}{4}$ случаях, по данным Бритты Мон-

дорф, говорящие используют перифрастическую форму с *more*. В случае прилагательных с исходом на *-re* (*austere, demure, mature, obscure, secure, severe, sincere*) эта тенденция еще более разительна: 96% употреблений используют перифрастическую форму с *more* и только 4% – синтетическую степень сравнения [3]. Тем самым опровергается утверждение Е. Куриловича о том, что прилагательные с ударением на втором слоге регулярно образуют степени сравнения синтетическим способом, то есть добавлением суффикса *-er* [6: 107]. В силу действия принципа HORROR AEQUI говорящие, скорее, склонны избегать форм типа *severe – severer*. Впрочем, еще задолго до появления корпусной лингвистики Г. Суит утверждал, что группа прилагательных с исходом базовой формы на *-er* тяготеет в сравнительной степени к образованию перифрастической формы с *more* [7]. О. Есперсен, пользуясь термином «гаплоглогия», также подчеркивал, что при образовании сравнительной степени наблюдается тенденция избегать исхода на *-rer* [4: 349].

Генри Суит, помимо этого, одним из первых указал на то, что прилагательные с исходом на *-ish, -s, -st* (*childish, selfish, adverse, honest, earnest, modest*) образуют превосходную степень не синтетическим, а перифрастическим способом, то есть при помощи *most*, во избежание повтора шипящих [7]. Иными словами, Суит вплотную подошел к тому, что мы сегодня назвали бы стратегией избегания (или принципом HORROR AEQUI). Сегодня такие прилагательные как *ancient, frequent, correct, distinct* практически утратили превосходную степень с *-est*; а прилагательные *correct, corrupt* и *compact* еще сохранили морфологическую вариативность и в редких случаях обнаруживают превосходную форму на *-est*.

Попутно отметим, что флексированные превосходные формы многосложных прилагательных используются в художественной литературе как показатель речи персонажей с низким статусом образования [5: 523].

Не меньшего внимания в плане действия принципа HORROR AEQUI заслуживает вариативное чередование герундия и инфинитива. Уместно вспомнить, что В.В. Бурлакова (вслед за Глисоном) описала подчинительный тип сочетаний, названных катенативными цепочками [8: 50–52]: *he decided to begin trying to stop smoking*. Их длина, по данным автора, теоретически не ограничена, но практически не превышает 7 единиц (*I don't want to have to be forced to begin to try to make more money*). Это, по В.В. Бурлаковой, частный случай автокомбинаторики, то есть подчинительного словосочетания, образованного словами одной части речи, в данном случае – глагола. Для таких цепочек В.В. Бурлакова сформулировала комбинаторное правило, согласно которому в них чередуются различные формы (в данном случае *ing*-форма и инфинитив, для других частей речи – различные лексико-грамматические подклассы). Исключение, по мнению В.В. Бурлаковой, составляет только

инфинитив, который может повторяться троекратно (...*can start to learn to profit by their mistakes*). Однако это явление было только отмечено, причем, как низкочастотное, но не прокомментировано. Позднее, в 2003 г., Гюнтер Роденбург и Кристофер Мэйр прямо сказали о том, что английский язык демонстрирует “антипатию” к несочиненным цепочкам инфинитивов с *to*, особенно с контактным расположением этих инфинитивов и особенно в тех случаях, где первый, то есть подчиняющий, элемент сам выражен инфинитивом с *to* [9: 330; 1: 236]. Заметим, что В.В. Бурлакова не приводит ни одного примера именно такого состава. И действительно, как будет показано ниже, образованные носители языка скорее даже употребят в письменной речи менее престижную форму, нежели эту цепочку из двух маркированных инфинитивов, то есть инфинитивов с частицей *to*.

Итак, по утверждению Г. Роденбурга, глагольные группы, содержащие *to*-infinitives, оказываются особо «одиозными» в тех случаях, где подчиняющая единица сама выражена маркированным инфинитивом, а, скажем, не модальным глаголом и не личной формой полнознаменательного глагола [1: 205].

Возникает вопрос, что же «плохого» в этих цепочках одинаковых форм? Ответ кроется в том, что контактно расположенные аналогичные формы в английском разговорном языке часто используются как род хезитации – переформулирования (о типах хезитаций см.: [5: 1053-1063]), поэтому такие цепочки, когда за одним инфинитивом с частицей *to* сразу следует еще одна частица *to*, воспринимаются слушателем вначале как признак хезитации или переформулирования, и только потом, при помощи дополнительного когнитивного усилия, распознаются как подчинительные группы.

Г. Роденбург уже оперирует термином HORROR AEQUI и предполагает наличие двух стратегий избегания, то есть, по сути, стратегий реализации этого принципа:

1. внедрение какого-либо промежуточного элемента между двумя инфинитивами с частицей *to*, например, *You'll have to wait a bit to see how it works*;
2. выбор другого грамматического средства выражения для второго инфинитива, например *We had no remedy but to wait and see what the Issue of Things might present* [1: 236].

Интереснейшее замечание по этому поводу находим у Байбера с соавторами [5: 739]: практически все употребления *try and* в публицистическом и научном функциональных стилях обусловлены именно желанием автора речи избежать двух подряд сочетаний маркированных инфинитивов. Видимо, сознавая это на интуитивном уровне, образованные носители языка скорее снизят регистр речи, чем станут употреблять два «одиозных» *to*-инфинитива подряд.

На материале катенативных цепочек было сформулировано важное в теоретическом отношении положение о том, что принцип HORROR AEQUI может проявляться как в сильной, так и в слабой форме [9: 343].

Выступая в сильной форме, принцип HORROR AEQUI накладывает запрет на употребление конкретных форм. Как известно, в английской грамматике существуют многочисленные ограничения на употребление герундия [9; 10]. Одно из них таково: после глаголов *begin* и *start* инфинитив возможен во всех синтаксических контекстах, а герундий – не во всех. Ограничения касаются тех случаев, где *begin* и *start* сами употреблены в *-ing*-форме (**We are beginning talking*). Таким образом, здесь принцип HORROR AEQUI выступает в своей сильной форме – как грамматический запрет.

Выступая в слабой форме, принцип HORROR AEQUI рассматривается не как грамматическое ограничение, а как детерминант статистического распределения или стилистических предпочтений. В этом смысле он представляет значительный интерес для когнитивных и прагматических исследований.

Третья область языковой переменной, подпадающей, по мнению лингвистов, под действие принципа HORROR AEQUI – это чередование предложного и беспредложного объекта (и, в отечественной терминологии, некоторых видов аппозитива), выраженного предикативной или непредикативной единицей. На наш взгляд, это менее очевидная область, но, опять же, чрезвычайно интересная с точки зрения возможной трактовки. Действие принципа HORROR AEQUI усматривается лингвистами там, где говорящий стремится избежать контакта двух субстантивных единиц: существительного и союзного слова *what*: *Check with your bank (on) what its charges are* [1: 219], даже если это существительное не является подчиняющим ядром.

Для нас наибольший интерес представляют случаи с *what*-clauses и *what*-phrases при ядре, выраженном абстрактным исчисляемым существительным, таким как *decision, question, problem, instruction(s)*: *The problem / question of what he should do*. В корпусных исследованиях современного языкового материала отмечается весьма значительное преобладание структур с употреблением факультативного предлога, нежели аналогичных беспредложных структур. Например, построение типа *our advice what he should do* считается явно устаревшим и представлено в электронных корпусах единичными примерами.

Закономерно возникает вопрос: зачем нужен этот факультативный предлог, какова его функция? У некоторых исследователей факультативный предлог трактуется как когнитивный интенсификатор, обеспечивающий однозначность понимания [11]. Применительно к рассматриваемым цепочкам субстантивных элементов однозначность трактовки, причем еще в более специализированном смысле, подчерки-

вает и Г. Роденбург [1: 213], который утверждает, вслед за Патрицией Поусса [12], что введение факультативного предлога немедленно исключает любые нежелательные ассоциации с нестандартной формой придаточного определительного (**the question what he asked, *the money what you gave me*). Образно говоря, дополнительный предлог играет в таких случаях не столько роль когнитивного интенсификатора, сколько роль «когнитивного предохранителя», который включается в «проблемной» зоне языковой переменной и создает благоприятную для говорящего перспективу восприятия его высказывания, поскольку исключает первоначальную трактовку его высказывания как ненормативного, «неграмотного».

Теоретические выводы из языковых фактов и отдельных замечаний лингвистов относительно роли принципа HORROR AEQUI могут быть сделаны в разных плоскостях. Попытаемся соотнести их с теорией грамматической вариативности в ее когнитивно-прагматическом аспекте.

Прежде всего, в реализации языковой переменной принцип HORROR AEQUI (диссимилиация) представляет собой противовес принципу аналогии (ассимиляции). Но он слабее принципа аналогии, поскольку, во-первых, ограничен контактным расположением элементов в речевой цепи и подчинительными отношениями, а во-вторых, его реализация в конечном счете, как ни парадоксально, тоже основана на речемыслительной операции аналогии, но не прямой, а двухступенчатой. Вначале происходит осмысление аналогии со сходной и отрицательно оцениваемой моделью, а затем установление и реализация аналогии с положительно оцениваемой моделью.

Диапазон действия принципа HORROR AEQUI в его «сильной форме», по свидетельству исследователей, ограничивается: а) пределами подчинительных групп (т.е. групп с неравным статусом элементов) и б) пределами контактного расположения в речевой цепи. Но в когнитивном плане любое статусное неравенство двух сущностей, включая и статусное неравенство грамматических элементов, особенно контрастно выступает при их непосредственном контакте. Статусное неравенство предполагает различие и, соответственно, стимулирует размежевание этих неравноправных сущностей (в нашем случае, по формальному или семантическому признаку).

Если статусного неравенства нет (в применении к грамматике, это отношения сочинения или взаимозависимости), то принцип HORROR AEQUI блокируется. Именно поэтому стали возможными и прочно вошли в англоязычный узус структуры с контактным дублированием связочного глагола, которые исследованы нами в одной из предыдущих работ [13]. Как мы показали, между двумя связочными глаголами в лич-

ной форме нет отношений подчинения; их сочетание не подвергается действию HORROR AEQUI.

«Сильная форма» предполагает узкое понимание принципа HORROR AEQUI.

С когнитивной точки зрения, контактное расположение предполагает не только и даже не столько контакт в дискурсном пространстве, сколько контакт в ментальном метаязыковом пространстве, в пределах той области, которую я предлагаю назвать когнитивным фоном грамматической единицы, или метаграмматическим фоном. Когнитивный фон грамматической единицы формируется из языкового опыта в процессе социализации говорящих. Как пишет Дебора Тэннен, “all language is <...> repeated from language previously experienced” [14: 46]; Стивен Пинкер последовательно проводит мысль о том, что языковая способность зиждется на подражании [15]. Когнитивный фон состоит из «наивных» представлений о грамматике, и в первую очередь – из представления о вариантных грамматических рядах, о которых мы писали ранее [16]. Отмечая в своей или скорее в чужой речи отрицательно оцениваемую структуру (типа *ain't*), говорящий исходит из того, что в его когнитивном метаграмматическом фоне есть ковариант этой структуры, причем такой, который оценивается со знаком плюс. Планируя грамматическую структуру речи (то есть, в проспекции) или обрабатывая ее (то есть, в ретроспекции), говорящий может опираться только на этот ресурс – свой ковариантный ряд и, шире, когнитивно-грамматический фон как часть языкового сознания. Эта наивная метаграмматика, среди прочего, включает оценки «правильно-неправильно», «приемлемо-неприемлемо», то есть «хорошо-плохо», которые и служат ориентирами в выборе или квалификации конкретных грамматических форм. Основанием для выбора коварианта является прогнозирование того, как продуцируемая речь может быть оценена собеседником. Если какая-то структура будет, предположительно, оценена как «плохая», т.е. неприемлемая, то она, скорее всего, в процессе продуцирования речи уступит место «хорошей», т.е. социально приемлемой (что, заметим, далеко не всегда означает «нормативной» в прескриптивистском смысле), с точки зрения говорящего, не требующей от собеседника дополнительных когнитивных усилий.

Эти когнитивно-лингвистические рассуждения позволяют сделать важный вывод социопрагматического характера. Принцип HORROR AEQUI в его «слабой форме» (см. [9]) выдает не просто боязнь говорящего уподобить одну форму другой. За этим опасением стоит еще и боязнь уподобиться тем, кто строит свою речь «неправильно», «плохо» и, соответственно, осуждается данным социумом. Недаром в каждой рассмотренной нами зоне языковой переменной нормативисты отмечают «нежелательные» явления. Иными словами, соблюдение принципа

HORROR AEQUI позволяет говорящему сохранить свое позитивное лицо. Позитивное лицо понимается в прагматике как такой тип социальной саморепрезентации индивида, который отражает его стремление быть принятым в социуме, быть одобренным. Соблюдение принципа HORROR AEQUI требует, естественно, определенных когнитивных усилий.

«Слабая форма» HORROR AEQUI предполагает широкое понимание данного принципа. В таком понимании действие принципа HORROR AEQUI правомерно усматривать и вне непосредственного контакта в речевой цепи или дискурсном пространстве – достаточно соположения двух единиц в ментальном метаязыковом пространстве, в пределах потенциальных вариантных рядов, локусом которых является когнитивный метаграмматический фон.

Тогда, по сути дела, оказывается, что грамматика политкорректности (см., например, [17]) во многом подчиняется принципу HORROR AEQUI в его слабой форме. Гиперкорректная грамматика [18], охватывающая структуры типа **He didn't say a word to my sister or I, *between you and I* – это также результат воздействия принципа HORROR AEQUI: следствие боязни быть похожими на тех, кто говорит «неправильно». Редактирование своей или чужой речи на родном или неродном языке, при использовании как устного, так и письменного канала общения подчиняется стратегии избегания нежелательного, то есть принципу HORROR AEQUI в его широком понимании.

И последнее замечание лингвокультурологического характера. Данные корпусных исследований показали, что в американском варианте английского языка принцип HORROR AEQUI оказывает более осязаемое влияние на продуцирование речи, нежели в британском английском. Такая дистрибуция коррелирует с общекультурными различиями: британская культура тяготеет к консервативности, то есть, к своего рода прецедентности, а американская – к разнообразию.

Список литературы

1. Rohdenburg G. Cognitive complexity and horror aequi as factors determining the use of interrogative clause linkers in English // *Determinants of Grammatical Variation in English* / G. Rohdenburg and B. Mondorf, eds. Berlin – New York, 2003. – Pp. 205-250.
2. Бродович О.И. Межуровневые связи в языке и речи // *Трехаспектность грамматики (на материале английского языка)* / Отв. ред. В.В. Бурлакова. – СПб, 1992.
3. Mondorf B. Support for *more*-support // *Determinants of Grammatical Variation in English* / G. Rohdenburg and B. Mondorf, eds. Berlin – New York, 2003. – Pp. 251-304.
4. Jespersen O. *A Modern English Grammar on historical principles*. Part 1: *Sounds and Spellings*. – London, 1965.

5. Biber et al. A Grammar of Spoken and Written English. – London 1999.
6. Kurylowicz J. The Inflectional Categories of Indo-European. – Heidelberg, 1964.
7. Sweet H. A New English Grammar: Logical and Historical. – Oxford, 1968.
8. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка. – М., 1984.
9. Mair C. Gerundial complements after *begin* and *start*: Grammatical and sociolinguistic factors, and how they work against each other // Determinants of Grammatical Variation in English / G. Rohdenburg and B. Mondorf, eds. Berlin – New York, 2003. – Pp. 329-346.
10. Vosberg U. The role of extractions and *horror aequi* in the evolution of *-ing* complements in Modern English // Determinants of Grammatical Variation in English / G. Rohdenburg and B. Mondorf, eds. Berlin – New York, 2003. – Pp. 305-328.
11. Пилатова В.Н. Факультативные предлоги как когнитивные интенсификаторы // Университетское переводоведение. Вып. 6: Шестые Федоровские чтения. – СПб, 2005. – С. 287-294.
12. Poussa P. The relative WHAT: two kinds of evidence // Historical Dialectology, Regional and Social / J. Fisiak, ed. – Berlin 1988. – Pp. 443-474.
13. Петрова Е.С. Сложное предложение и принцип сложности // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. Вып.1. – СПб: СПбГУ, 2005. – С.105–109.
14. Tannen D. Talking voices: Repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse. – Cambridge, 1989.
15. Пинкер С. Язык как инстинкт. – М., 2004.
16. Петрова Е.С. Ковариантные ряды и каналы общения // Studia Linguistica. Вып. 12: Перспективные направления современной лингвистики. – СПб, 2003. – С. 107–113.
17. Петрова Е.С. Концепт 3-го лица и прагматическая прономинализация // Диалектика текста: В 2-х т. / отв. ред. А.И. Варшавская. – Т.1. – СПб, 1999. – С. 166–179.
18. Петрова Е.С. Форма и стратификация грамматических вариантов: норма и гиперкоррекция // Трехаспектность грамматики / отв. ред. В.В. Бурлакова. – СПб, 1992. – С. 160-173.

УДК 81.112.2'36
ББК 81.432.4-2

**ТОЖДЕСТВО И СХОДСТВО
КАК ЦЕНТРООБРАЗУЮЩИЕ КАТЕГОРИИ ОТНОШЕНИЯ
(на материале немецкого языка)**

Ключевые слова: глаголы отличия, глаголы подобия, глаголы превосходства, глаголы равенства, количественный и качественный признаки различия тождества и сходства, носитель отношения, отношение тождества, тождество по сходству

verbs of distinction, verbs of similarity, verbs of superiority, verbs of equality, quantitative and qualitative characteristics of distinction of identity and similarity, relation representative, identity relation, identity on similarity

Статья посвящена проблеме трактовки понятий тождества и сходства как основных составляющих категории отношения. Рассматриваются количественный и качественный признаки различия тождества и сходства. Предметом исследования в статье являются глаголы немецкого языка, репрезентирующие данные виды отношения.

The article is devoted to the problem of identifying the concepts of identity and similarity as basic constituents of category of relation. Quantity and quality features of identity and similarity are considered. The subject of research in the article is verbs in the German language which represent these kinds of relation.

Основными отношениями в логике рассматриваются отношения совместимости и несовместимости. Совместимые формы могут находиться в следующих отношениях:

- отношение следования (подчинения) или субординации характеризуется тем, что объем одного понятия целиком включается (входит) в объем другого понятия, но не исчерпывает его. Это отношение вида и рода, которое может быть представлено, например, отношением подчинения видового понятия родовому понятию;
- отношение полной совместимости (равнозначности) или тождества представляют понятия, которые различаются по своему содержанию, но объемы их совпадают;
- отношением частичной совместимости или перекрещивания связаны понятия, если их объемы не только частично совпада-

* **Сухарева Наталия Павловна**, кандидат филологических наук, Череповецкий государственный университет.

ют, то есть содержат общие элементы, но и включают элементы, принадлежащие только одному из них;

– отношение сцепления, соподчинения или координации – это отношение между объемами двух или нескольких понятий, исключающих друг друга, но принадлежащих некоторому более общему родовому понятию;

– в отношении противоречия или контрадикторности находятся такие два понятия, которые являются видами одного и того же рода, и при этом одно понятие указывает на некоторые признаки, а другое эти признаки отрицает, исключает, не заменяя их никакими другими признаками. Такие понятия являются антонимами [1; 2].

Если все отношения, как отмечает Г.Д. Левин, упорядочить по степени сложности, то в начале возникшего ряда окажутся четыре отношения: тождество, сходство и их противоположности – нетождество и несходство. Это самые универсальные отношения: любой объект находится в отношении тождества к самому себе и в отношении нетождества, сходства и несходства – к другим объектам.

Именно на основе этих отношений определялись категории «единичное» и «общее». В теории сходства общим рассматривался признак, принадлежащий вещи и сходный с данным признаком, по крайней мере, еще одной вещи. В теории тождества общим называется признак, принадлежащий вещи и тождественный признаку, принадлежащему, по крайней мере, еще одной вещи. Задача состоит в том, чтобы понять разницу между тождеством и сходством. В решении этой проблемы Г.Д. Левин видит четыре способа рассмотрения данного вопроса:

– «тождество» и «сходство» – это синонимы. Данная трактовка используется как само собой разумеющееся при исследовании других не собственно философских проблем.

– тождество – это предельное, абсолютное сходство, сходство по неразличимости или, если отождествлять сходство и равенство, – «предельный случай равенства».

– тождество – это отношение, отличающееся от сходства так же принципиально как цвет предмета от формы.

– четвертый подход представляет собой смешанную версию первых трех пунктов.

Сам автор придерживается третьего подхода, заключающегося в том, что существует качественная разница между тождеством и сходством. Принципиальная разница заключается в наличии или отсутствии смысловой нагрузки вопроса, например, такого: «Ту же самую или такую же монету я показал?». Таким образом, тождество – это отношение «тот же», а сходство – отношение «такой же». Нетождественные предметы называют «нумерически различными».

Итак, отношение тождества – это отношение вещи к самой себе. К другой вещи она находится в противоположном тождеству отношении нетождества. Для ответа на вопрос, существует ли отношение к самому себе, Г.Д. Левин обращается к понятиям «носитель отношения» и «основание отношения», где носитель отношения – это предмет, находящийся в данном отношении к другому предмету, основание отношения – это содержание этого предмета, которое порождает его отношение к другому предмету. Строго унарным называется такое отношение, у которого совпадают не только носители, но и основания, то есть это отношение к самому себе. В некоторых случаях для определения понятия тождество вводят термин «противопонятие» (С.А. Левицкий). Если все отношения обозначать буквой «R», одинаковыми знаками обозначать тождественные объекты, а разными – нетождественные, то формула «a R a» представляет собой унарное отношение, а формула «a R b» - бинарное отношение, даже если a и b – неразличимо сходные вещи или объекты.

Таким образом, любое отношение, исходя из аристотелевского определения отношения как признака, принадлежащего нескольким объектам, существует только между нетождественными, нумерически различными объектами. Рассматривая количественный и качественный признаки различия тождества и сходства, Г.Д. Левин еще раз подчеркивает, что количественный критерий для различения тождества и сходства – это число их носителей. Тождество – это всегда отношение к самому себе, сходство – это отношение к другому объекту. Исход из качественного различия «в тождестве проявляются законы сохранения мира, в сходстве – его материальное единство» [3].

Отношение сходства рассматривается Р.М. Фрумкиной в изучении процесса категоризации у детей на примере экспериментов Дж. Брунера. Основой является положение о том, что «с помощью слова ребенок переходит от перцепта к концепту, от чувственного образа экземпляра к понятию о всех экземплярах, в определенном отношении эквивалентных данному». Для того чтобы понять, как ребенок переходит от экземпляра к выделению у него какого-либо свойства, к сравнению двух разных экземпляров на основе этого свойства, в рамках эксперимента детям разного возраста предлагались слова, написанные на карточках. Последовательность, в которой предъявлялись слова, была тщательно сконструирована. Между объектами, обозначенными первыми двумя словами, разница была наименьшей, а затем она возрастала. Общая тенденция состояла в том, что чем старше ребенок, тем чаще он объединяет слова на основе функций именуемых ими объектов. Основаниями для детских суждений служили следующие основания:

- перцептивное сходство: одинаковость цвета или формы, одинаковое положение в пространстве;

- функциональное сходство;
- эмоциональное отношение к объекту;
- подведение под более общую категорию;
- утверждение сходства без объяснения.

Основание, использованное ребенком для объединения объектов, Дж. Брунер назвал семантикой категоризации, а способ, которым ребенок строил класс, – синтаксисом категоризации. С учетом того, какие слова предъявлялись, семантика и синтаксис должны были оказаться существенно связаны между собой.

В другом эксперименте детям предлагались не слова, а изображения предметов. Чтобы убедиться, что ребенок понимает, что изображено на картинке, его в начале просили назвать каждую картинку. Затем ребенка просили отобрать картинки, которые он считает сходными в каком-нибудь отношении. В опыте Дж. Брунера конкретность изображения по сравнению с относительной абстрактностью слова повлияла в наибольшей мере на категоризацию, реализованную у младших детей. В целом, исходя из проведенных экспериментов, поведение детей при категоризации слов и их поведение при категоризации изображений обнаруживают больше сходных черт, чем различий [4].

При описании механизмов воспоминания Н.Г. Брагина различает «тождество по смежности» и «тождество по сходству». В первом случае – это воспоминание на основе метонимии (тождество по смежности):

- вещь, принадлежащая / принадлежавшая кому-либо напоминает о ее владельце / владелице (*личные вещи: ручка, стакан, скрипка...*).
- вещь, подаренная кем-то, напоминает о дарителе: *подарок на память*.
- вещь, сделанная / созданная кем-либо, напоминает о ее создателе (*письма, рисунки, чертежи*).
- вещь, созданная кем-либо, оставшаяся в общественной памяти, напоминает о ее авторе, создателе (*произведение искусства, научный труд, литературное произведение...*).
- общественная ценность, объект поклонения, разрушенная кем-либо, напоминает о ее разрушителе (*эффект Герострата*).

Тождеством по смежности автор именует и воспоминание на основе синекдохи (тождеством по смежности: часть – целое). Часть вещи, ее деталь может напоминать:

- человека: *прядь волос* (романтический дискурс), *запах духов* т. д.
- целостную вещь и историческую эпоху: *обломки старины, обрывки, клочки, руины*.

Тождество по сходству – это воспоминания на основе метафоры. Воспоминания на основе сходства возможно, когда другой напоминает кого-либо чем-либо: внешностью, движениями, голосом, мимикой, судьбой и т.д.; другое напоминает что-либо чем-либо: цветом, формой, размером [5].

В строго философском контексте представляется мало вероятным терминология «тождество по смежности» и «тождество по сходству», поскольку данные определения можно интерпретировать как «объединить необъединяемое». С другой стороны, в лингвофилософском и общекультурном контексте подобные трактовки представляются оправданными.

Глаголы равенства (тождества) обозначают отношение тождества реалий либо по совокупности признаков, либо по одному какому-либо признаку и содержат в своих значениях сему «быть равным», «становиться», или «делать равным»: *dublieren, kopieren, sich vorstellen, identifizieren, einander ausgleichen* – взаимно уравниваться. Примеры немецких глаголов из двухтомного словаря [6: 1076; 1177].

Глаголы тождества по-разному представляют в своих значениях признак, по которому отождествляются реалии. Прежде всего, выделяются глаголы, в значениях которых имплицитно конкретный признак отождествления. Так, равенство реалий реализуется:

- по весу: *(sich) ausgleichen*
- по величине и размеру: *vereinen, zusammenstellen, gleichstellen, egalisieren* и др.
- по достоинству, силе и значимости: *(aus)richten*.
- по функции: *ersetzen*. Например, *Sie ersetzte ihm die Mutter* – она заменила ему мать.

Особняком стоят многозначные глаголы *уравнивать, равнять*, которые иногда сочетаются с наименованиями признака равенства, дублирующими соответствующий семантический компонент глагола: *уравнивать в правах (die gleichen Rechte einräumen)*. Уравнивать по величине, весу, что видимо, связано с решением уточнить, конкретизировать то значение многозначного глагола, которое актуализируется в данном контексте.

Большинство глаголов данного класса выражают общую идею равенства без конкретизации признака отождествления, в толкованиях таких глаголов признак указывается обобщенно с помощью следующих оборотов: «в каком-либо отношении», «по какому-либо признаку» и т.д. Это такие глаголы, как *dublieren, kopieren, identifizieren, gleichstellen* и т.д.

Глаголы равенства встречаются в оппозиции по абстрактным семам каузативности / некаузативности, бытийности / становления: *angleichen, gleichmachen, sich gleichstellen*.

Глаголы подобия обозначают отношение сходства (подобия) двух или более реалий: (*sich*) *assimilieren*, *grenzen* (в переносном значении), *erinnern*, *aehneln* и др.

Большинство глаголов подобия выражают абстрактное значение: каузативные глаголы – значение «приводить в отношение подобия, делать похожими» (*naehern*, *verbinden*, *zusammenruecken* и другие); некаузативные бытийные глаголы – значение «быть в отношении подобия, быть похожим»: *erinnern*, *anklingen*, *aehneln* и другие.

Некоторые глаголы несут в себе абстрактную сему поведения и обозначают «стараться напоминать кого-либо своим поведением, действиями»: *nachahmen*, *kopieren*, *imitieren* и другие. Их значениям свойственна сема целенаправленности.

Глаголы (*sich*) *assimilieren* имплицитно в своих значениях конкретный аспект уподобления – они обозначают «уподоблять(-ся) чему-либо по культуре, быту, языку».

Глаголы отличия, по своему значению, антонимичны глаголам равенства. Значение «быть различными» или «иметь различие» антонимично значению «быть разными, одинаковыми». Его имеют бытийные глаголы (*sich*) *auszeichnen*, *unterscheiden*, *differenzieren*, *hervorheben* и т.д. К ним же примыкают глаголы, обозначающие «находиться, быть в отношении противоречия, противопоставленности»; глаголы контраста *widersprechen*, *widerstehen*, *kontrastieren*; глаголы с дифференциальной семой «совершенно, резко» (выделяться, отличаться), т.е. обладать специфическими отличительными признаками. Например, *Das widerspricht seinen Prinzipien* – это противоречит его принципам. Значение «переставать различаться, смешиваться» выражается глаголом – *zusammenziehen* (в переносном значении).

Семантическая особенность глаголов этого класса заключается в наличии в их значениях семы целенаправленности для выявления сходства или различия. Следовательно, в значениях глаголов сравнения можно наметить иерархию имплицитных относительных семантических компонентов: доминирующая абстрактная сема «сравнение», недоминирующая относительная сема «сходства / различия». В результате сравнения реалий между ними могут выявляться отношения равенства, подобия, отличия и неравенства (превосходства).

Глаголы превосходства выражают в отличие от предыдущих классов слов несимметричное отношение «больше / меньше»: *beherrschen*, *dominieren*, *herrschen* (царить) и т.д. *Es herrschte Finsternis* – царил мрак. Большинство глаголов данной лексико-семантической группы обозначают отношение объективного превосходства одной реалии над другой. Такие глаголы выражают либо бытийность, либо становление отношений. Общее инвариантное значение бытийности отношения пре-

восходства представлено в глаголах: *uebertreffen, herrschen, ueberwiegen, vorherrschen*. Например: *Er hat alle uebertroffen* – он превзошел всех.

В остальных глаголах этой группы конкретизируются отдельные стороны обозначаемой ситуации: глаголы *herrschen, beherrschen, obenan stehen* обозначают «превосходить всех», глагол *unterdruecken* выражает значение «превосходить, подчиняя», глагол *uebertreffen* – «превосходить по высоте», глагол *ueberwiegen* – «превосходить весом», глаголы *dominieren* и *ueberwiegen (umg.)* – «превосходить по значимости, значительности» и т.д. Часть глаголов превосходства представляют данное отношение с позиций воспринимающего субъекта, такие глаголы обозначают субъективно-оцененное превосходство одной реалии над другой.

Таким образом, в рамках изучения категории отношения по степени сложности в начале ряда находятся четыре отношения: тождество, сходство и их противоположности – нетождество и несходство. Это самые универсальные отношения: любой объект находится в отношении тождества к самому себе и в отношении нетождества, сходства и несходства – к другим объектам. Именно на основе этих отношений определялись категории «единичное» и «общее». В теории сходства общим рассматривался признак, принадлежащий вещи и сходный с данным признаком, по крайней мере, еще одной вещи. В теории тождества общим называется признак, принадлежащий вещи и тождественный признаку, принадлежащему, по крайней мере, еще одной вещи.

Глаголы тождества по-разному представляют в своих значениях признак, по которому отождествляются реалии. Прежде всего, выделяются глаголы, в значениях которых имплицитно конкретный признак отождествления. Так, равенство реалий реализуется по весу (*sich ausgleichen*), по величине и размеру *vereinen, zusammenstellen, gleichstellen, egalisieren* и др., по достоинству, силе и значимости (*ausrichten*), по функции: *ersetzen*.

Глаголы подобия обозначают отношение сходства (подобия) двух или более реалий: (*sich*) *assimilieren, grenzen* (в переносном значении), *erinnern, aehneln* и др. Большинство глаголов подобия выражают абстрактное значение: каузативные глаголы – значение «приводить в отношение подобия, делать похожими» *naehern, verbinden, zusammenruecken* и другие; некаузативные бытийные глаголы – значение «быть в отношении подобия, быть похожим» *erinnern, anklingen, aehneln*.

Список литературы

1. Берков В.Ф. Логика: Учебник для вузов / В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, В.И. Павлюкевич; под общ. ред. проф. В.Ф. Беркова. – Изд-е 5-е, стереотип. – Мн.: Тетра Системс, 2001.

2. Гетманова А.Д. Логика: учеб. пособие для общеобразовательных учеб. заведений, школ и классов с углубленным изучением логики, ли-

цеев и гимназий / А.Д. Гетманова, А.Л. Никифоров, М.И. Панов и др. – М.: Дрофа, 1995.

3. Левин Г.Д. Проблема универсалий. Современный взгляд. – М.: Канон +, 2005.

4. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2006.

5. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур, 2007.

6. Langenscheidts Grosswoerterbuch Deutsch-Russisch. 1. Band A-K/ unter der Leitung von Ronald Loetzsch. – Muenchen: Langenscheidt-Verlag, 2001. – 1076.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 82.03
ББК 81.07

Л.И.Зубкова*

ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ РУССКИХ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ФОРМУЛ

Ключевые слова: антропоним, антропонимическая формула, апеллятивный конкретизатор, лингвокультурное сообщество, национально-культурная специфика, речеповеденческие тактики

anthroponomical unit, anthroponomical formulation, appellative concretizer, lingvocultural community, national-cultural specificity, speech-behaviour tactics

Настоящая статья посвящена рассмотрению речеповеденческих тактик, количества и качества антропонимов в структуре трехкомпонентных и двухкомпонентных формул, отображающих русский речевой этикет, характерный для сельских жителей и простых тружеников второй половины XX в. Базой для исследования послужили произведения Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина. Для выявления национально-культурного своеобразия русских трехкомпонентных и двухкомпонентных формул по отношению к английским использовался анализ их перевода на английский язык, проведенный по материалам художественных переводов рассказов В. Шукшина.

The article deals with the consideration of sorts of speech tactics, the number and kind of antroponyms used in two- and three component formulas, reflecting Russian etiquette, specific for the manner of speech of rural people and ordinary town workers of the second half of the XX century. The research has been based on the novels and stories by F. Abramov, V. Astafjev, V. Rasputin and V. Shukshin. The analysis of the translation of Russian two- and three component formulas into English has been carried out to reveal their national cultural peculiarities. For this purpose stories by V. Shukshin translated into English have been used.

Личные имена собственные функционируют в определенном коммуникативном пространстве, что позволяет индивидуализировать в це-

* **Зубкова Людмила Ивановна**, кандидат филологических наук, Институт менеджмента, маркетинга и финансов, г. Воронеж.

лом реализацию системы именованя человека. Антропонимические формулы связаны с национальными традициями именованя людей, с принятыми национальными этикетными нормами в соответствии со структурой конкретного языка. Они опираются на историческое и культурное развитие страны, отражая особенности культурного мышления и духовной жизни народа. Антропонимическая формула – это определенный порядок следования различных видов антропонимов в именовании человека. В настоящей работе используются термины «антропонимическая формула» и «антропонимическая модель» как синонимы. Как отмечает Ю.Т. Листрова-Правда, «русские антропонимы, образующие формулы русского речевого этикета, применяемые к друзьям, знакомым, родственникам в определенных ситуациях общения, во многом отличаются в этом качестве от собственных личных имен любого иностранного языка» [1: 4].

Подчеркнем, что антропонимикон деревенских жителей менее подвержен влияниям моды, в нем более четко запечатлено следование национальным этикетным традициям, в том числе традициям обращения, именованя 3 лица, самоименованя, что, несомненно, имеет большое значение в исследовании вопроса о закреплённой в именах культурной картине мира. Поэтому выбор произведений писателей-«деревенщиков» Федора Абрамова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина и Василия Шукшина обоснован реалистичностью отображения речеповеденческих тактик, количеством и качеством антропонимов в структуре формулы, отражающей своеобразие русской культуры и во многом определяющей особенностями взаимоотношений различных групп населения, характерными для русского лингвокультурного сообщества второй половины XX в.

Проблемы стабилизации в русском языке уникальной трехсловной формулы официального именованя лица (имя + отчество + фамилия), а не двухсловной (имя + фамилия), как у остальных европейских народов, исследователи конца XX в. относили к числу «нерешенных проблем исторической антропонимики» [2: 20], характеризуя сам процесс недостаточно изученным [3: 14]. Известно, что в период формирования русской антропонимической системы классово-социальные отношения на Руси играли определяющую роль в выборе антропонимических средств, необходимых для идентификации личности: именно материальное и социальное положение именуемого являлось главным мотивом в построении антропонимической формулы именованя человека. До X в. имя было главным идентификатором лица, структура антропонимической формулы была однословная. Для идентификации антропонима использовался дополнительный апеллятивный конкретизатор, указывающий на социальное положение, на место проживания, для простых русичей – на профессию. Русская трехчленная система вводится в XVI-XVII вв., а

окончательно складывается только к XIX в. С.И. Зинин обращает внимание на то, что фамилия стала более значимым компонентом [4].

То, что использование этой модели исторически обусловлено и ее появление связано с определенным этапом развития нашего общества, подтверждается тем, что в романе Василия Шукшина «Я пришел дать вам волю», повествующего о событиях крестьянской войны 1667-1671 гг. под предводительством Степана Разина, не выявлено ни одного примера именованя героев по модели «фамилия + имя + отчество».

В зависимости от количества компонентов в антропонимической формуле различаются однокомпонентные (по имени, по отчеству, по фамилии), двухкомпонентные (наименования по имени-отчеству, по имени и фамилии или в сочетании «фамилия + имя») и трехкомпонентные модели («имя + отчество + фамилия» или «фамилия + имя + отчество») названия 3-го лица. Сгруппировав выделенные из анализируемых произведений антропонимические формулы по количеству компонентов, мы получили своеобразную функциональную социостилистическую парадигму наименования, позволившую увидеть приоритет использования одних формул по сравнению с другими в обычном использовании сельских и городских жителей.

Развернутая антропонимическая формула именованя русского человека – это полное трехкомпонентное описательное именоване лица, реализующее максимальную его идентификацию с учетом официальной обстановки, социальной принадлежности именуемого в определенный исторический период времени. Выделенные из анализируемых произведений писателей-«деревенщиков» формулы именованя показали, что сочетание «фамилия + имя + отчество» (далее – Ф+И+О) используется для официального именованя лица, для полной его индивидуализации:

Девочка сказала нет, она Краснобаева, тогда я поинтересовался, куда делся хозяин этого дома – Ширинкин Александр Матвеевич (В. Астафьев. Веселый солдат);

Смотрит (начальник тюрьмы – З.Л.) *раз список заново признанных из районов – тогда густо знали в Архангельск, этап не пустел – что такое: Малышев Артём Михайлович? Неужели Артёмка из родной деревни, с которым в молодости гуляли?* (Ф. Абрамов. За земляков);

Щиблетов Александр Захарович – сорокалетний мужчина, из первых партий целинников, оставшийся здесь, кажется, навсегда (В. Шукшин. Ораторский прием).

Модель Ф+И+О используется писателями для знакомства читателя с персонажами своих произведений, для выделения их из числа других, т.е. в номинативной (назывной) и идентифицирующей функциях, например:

За трудовой книжкой Колька и пришел. Книжку должен был выдать некто Синельников Вячеслав Михайлович, средней жирности человек, с кротким лоснящимся лицом, белобровый, в белом костюме (В. Шукшин. Ноль-ноль целых);

Под «козликом» – шофер, а рядом – молодой еще, в полувоенном костюме, председатель колхоза Прохоров Иван Егорович (В. Шукшин. Живет такой парень);

Из того ружья старик Платоновский в упор застрелил Солодарева Леонида Германовича. Солодарев Леонид Германович был ссыльным в Увалах, потом кулаков зорил. За то и пострадал (В. Астафьев. Перевал).

Для большей индивидуализации используются конкретизаторы в виде названия административной или производственной должности человека, его социального положения, профессии, например:

Был у них сосед – врач Закревский Вадим Ильич, так этим врачом она все глаза протыкала Витьке: «Смотри, как живет человек» (В. Шукшин. Племянник главбуха);

В часы и дни особенно смутные, читал он одну и ту же книжку, подаренную ему профессором Хохлаковым Николаем Михайловичем (В. Астафьев. Печальный детектив);

Председатель колхоза, Цапов Федор Федорович, сидел рядом с Родионовым и хмуро смотрел, как тот въедается в бумаги (В. Шукшин. Любавины).

Трехкомпонентная модель Ф+И+О характерна для делового, официального общения. Приведем отрывок, в котором описывается судебный процесс над персонажем по фамилии Гришаков:

– А в чем дело-то? – Мы хотим услышать это от вас. – Я плохо понимаю. С утра вообще ничего не помнил... С мясником что-то? В магазине? Мне в милиции сказали сейчас... – Вы оскорбили продавца мясного отдела Завалихина Геннадия Николаевича... (В. Шукшин. А поутру они проснулись).

Модель Ф+И+О отмечается в официальных документах. В романе Ф. Абрамова «Пряслины» описывается сцена получения родителями известия о смерти сына:

Егорша разорвал конверт, поднес к глазам маленький серый листок. (...) – «Командование части... с глубокой скорбью извещает, что Ваш сын, гвардии политрук Ставров Василий Степанович, 20 марта, 1942 года...». (...) Хватаясь за стол, Степан Аверьянович добрал до кровати, упал.

В деловой корреспонденции имя адресата, согласно требованиям русского этикета, пишется по формуле Ф+И+О, что отражается в следующем примере:

Бабка взяла лист, вложила в конверт и сама написала адрес: «Москва, Ленинский проспект, д.78, кв. 156. Герою Советского

Союза Любавину Павлу Игнатьевичу. От матери его из Сибири» (В. Шукшин. Сельские жители).

Данная трехкомпонентная модель используется для составления списка людей:

– Нет, значит, людей? – Нету. – Подрезов басовито рыкнул, прочистил горло: – Возьми карандаш. Взяла? Пиши. Первое: Репишная Марфа Павловна. Есть такая? (Ф. Абрамов. Пряслины).

Перед фамилией в данной формуле возможны идентификаторы «товарищ» или «гражданин», например:

Ермолай пригладил заскорузлой темной ладонью жидкие волосы на большой голове, кашлянул и стал писать, навалившись грудью на стол и наклонив голову влево. «Гражданин Новоскольцев Тимофей Макарыч, одна тысяча...» – Он с какого года рождения? – С девяностого. – «Одна тысяча девяностого года рождения, плотник в прошлом, сейчас сидит на пенсии» (В. Шукшин. Критики).

В анализируемых произведениях В. Шукшина модель Ф+И+О представлена 26 примерами:

Байкалова Любовь Федоровна («Калина красная»), Вдовина Матрена Ивановна («Крыша над головой»), Гребенщикова Алла Кузьминична («Суд»), Громов Иван Николаевич, Громов Николай Сергеевич («Брат мой»), Дерябин Афанасий Ильич («Мужик Дерябин»), Доровских Федор Иванович («Пеля Селезнева с факультета журналистики»), Завализин Геннадий Николаевич («А поутру они проснулись...»), Закревский Вадим Ильич («Племянник главбуха»), Излев Петр Емельянович, Кузнецов Егор Степанович, Лукин Сергей Спиридонович, Цапов Федор Федорович («Любавины»), Квасов Анисим Степанович («Земляки»), Кондрашин Геннадий Сергеевич («Мнение»), Коренев Илья Семенович («Энергичные люди»), Кузовников Николай Григорьевич («Выбираю деревню на жительство»), Лизунов Евгений Елизарович («Точка зрения»), Любавин Павел Игнатьевич («Сельские жители»), Малюгин Григорий Степанович («Гринька Малюгин»), Новоскольцев Тимофей Макарыч («Критики»), Прохоров Иван Егорович («Живет такой парень»), Пупков Бронислав Иванович («Миль пардон, мадам!»), Синельников Вячеслав Михайлович («Ноль-ноль целых»), Трухалев Илья Георгиевич («Как Андрей Иванович Куренков, ювелир, получил 15 суток»), Шурыгин Николай Сергеевич («Крепкий мужик»).

В рассказе В. Шукшина «Капроновая елочка» встречается искусственно созданное именование человека по принципу трехкомпонентной модели – *Огурцов Укроп Помидорович* для ухажера, приехавшего из го-

рода к одинокой вдове Нюре Чаловой. В данное именование вложены и издевка, и осуждение, и обида за Нюру, которую, как считает Павел, ухажер-снабженец недостоин:

– «Митя», – передразнил Павел. – Какой же ты Митя? Ты уж, слава те господи, целый Митька. – Огурцов Укроп Помидорович, – зачем-то сказал Федор. И хмыкнул. – До чего ушлый народ! – возмущился Павел. – Залезет вот такой гад в душу с разными словами – и все, и полный хозяин там...

В трилогии Ф. Абрамова «Пряслины» модель Ф+И+О в повествовании о 3 лице встречается 4 раза:

Малышев Артём Михайлович, Ставров Василий Степанович, Лукашин Иван Дмитриевич, Репишная Марфа Павловна.

В анализируемых произведениях у В. Астафьева выделено 6 примеров:

Спицын Феофан Парамонович, Ширинкин Александр Матвеевич («Веселый солдат»); Солодарев Леонид Германович, Верстаков Илья Павлович («Перевал»); Сыроквасова Октябрина Перфильевна, Хохлаков Николай Михайлович («Печальный детектив»).

У В. Распутина ее использование не было выявлено, трехкомпонентная модель представлена другим сочетанием компонентов: И+О+Ф, которое отмечается лишь в трех примерах:

Никита Алексеевич Зотов («Прощание с Матёрой»), Борис Тимофеевич Водников («Пожар»), Иван Демьянович Карнаухов («Слух»).

Трехкомпонентная формула И+О+Ф менее официальна, содержит коннотации вежливости, серьезности, почтительности, сдержанности, употребляется с целью индивидуализации человека, о котором идет речь. Например:

Папа мой (...) был старшим сыном в семье своего отца, Павла Яковлевича. Восемнадцать лет его женили на Лидии Ильиничне Потылицыной, девушке доброй, домовитой, из большой семьи... (В. Астафьев. Бурундук на кресте);

Жил в нашем селе грамотный, деловой, всеми уважаемый человек Илья Иванович Чехов (В. Астафьев. Фотография, на которой меня нет).

У В. Астафьева эта модель представлена, помимо приведенных выше, также следующими примерами (всего 27):

Александр Васильевич Высотин («Карасиная погибель»), Александр Васильевич Высотин («Без приюта»), Виктор Иванович Плохих («Где-то гремит война»), Иван Ильич Потылицын, Михайло Илларионович Зырянов («Заберега»), Александр Николаевич Макаров, Иван Гаврилович Астафьев, Игнатий Лукич Чурин («Веселый солдат»), Корней Аркадьевич Ланцов

(«Пастух и пастушка»), Павел Аркадьевич Спыхальский, Анастасия Поликарповна Корбакова («Курица – не птица»), Иван Тихонович Заплатин, Татьяна Финогеновна Заплатина («Жизнь прожить»), Василий Васильевич Горошкин, Евдокия Ананьевна Горошкина, Валентин Иванович Кропалев, Сергей Апполинарьевич Герасимов («Мною рожденный»); в романе «Печальный детектив» это Адам Артемьевич Зудин, Алексей Демидович Ахлюстин, Арина Тимофеевна Тырыничева, Евстолия Сергеевна Чащина, Маркел Тихонович Чащин, Николай Михайлович Хохлаков, Леонид Викентьевич Сошнин, Викторина Мироновна Царицына.

У В. Шукшина отмечено 20 примеров использования формулы И+О+Ф (примеры приводятся в авторской орфографии):

Агриппина Игнатьевна Веселова («Позови меня в даль светлую»), *Александр Иванович Козулин* («Даешь сердце!»), *Андрей Иванович Куринков* («Как Андрей Иванович Куринков, ювелир, получил 15 суток»), *Андрей Николаевич Голубев* («Пьедестал»), *Аристарх Петрович Кузькин* («Энергичные люди»), *Василий Егорыч Князев* («Чудик»), *Владимир Семеныч Волобцов* («Владимир Семеныч из мягкой секции»), *Георгий Константинович Ваганов* («Страдания молодого Ваганова»), *Марья Ивана Загогулькина* («Точка зрения»), *Михаил Александрович Егоров* («Привет Сивому!»), *Николай Васильевич Ненароков* («Шире шаг, маэстро!»), *Николай Алексеевич Аксенов* («Правда»), *Семен Иваныч Малафейкин* («Генерал Малафейкин»), *Сергей Иванович Кудряшов* («Психопат»), *Сергей Юрьевич* и *Ирина Ивановна Зеленецкие* («Сураз»), *Степан Митрофанович Злобин*, *Галина Петровна Кравченко*, *Елизар Евстигнеич Колокольников*, *Сергей Федорович Попов* («Любавины»).

Использование разговорной формы отчества, например, Евстигнеич, Егорыч и т.п., снижает деловой тон, создает атмосферу непринужденного повествования, например:

Впереди в высоких негнущихся пимах, в новеньком, белой овчины, полушубке шагал предсельсовета – Елизар Евстигнеич Колокольников (В. Шукшин. Любавины).

У Ф. Абрамова в трилогии «Пряслины» формула И+О+Ф представлена тремя примерами в ситуации называния 3 лица:

Федор Капитонович Клевакин, *Федосья Макаровна Ставрова*, *Мария Аверьяновна Худякова*. В других произведениях (8 примеров) это *Петр Гаврилович Худяков*, *Серафим Иванович Яковлев* («Вокруг да около»), *Павлин Федорович Усольцев* («Поездка в прошлое»), *Семен Михайлович Ковригин* («Михей и Ирinya»), *Павел Васильевич Савин* («Последний старик деревни»), *Василий Степанович Латышев*, *Прокопий Алексеевич*

Потанин («Куст рукотворный»), Евгений Федорович Калистратов («Жарким летом»).

Писатель становится рассказчиком, уходит от официальности, свойственной формуле Ф+И+О, заменяя ее на формулу И+О+Ф, например:

Так вот, Семена Михайловича Ковригина я назвал бы образцовым пенсионером (Ф. Абрамов. Олёшина изба).

Отмечается пример называния 3-го лица при представлении посредником:

В приемной, встретившись со знакомой секретаршей, Анфиса почувствовала себя немного уверенней. (...) ...секретарша (...), подведя ее к кучке людей, расположившихся на стульях у окна, полушутя–полусерьезно сказала: – Принимайте в компанию. Анфиса Петровна Минина (Ф. Абрамов. Пряслины).

Трехкомпонентная формула именованья запечатлена в русских народных сказках, глубинными корнями связанных с народными традициями, в которых по модели И+О+Ф называют медведя – *Михаил Иванович Топтыгин*, что нашло отражение в следующем примере:

– Тут зверья всякого. Подождите, завтра начнем косить – еще не то увидите. Сам Михаил Иванович Топтыгин притоптает (Ф. Абрамов. Пряслины).

Таким образом, трехкомпонентная формула не имеет широкого использования в анализируемых произведениях Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина, поскольку не типична для ситуации деревенского общения, где превалирует, согласно проведенному исследованию, двухкомпонентная модель именованья И+Ф и Ф+И. В рассказах В. Шукшина, например, соотношение трехкомпонентной модели к двухкомпонентной равно 10 : 100, а в трилогии Ф. Абрамова «Пряслины» это соотношение составляет 6 : 94. Двухкомпонентная модель отражает обычность идентификации сельского жителя, хотя сочетание компонентов в модели имеет разную степень распространенности: частотность моделей Ф+И и И+Ф, используемых В. Шукшиным (все творчество писателя, кроме романа «Я пришел дать вам волю») соотносится как 10 : 122, а Ф. Абрамовым в трилогии «Пряслины» – как 2 : 77. В 4 повестях, 2 очерках и 10 рассказах В. Распутина это соотношение представлено как 3 : 46, причем, двухкомпонентная модель употребляется только в сочетании И+Ф.

С целью выявления национально-культурного своеобразия существующих в России антропонимических норм был проведен анализ перевода трехкомпонентных и двухкомпонентных антропонимических формул на английский язык рассказов В. Шукшина [5; 6]

Трехкомпонентная модель Ф+И+О, используемая в следующем примере в функции самоименования, была переведена с сохранением последовательности компонентов:

– ...а мне, пожалуйста, сообщите вашу фамилию. – Солодовников Георгий Николаевич (В. Шукшин. Шире шаг, маэстро!). – “and tell us what yer name is”. “Solodovnikov, Georgy Nikolayevich” (V. Shukshin. Step Out, Maestro! Пер. Cook M.).

Однако в большинстве случаев в анализируемых переводах изменяется порядок следования компонентов – фамилия ставится на третье место. Например:

Надо ехать в Образцовку к директору совхоза. Ненароков Николай Васильевич (В. Шукшин. Шире шаг, маэстро!) – “To Obraztsovka, to the farm director, Nikolai Vasilievitch Nenarokov” (V. Shukshin. Step out, Maestro! Пер. Cook M.).

Аналогичные примеры перевода трехкомпонентной модели в рассмотренных переводах следующие:

Гребенщикова Алла Кузьминична (В. Шукшин. Суд) – *Alla Kuzminichna Grebenshchikova* (V. Shukshin. The Fatback. Пер. Smith H.); Пупков Бронислав Иванович (В. Шукшин. Миль пардон, мадам!) – *Bronislav Ivanovich Pupkov* (V. Shukshin. I Beg Your Pardon, Madam! Пер. Smith H.); Кузовников Николай Григорьевич (В. Шукшин. Выбираю деревню на жительство) – *Nikolai Grigorievich Kuzovnikov* (V. Shukshin. A Village to Call Home. Пер. Smith H.).

Такой порядок слов делает восприятие русского именованного более понятным для английского читателя, поскольку для английской антропонимической системы постановка фамилии после имени является нормой, тогда как в русском речевом этикете официальный характер именованного определяется формулой Ф+И+О. Кроме того, британская трехкомпонентная модель имеет иное структурное наполнение. Первым элементом является первое имя (личное имя) в полной форме. Вторым компонентом – среднее имя, которое может даваться в честь родственников, крестного отца или матери, какой-либо выдающейся личности, исторического события или по каким-либо религиозным и другим соображениям [7: 6-7]. Выбор второго имени, таким образом, обусловлен семейными симпатиями, вкусами, интересами и привязанностями, и его опущение не нарушает официального характера именованного, в отличие от русского языка, где присутствие отчества в сочетании с именем и фамилией является обязательным. Перевод трехкомпонентной формулы Ф+И+О двухкомпонентной И+Ф лишает ее национально-культурного своеобразия:

Через неделю старикам пришла телеграмма: «Квасову Анисиму Степановичу. Ваш брат Григорий Степанович скончался двенадцатого. Просим передать. – Семья Квасовых» (В. Шук-

шин. Земляки). – *A week later the old couple received a telegram: "To Anisim Kvasov. Your brother Grigory passed away on the 12-th. He asked us to let you know. Kvasov family"* (V. Shukshin. Men of One Soil. Пер. Daglish R.).

У англичан исторически сложилась двухкомпонентная антропонимическая система: личное имя + фамилия, где первый компонент употребляется в полной или усеченной форме. Двухкомпонентная модель может также состоять из двух личных имен, двух фамильных имен. В русском речевом этикете второй половине XX в. формула И+Ф использовалась применительно к детям, хотя она допустима была в отношении взрослых людей, занимающих определенные должности, например, артистов, писателей, спортсменов. Учителя же, согласно русским этикетным нормам, именуется по имени-отчеству независимо от возраста. Нарушение этикетной нормы отмечается у переводчика Robert Daglish в следующем примере:

В село Ясное приехали по весне два новых человека, учителя: Сергей Юрьевич и Ирина Ивановна Зеленецкие – муж и жена. Сергей Юрьевич – учитель физкультуры, Ирина Ивановна – пения (В. Шукшин. Сураз). – *That spring two new people came to live in the village Yasnoye, Sergei and Irina Zelenetsky, both teachers, husband and wife. Sergei was a physical education instructor, Irina taught singing* (V. Shukshin. The Bastard).

Нарушение этикетных норм и утрата официального характера именованья из-за исключения отчества из состава трехкомпонентной формулы отмечается и в других случаях. Например, имя молодого работника районной прокуратуры *Георгия Константиновича Ваганова* в рассказе В. Шукшина «Страдания молодого Ваганова» передано на английский язык как *Georgy Vaganov* (V. Shukshin. The Sorrows of Young Vaganov. Пер. Cook M.). Неоправданная замена встречается и в переводе рассказа В. Шукшина «Крепкий мужик», где имя бригадира *Шурыгина Николая Сергеевича* передано как *Nikolai Shurygin* (V. Shukshin. The Tough Guy. Пер. Cook M.).

В каждом конкретном случае переводчики сталкиваются с дилеммой – как передать содержание высказывания, не исказив его, и в то же время сделать перевод наиболее понятным для читателя, принадлежащего к иной культуре, сохранив национальные особенности. Все рассмотренные примеры перевода подтверждают национально-культурную специфику русских антропонимических формул, отражающих нормы речевого поведения, принятые русским социумом. Анализ антропонимических моделей показал, какое речевое поведение характерно для русской лингвокультурной общности второй половины XX века в среде обычных представителей сельского и городского населения, а именно: преимущественное использование на бытовом уровне общения двухкомпонентной формулы И+Ф или Ф+И с гипокористическим или

суффиксальным именем на -ка перед трехкомпонентной. Примеры использования антропонимических формул показали, что каждая из них имеет свою сферу употребления и специфику функционирования и определяется степенью официальности / неофициальности, отношением к называемому лицу, возрастом того, о ком повествуется, нормами речевого этикета. На выбор формулы оказывает влияние культурный уровень коммуникантов, местные традиции и языковые особенности, обусловленные экстралингвистическими факторами.

Список литературы

1. Листрова-Правда Ю.Т. Выявление национально-культурной семантики номинативных языковых единиц // Русское слово в лингвострановедческом аспекте. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – С. 4-12.

2. Пахомова С.И. История образования трехчленной антропонимической формулы в русском языке // Историческое развитие языков и методы его изучения: тез. межвуз. конф. (Свердловск 25-27 октября 1988). – Ч. 1. – Свердловск, 1988. – С. 20-21.

3. Короткевич М.А. Формирование антропонимической системы русского языка в XV-XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1996.

4. Зинин С.И. Из истории антропонимических терминов // Антропонимика: сб. ст. / Ред. В.А. Никонов и А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1970. – С. 24-26.

5. Shukshin V. I want to Live. Short Stories. – Moscow: Progress, 1978.

6. Shukshin V. Short Stories. – Moscow: Raduga, 1990.

7. Рыбакин А.И. Словарь английских личных собственных имен : Dictionary of Personal English Names: 4000 имен. – 2-е изд., испр. и доп. / А.И. Рыбакин. – М.: Русский язык, 1989.

ПЕРЕВОД РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: коннотации, межкультурная коммуникация, перевод, реклама, семантика, язык рекламы

connotation, cross-cultural communication, translation, advertising, semantics, advertising language

В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями перевода рекламных текстов в аспекте межкультурной коммуникации. Интеграция информационного пространства ведет к уплотнению информационного потока, изобилию иноязычных культурных продуктов, что делает актуальным анализ особенностей межкультурного восприятия рекламы и сложностей, возникающих при переводе рекламных сообщений. Реклама не только передает информацию о товаре от производителя к потребителю, но и влияет на формирование мировоззрения адресата.

Given clause is devoted to a question connected to features of translation of the advertising texts in aspect of the intercultural communications are considered. The integration of information space conducts to condensation of an information flow, abundance by foreign of cultural products, that does to the urgent analysis of features of intercultural perception of advertising and complexities arising while translating of the advertising messages. The advertising not only transfers the information on the goods from the manufacturer to the consumer, but also influences formation of sight on the world of the addressee.

Интеграция информационного пространства ведет к уплотнению информационного потока, изобилию иноязычных культурных продуктов, что делает актуальным рассмотрение особенностей межкультурного восприятия рекламы и сложностей, возникающих при переводе рекламных сообщений. Массовая культура, приобретая все большее значение в объеме коммуникативных контактов отдельного человека, активно использует образные конструкции, апеллируя к структурам бессознатель-

* Ягодкина Марьяна Валериевна, кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург.

ного, архаическим механизмам мышления. Выполняя функции источника и хранителя информации, язык одновременно является способом выражения накопленного знания и базой для формирования нового.

Процесс глобализации культуры протекает под воздействием новых коммуникативных связей и отношений, которые задаются сферой массовой коммуникации. Это выражается в разрушении исторически сложившихся норм поведения, отходе от национальных культурных традиций и стандартизации ценностей. Происходит не просто разрушение традиционных социокультурных связей, но меняются и сами критерии социальной идентификации. Реклама передает информацию о товаре от производителя к потребителю, и, как неотъемлемая составляющая современных средств массовой информации, влияет на формирование мировоззрения.

Реклама тесно связана с национальной психологией, национальной самобытностью народа, она фиксирует и использует в своих целях традиции и стереотипы. Опираясь на существующие архетипы, язык рекламы манипулирует сознанием адресата, формирует заданный образ. Необходимо отметить, что данный процесс является двусторонним: с одной стороны, язык рекламы опирается на уже существующие особенности вербального отражения реальности, но с другой стороны, он участвует в формировании языковых клише и стереотипов, подталкивает адресата к заранее определенному способу реакции. В связи с расширением межкультурных контактов разных этносов наблюдается тенденция к универсализации и нивелированию национально-специфических особенностей коммуникативного поведения.

Язык служит своеобразным фильтром, позволяющим когнитивной системе отсекалть всё лишнее из опыта, чтобы система не перегружалась и адекватно функционировала. Однако это приводит к тому, что сознание человека игнорирует важные части опыта и, как следствие, формируется обеднённый список альтернатив при решении проблемных ситуаций. Эту особенность эксплуатирует реклама: если *болит голова* – поможет «*Panadol*», хотите чтобы ваши губы были яркими и манящими – помада от «*MaxFactor*», настроение на нуле – чай «*Brook Bond*» и торт «*Причуда*» – когда хочется праздника.

Адекватность перевода рекламного сообщения представляется весьма важной, поскольку «реклама выделяется как наиболее противоречивый и заразительный способ осуществления межкультурной коммуникации в процессе социального взаимодействия в его знаково-символическом аспекте, участвующего в создании, развитии и смене базовых идеалов; выполняет функцию связи между эпохами, народами, регионами и континентами, передавая по наследству и по соседству исторические достижения, накопленные человечеством» [1: 15].

Разные языки по-разному концептуализируют окружающую реальность, что является причиной существования в любом языке слов, которые трудно или невозможно перевести на другие языки одним словом или словосочетанием. В области рекламной коммуникации можно выделить следующие «возможности создания межкультурной рекламы: 1) создание адаптированных рекламных объявлений, в которых чужие культурные элементы заменяются традиционными для данной страны; 2) создание стандартизированных рекламных объявлений, содержащих как можно меньше специфических этнокультурных признаков» [2: 16].

Перевод окказиональных образований составляет особую проблему при переводе. Соответствие в русском языке подобрать сложно, поэтому в большинстве случаев иноязычное окказиональное слово не переводят, при этом, если адресат не знает исходного иностранного языка, то элемент языковой игры полностью исчезает в его восприятии.

Так, не переводится на русский язык название корма для кошек “*Whiskas*”, представляющее собой окказионализм, образованный от слова *whisker* – усы у животных в рекламном тексте «*Ваша киска купила бы “Whiskas”*».

Рекламный текст может и не нуждаться в переводе, но это возможно в том случае, когда сообщение короткое и целевая аудитория владеет иностранным языком на достаточном уровне для понимания. Однако, названия некоторых торговых марок при переводе могут потерять эмоциональное воздействие оригинала за счет утраты ассоциативных связей. Рекламный слоган «*You can, “Canon”*» может быть переведен как «*ты можешь, “Canon”*», но в данном случае при переводе утрачивается словообразовательная связь между словом *can* – «*мочь, быть способным сделать что-либо*» и “*Canon*” – «*тот, кто может сделать*».

При переводе рекламы «в первую очередь, следует обращать внимание на сохранение апеллятивной функции текста в целевой культуре. По возможности, необходимо также суметь сохранить и выбранный имидж рекламируемого товара, и его вербально-визуальное оформление» [2: 4]. Например, создание семантически недопустимого, парадоксального сочетания морфем позволяет сформировать яркий необычный образ, сохранить который можно только при использовании приемов языковой игры. Так, текст «*The orangemostest drink in the world*» был переведен как «*Наипельсиннейший напиток в мире*». В соответствии с правилами современного русского языка образование формы превосходной степени относительного прилагательного «апельсинный» невозможно, но окказионализм позволяет передать рекламную идею наиболее адекватным образом.

Рекламный текст при изменении словесной формы должен точно отражать смысл: «В тех случаях, когда точный перевод представляется почему-либо нежелательным, переводчик пользуется приблизительными по

смыслу фразами, которые обязательно должны учитывать традиционные этнические, национальные и социальные особенности, стереотипы поведения конкретной аудитории, на которую направлена продукция, обозначенная в рекламном тексте» [3: 54].

В процессе перевода рекламных текстов требуется учитывать цель текста, характер потребителя, языковые качества текста оригинала, культурные и индивидуальные возможности языка в культурном аспекте адресата. Наиболее распространённый способ перевода текстов рекламы определяется исследователями как близкий к «адекватному». Такой тип перевода вызван практической необходимостью. Данный подход требует хорошего знания переводчиком предмета, о котором идет речь в оригинале и того, что хотел сказать автор рекламного текста (коммуникативное намерение). Сущность адекватного перевода заключается в использовании замен и соответствий. В случае невозможности передачи в переводе всех элементов оригинала переводчик может прибегнуть к равноценным заменам, благодаря которым в переводе создается равноценный эффект. Такие замены возможны, потому что один и тот же эффект может быть достигнут различными стилистическими средствами и одно и то же стилистическое средство может выполнять различные функции.

Так, при переводе англоязычной рекламы «*Maybe she's born with it. Maybe it's Maybelline*» сохранение аллитерации невозможно, поэтому текст принимает облик: «Все в восторге от тебя, а ты – от «*Maybelline*». Однако, утрачивается намек на «естественность», возможность отсутствия макияжа. Аналогично при переводе широко транслируемой по телевидению рекламы пива «*Carlsberg*»: «*Carlsberg! Probably the best beer in the world*» с английского языка на русский утрачена субъективность оценки качества продукта и адресату навязывается его превосходство перед другими: «*Carlsberg! Попробуй лучшее пиво в мире*».

Реклама виски «*Johnnie Walker*»: «*Taste life*!» была переведена как «*Живи, чтобы было что вспомнить*». В данном случае объект рекламы исключается из семантического поля – можно жить так, чтобы было что вспомнить и без данного напитка. Буквальный же перевод имеет более богатое содержание: «попробуй жизнь на вкус». Ассоциативный ряд в таком случае включает не только «огненную воду жизни», но и идиоматическое выражение «вкус жизни», способом почувствовать который и представляется «*Johnnie Walker*».

Перевод рекламных текстов без должного внимания к семантике слов и особенностям построения предложений может стать причиной логических ошибок. Например, реклама зубной пасты: «*Зубная паста «Aquafresh» восстанавливает трещины на зубах*». В тексте присутствует забавная с точки зрения носителя русского языка информация – рекламируемая паста применяется, чтобы ухудшить состояние зубов:

если в данный момент трещин на эмали и нет, то после применения зубной пасты данной марки трещины непременно появятся, «восстаноятся».

Существенные трудности возникают при передаче прагматического потенциала оригинала. В частности, это связано с переводом в рекламном тексте фактов и событий, связанных с культурой данного народа, различными национальными обычаями и названиями блюд, деталями одежды, особенностями восприятия функциональных коннотаций. Например, реклама кофе «*Ambassador*»: «*Домохозяйкам часто не хватает острых эмоций и новых ощущений, тогда на помощь придет Кофе: Вам знакома стихия страсти? Этот огонь желаний. Водоворот эмоций. Ураган искушений. И всё это сливается в одно страстное чувство, когда ваших губ касается «Ambassador». Кофе «Ambassador» — стихия страсти*». Кофе обладает тонизирующим эффектом – это общеизвестный факт, но в данном случае тонизирующий эффект трансформируется в «огонь желаний, водоворот эмоций, ураган искушений, страстное чувство». Кофе становится не просто напитком, а символом «стихии страсти». Конструированию данного образа способствует и фонетический облик слова «*Ambassador*». Единственное, на что не обратили внимание создатели текста, так это на особенность перевода названия торговой марки. Слово «*ambassador*» в переводе на русский язык обозначает «чрезвычайный и полномочный посол, дипломат, представитель», а семантика этих слов не включает в себя коннотаций «страсть» или «искушение».

В слогане «*Молоко вдвойне вкусней, если это – “Milky Way”*» название шоколадного батончика можно перевести на русский язык и как «млечный путь» и как «молочный путь», при этом, характерное для русского языка полногласное / неполногласное сочетание в корне имеет выраженную смысловоразличительную функцию.

Если экспансия английского языка позволяет русскому человеку достаточно адекватно семантизировать рекламные тексты, содержащие англоязычную лексику, то в ситуации с менее распространенными языками отсутствие перевода может стать причиной вторичной семантизации. Например, в рекламе бульона «*Gallina Blanca*»: «*Не говори «вкусно», говори – «еще вкусней». Не говори «бульон», говори новый куриный «Gallina Blanca». «Gallina Blanca» – теперь еще больше курицы и больше овощей*». В связи с особенностями фонетического облика итальянская торговая марка воспринимается носителем русского языка как сочетание имени и фамилии (женщин по имени «Галина» в России достаточно много) и никак не ассоциируется с «белой курицей».

Похожая ситуация складывается в случае с наименованием лапши «*Doshirak*», которое не вызывает положительных ассоциаций у носителя русского языка и в купе с изображением улыбающейся девушки на упа-

ковке в лучшем случае воспринимается как имя собственное или искусственный набор звуков. Тогда как в Корее это название связано с положительными коннотациями «домашняя лапша» – «лапша как у мамы», «вкусная», «забота». В России же подобными коннотациями обладает словосочетание «бабушкины пирожки». Именно коннотации мешают воспринимать информацию и в переводе на русский язык корейского рецепта приготовления лапши «Doshirak», представленного на сайте provisia.ru/doshirak и, скорее всего, сделанного не носителем русского языка: *«Как вкусно приготовить лапшу: 1) Налить воду в кастрюльку (на 550 мл - 2,5 стакана воды); 2) Вода закипела; 3) Разломить лапшу на две части и поместить в емкость; 4) Варить в течение указанного на упаковке времени; 5) Нарезать зеленый лук, разбить яйцо (по собственному вкусу); 6) Уплетать за обе щеки»*. Однако, если «мамину лапшу» и можно уплетать за обе щеки – есть с аппетитом, удовольствием, то «лапшу быстрого приготовления» – вряд ли. Поскольку почти вся группа продуктов быстрого приготовления получила в России «народное» наименование – «бомж-пакет», указывающее на негативное отношение к вкусовым характеристикам.

Область межкультурной коммуникации характеризуется тем, что ее участники при прямом контакте используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми они пользуются при общении внутри одной и той же культуры. Межкультурная коммуникация предполагает общение, осуществляемое в условиях столь значительных культурно обусловленных различий коммуникативной компетенции его участников, что эти различия существенно влияют на удачу или неудачу коммуникативного события. Трудно надеяться на успех рекламной компании, если название торговой марки будет вызывать у носителей языка не те ответные реакции, на которые рассчитывает производитель товара. Конечно, у адресата могут возникнуть и положительные ассоциации с продуктом, которые производитель не предполагал, но намного чаще можно столкнуться с противоположной ситуацией. Например, слоган рекламной компании финского кофе «*Meira*» – «*Знай Мейру*». Звуковой ряд марки кофе близок к возникающему по ассоциации слову «мера», а выражение «знать меру» легко воспроизводимо в памяти носителя русского языка и связано с самоограничением, что в данном случае важно, поскольку речь идёт о продукте, содержащем кофеин, однако не выгодно для производителя кофе.

В рекламе жевательной резинки «*Новый «Dirol» с тройным действием - это и здоровые зубы, и белоснежная улыбка, и свежее дыхание*» слово «*Dirol*» вызывает в сознании носителя русского языка ассоциации со словами «обдирать, драть», что, в целом, соответствует представлениям о чистоте, но не совпадает с инстинктом самосохране-

ния: одно дело, когда зубы чистые, и совсем другое – когда «ободранные». Значение слова «ободранный» содержит сему «лишение» и в связи с этим не представляется достаточно удачным.

Исследования ученых свидетельствуют о том, что вербальное отражение объективной действительности носит особый, национально ориентированный характер: «какой сеткой координат данный народ улавливает мир и какой космос (т.е. какой строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами» [4: 44]. Стандартизация привлекает рекламодателей, в первую очередь, возможностью сокращения расходов при создании рекламного объявления. Однако культурные особенности в разных странах могут быть достаточно яркими.

Тексты рекламного объявления должны не только содержать информацию о товаре, быть понятными адресату, но и учитывать его лексикон, быть ориентированными на мировоззрение. Адекватное восприятие страноведческих реалий, создает целостную систему представлений о национальных обычаях, традициях, реалиях, позволяющую извлекать из лексики этого языка примерно ту же информацию, что и его носители, и формировать тем самым полноценную коммуникацию. Так, реклама шин «*Ярославский шинный завод – русские шины для русских дорог*» даёт возможность русскому человеку как носителю языка вычленив информацию: шины отличаются качеством и надёжностью, поскольку «для русских дорог» это совсем не то же самое, что для дорог, например, европейских. Языковое сознание жителя Европы не даёт возможности для извлечения аналогичной информации из текста «*английские шины для английских дорог*» или «*шведские шины для шведских дорог*», ведь «традиционно» дороги в России гораздо хуже, чем в Европе, поэтому данная реклама не может быть ориентирована на европейский рынок.

Необходимо отметить сложности, возможные при использовании латиницы в российской рекламе. Например, название продукта при ином начертании может приобрести новый смысл. Название шоколада «*Кузя, друг Аленки*», не переведенное, а просто написанное производителем этого кондитерского изделия на «иностранном ладе», получает новые коннотации для носителя английского языка: «*Kuzya, drug Alenky*» (drug – англ. «наркотик»).

Таким образом, признаком удачного перевода рекламного текста является гармоничное соединение основной рекламной идеи с теми средствами выразительности, которые данной идее наиболее соответствуют и адекватно воспринимаются адресатом – носителем языка. Несмотря на процесс глобализации в области культуры, в тех случаях, когда точный перевод представляется почему-либо нежелательным, приблизительные по смыслу фразы обязательно должны учитывать

традиционные этнические, национальные и социальные особенности, а также стереотипы поведения целевой аудитории.

Список литературы

1. Ноздренко Е.А. Реклама как фактор культурно-исторического процесса последней трети XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Великий Новгород, 2006.

2. Борнякова И.В. Специфика языка рекламных сообщений и их перевода в рамках межкультурной коммуникации (на материале немецкой и русской журнальной рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007.

3. Чаган Н.Г. Реклама в социокультурном пространстве: традиция и современность // Маркетинг в России и за рубежом. – № 2. – 2000.

4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М.: Academia, 1998.

УДК 81'373
ББК 81.033

Ф.Н. Гукетлова*

ЧЕЛОВЕК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ ЗООМОРФНЫХ СРАВНЕНИЙ

Ключевые слова: аниморфологическая единица, зооморфное сравнение, коннотативный потенциал, мифопоэтическая картина мира, образное средство, языковая картина мира

animorphological unit, zoo-morphic comparison, connotative potential, mythopoetic world picture, figurative means, linguistic world picture

Статья посвящена национальной специфике выбора образного средства – человека в аниморфологических единицах. Животные, играя значительную роль в мифопоэтической картине мира, часто берут на себя роль носителей тех или иных качеств человека в языковой картине мира любой культуры: об этом свидетельствует тот факт, что в языках всего мира они используются очень активно в качестве образной характеристики человека и обладают достаточно высоким коннотативным потенциалом.

Zoomorphic culture codes revealing the system of symbols and standards of a national culture are able to bring about specific characters of world perception inherent to language and culture earners. The existence of such codes is universal. However, while maintaining universal features, these codes still have unique national peculiarities.

The article deals with the nation-related specificity of choice of expressive means -- a human in ani-morphologic language units containing a typical, image-bearing, easily interpreted behavioral sign purporting to animals.

Проблемы взаимоотношения языка, культуры и сознания и процессы межкультурного общения занимают одно из важных мест в филологической науке. Поиск новых путей исследований привел к формированию представлений о межкультурной онтологии анализа национальных (этнических) сознаний, когда образы сознания одной национальной культуры анализируются в процессе контрастивного сопоставления с образами сознания другой или других культур соответственно.

* Гукетлова Фатима Наширвна, кандидат филологических наук, Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик.

Сопоставительные лингвокультурные исследования по своей гуманитарной сущности представляют собой разновидность критической лингвистики. Задача состоит в том, чтобы установить системные (причинно-следственные и другие) связи между признаками, составляющими своеобразие той или иной лингвокультуры. Осмысление лингвокультурных различий позволяет увидеть взаимосвязанные смысловые линии в чужой культуре, тем самым, лучше понять такие линии в культуре собственной. В данной статье нами предпринимается попытка изучения зооморфизмов в разноструктурных языках, что способствует формированию лингвокультурологической компетенции. Описание сходства и различия в восприятии мира французским, русским и адыгским (кабардино-черкесский язык) народами через призму ФЕ – компаративов с анималистическим компонентом позволяет увидеть закрепленное в языковой семантике своеобразие культуры этих народов, иное мировидение. Зоонимный код культуры является одним из характерных фрагментов языковой картины мира, хранящим знание о мире и о самом человеке. В отношении исследования языковой картины мира, в особенности, в плане сопоставительного анализа концептуализации мира в различных языках, лингвиста-исследователя интересует не только значение ФЕ, ее внутренняя форма, лексический состав, но и коннотации, ассоциативный комплекс, так как только в совокупности их анализа возможно описание особого видения мира [1].

Фразеологические единицы всегда были одним из интереснейших и непростых объектов лингвистики. С выявлением новой парадигмы исследования, а именно, когнитивно-интерпретационной, начинается изучение фразеологии через призму антропологической парадигмы научных знаний.

Как известно, фразеологизм как знак принадлежит двум семиотическим системам – языку и культуре [2; 3]. Создание соответствия между объективной реальностью и языковым знаком, таким как фразеологизм, имеет тропический характер: пара взаимно несопоставимых значимых элементов, между которыми устанавливаются отношения адекватности, образует семантический троп, лежащий в основе внутренней формы фразеологизма. Специфика создания фразеологизма обеспечивает механизм порождения семантической неоднозначности; значение фразеологизма имеет степень неопределенности в описании действительности [4].

Однако у этого процесса есть еще одно существенное назначение: образ фразеологизма является своеобразным проводником культуры, приводящим к взаимопроникновению этих двух семиотических систем – культуры и естественного языка. И проистекает это из того, что образно-мотивационный компонент фразеологической единицы приобретает культурное созначение, культурную коннотацию, которая придает особый культурный смысл языковому знаку. Именно в таком соотношении

язык и культура обогащают наши представления в процессе уникального пути познания мира.

Наше внимание привлекли фразеологизмы с названиями животных. Животные, играя значительную роль в мифопоэтической картине мира, часто берут на себя роль носителей тех или иных качеств человека в языковой картине мира любой культуры: об этом свидетельствует тот факт, что в языках всего мира они используются очень активно в качестве образной характеристики человека и обладают достаточно высоким коннотативным потенциалом. Мы проанализировали устойчивые сравнительные обороты, передающие «*façon d'agir*» (способ действия) через сравнительный оборот «*comme*» во французском языке, и определили, как, через какой зоонимный образ, это выражается в сопоставляемых с ним разноструктурных языках – русском и кабардино-черкесском, и какие участки объективной действительности, связанные с человеческой личностью и деятельностью, покрываются зоонимной лексикой.

Анализ языкового материала обращает наше внимание на тот факт, что наиболее часто сравнительный оборот «*comme* + зооним» выявляет отношения между людьми в обществе:

(1) **S'accorder (s'entendre, être, vivre) comme (un) chien et (un) chat** → *se disputer sans cesse* (букв.: *договориться* (ладить, быть, жить) *как собака и кот* → постоянно ссориться, не ладить); *рус.* ≈ жить как кошка с собакой; *каб.-черк.* ≈ хьэмрэ джэ-думрэ хуэдэщ (букв.: как кошка с собакой), джэду фІыцІэ я зэхуаку дэжащ (букв.: между ними пробежала чёрная кошка).

(2) **Abattre qn comme un poule** → *tuer sans pitié* (букв. *убить кого-либо как курицу* → убить безжалостно); *рус.* убить (пристрелить) как собаку – безжалостно, жестоко; *каб.-черк.* мэлым хуэдэу фІагъэжащ (букв.: зарезал как барана – безжалостно).

(3) **Egorger comme un mouton** → *tuer sans regret* (букв.: *зарезать как барана* – безжалостно убить); *рус.* прирезать как поросенка (как свинью) – убить безжалостно, быстро, не сомневаясь; *каб.-черк.* ≈ мэлым хуэдэу фІгъэжащ (букв.: зарезал как барана – безжалостно).

(4) **Enterrer comme un chien** → *enterrer sans honneur* (букв.: *зарыть как собаку* → похоронить без почестей); *рус.* ≈ похоронить как собаку; *каб.-черк.* ≈ хьэм хуэдэу щІатІэжащ (букв.: зарыли как собаку).

(5) **Engueuler comme (du) poisson pourri** → *la querelle* (букв.: *ругать как тухлую рыбу* → рассориться, разнести в пух и прах).

(6) **Attraper quelqu'un comme du poisson pourri** → *tomber sur quelqu'un en l'accablant d'injures* (букв.: *поймать кого-либо как*

гнилую рыбу → проклинать, ругать на чем свет стоит; напасть на кого-либо с оскорблениями); *рус.* ≈ накинулся как бешеный (как пес с цепи сорвался); *каб.-черк.* ≈ псори хъэм ирегъэхъ (букв.: посылает всех к собакам – ругает всех подряд).

Архисема – человек как общественное существо. *Сема* – отношения в обществе. *Интегральная сема* – плохие отношения.

Плохие отношения между собой: во всех трех лингвокультурных сообществах совпадает внутренняя форма и содержание (см. пример 1): ссора, вражда, нелады (образ «собака – кошка»).

Плохое отношение к другому человеку: в примерах 2, 3, 4 и в ряде подобных примеров в сравниваемых лингвокультурах внутренняя форма и содержание также совпадают по своим внутренним формам – по языковому выражению и восприятию образного видения (представления) – *ненависть, презрение*. Самобытность и своеобразие ассоциативного мышления мы обнаруживаем в контекстах примеров 5 и 6: *отношение к другому, выраженное поступками, поведением, словами* – скандалить, ссориться, проклинать.

Отношение к чему-либо:

S'en soucier comme un poisson d'une pomme → ne s'en soucier aucunement (букв.: *беспокоиться как рыба в яблоке* → никак не беспокоиться); *рус.* ≈ спокойный как удав; *каб.-черк.* ≈ вьлъэбжьанэ гъэжыджэн (букв.: начищать копыта вола → быть спокойным, медлительным; заставить себя ждать, не беспокоиться о тех, кто ждет).

Sauter comme un crapaud → faire qch sans désir (букв.: *прыгать как жаба* → делать что-либо с неохотой); *рус.* ≈ сонная муха, моль суконная; работа не волк (в лес не убежит); *каб.-черк.* ≈ мацІэ лІэ хуэдэ (букв.: как мертвая саранча) – делать что-либо без желания, неохотно, медленно, безынициативно.

Faire comme les perdrix → dévoiler son défaut en croyant bien le cacher (букв.: *делать как куропатки* → завуалировать (скрыть) ошибку; делать вид, что не было ошибки); *рус.* Образ-зооним не обнаружен; *каб.-черк.* ≈ кхъуэ дэгу зещІ (букв.: делает из себя глухую свинью) – прикидывается, что ничего не понимает, притворяется; и тхъэкІумэ цІэ ирагъэпщхъэ хуэдэ (букв.: как будто в его уши запустили вошь) – делать вид, что не слышит или не понимает, о чем говорят.

Sauter comme un pou dans le goudron → faire qch sans désire (букв.: *прыгать как вошь в смоле* → неохотно делать что-либо); *рус.* ≈ как курица лапой – наряду со значением «писать неразборчиво» отражает в русском языковом сознании «делать что-либо небрежно, без особого желания»; *каб.-черк.* ≈ мацІэ дия хуэдэу (букв.: как застывшая, «замерзшая» саранча) – делать

что-либо очень медленно, без желания, без энтузиазма, как безжизненный,дохлый человек.

Отношения обладания:

S'en soucier comme un chien d'une botte de roses → ne s'en soucier aucunement (букв.: *заботиться о чем-либо как собака об охапке роз* → совсем не беспокоиться); рус. ≈ заботиться, беспокоиться о чём-либо, как о прошлогоднем снеге; ни во что не ставить; плевать на что-либо; *каб.-черк.* ≈ хьэм хуэдэу къимыдзэн (букв.: как на собаку не обращать внимания) – ни во что не ставить; быть абсолютно спокойным. В *каб.-черк. языке*: не воспринимать кого-либо даже как собаку.

При общем семантическом значении имеют различные внутренние формы.

Человек в обществе – общительность / замкнутость:

Vivre comme un lizart → vivre seul, isolement (букв.: *жить как ящерица* → жить одиноко); рус. ≈ жить как сыч – об одиноком человеке, необщительном; *каб.-черк.* ≈ жьындууж хуэдэу (букв.: старая сова) – жить как старая сова, изолированно, одиноко.

Vivre comme une taupe → mener une vie oscétique (букв.: *жить как крот* → жить в полном уединении, замкнуто; вести аскетический образ жизни); рус. ≈ жить отшельником; жить бирюком; живет как крот; *каб.-черк.* ≈ щыгуб нэфым хуэдэу щысыр (букв.: сидит как слепой крот) – замкнуто, одиноко живёт.

Vivre comme un ours → la vie solitaire, vivre retiré (букв.: *жить как медведь* → жить одиноко, замкнуто); рус. ≈ жить отшельником; жить бирюком; как медведь-шатун; *каб.-черк.* жьынду хуэдэу (букв.: как сова) – жить одиноко, быть необщительным.

Интегральная сема – одиночество, замкнутость. *Крот* – одинокий, замкнутый, ведущий аскетический образ жизни, живущий в замкнутом, темном пространстве – совпадает в 3-х сопоставляемых лингвокультурах. *Медведь* – в русском сознании медведь (шатун) скорее без жилья: «бесприютный как медведь», и чаще с медведем ассоциируются физические свойства человека – неуклюжесть, неповоротливость. В кабардино-черкесском языке медведь ассоциируется с «очень полным, толстым человеком» – только физическая характеристика. *Ящерица* – в значении «одиночество» – проявление самобытности ассоциативного мышления французов. В русском языке одиночество передается через образ *сыча*. В кабардино-черкесском языке – через образ *совы*.

Умение / неумение жить:

Etre comme un coq en pâte → se la couler douce (букв.: *быть как петух на откорме* → жить припеваючи); рус. ≈ кататься как сыр в масле; жить как у Христа за пазухой; *каб.-черк.* къуэбэб-

жьэбэ зыхуэщ (букв.: тот, у кого множатся олени) – о человеке, умеющем жить.

Etre heureux comme un chien qui se casse le nez → *heureux comme des bossus* (букв.: *быть счастливым как собака, которая разбивает себе нос* → быть несчастливым, невезучим); *рус.* ≈ ему везет как утопленнику; *каб.-черк.* ≈ насыпыншэр махъшэм тесми хьэ къодзакъэ (букв.: несчастного даже на верблюде собака кусает) – постоянно не везет. Общая негативная оценка.

Etre là comme rat en paille → *se la couler douce* (букв.: *быть как крыса в соломе* → жить припеваючи); *рус.* ≈ в русском языковом сознании «жить в достатке» соответствует «как сыр в масле», «как у Христа за пазухой»; зоонимный образ не обнаружен; *каб.-черк.* и дзыгъуэ лъынэ къокІ (букв.: его мышь жирна) – живет припеваючи, в достатке.

Следует отметить, что в образных зоометафорах, соотнесенных с нерасчлененным аксиологическим концептом «хорошо» (общая позитивная оценка) или «плохо» (общая негативная), как показывает фактический материал, превалируют отрицательные оценочные значения. Что касается группы ФЕ «умение / неумение жить», то в них превалирует общая позитивная оценка.

Однако, даже при такой позитивной оценке зоометафоры невозможно не обратить внимание на сопутствующий оттенок, накладываемый на опорную сему с целью выражения различного рода эмоционально-экспрессивных характеристик (в данных примерах – шутовой и ироничной).

Нетрудно заметить, что совпадение образных сравнений во французском, русском и кабардино-черкесском языках и культурах обнаруживают себя в тех случаях, когда сравнения ориентированы на характерные повадки или широко известные отличительные особенности представителей животного мира, способные отчетливо вызывать в нашем сознании мыслеобразы. Зооморфные сравнения являются следствием воздействия поведения и характера общего первоисточника. Обращаясь к истокам универсальной анималистической символики, подобные совпадения сравнений (они составляют 28–30 % анализируемого фактического материала) рассматриваются в лингвокультурологии как пространственный параллелизм, что обеспечивает адекватную реакцию реципиента.

Потребность в системном подходе изучения зоонимов разных лингвокультурных сообществ ощущается при решении многих частных вопросов лингвокультурологии и проблем межкультурной коммуникации. На наш взгляд, систематизация зоонимов позволит глубже понять и сопоставить социальные нормы поведения, систему ценностей, зафиксиро-

рованную в языке анималистическим компонентом, обладающим высоким коннотативным потенциалом.

Список литературы

1. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах. – СПб, 2006.
2. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
3. Шпетт Г.Г. Внутренняя форма слова. – М., 2003.
4. Ковшова М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования // Вопросы филологии. – № 3. – 2006.

УДК 81'373
ББК 81.033

*Т.Н. Федуленкова, А.Н. Любова**

ПОЛИСЕМИЯ В КОМПАРАТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале английского и русского языков)

Ключевые слова: *компаративная фразеологическая единица, межъязыковая соотнесенность, фразеологическая полисемия, фразеосемантический эквивалент*

comparative phraseological unit, interlanguage correlation, phraseological polisemy, phraseosemantic equivalent

В статье содержится анализ научной литературы по проблеме изучения полисемии компаративных фразеологизмов, предлагается дефиниция полисемантических КФЕ, дифференцируются полные и неполные тождества среди межъязыковых соответствий КФЕ.

The paper deals with review of linguistic literature on the problem of polysemy in comparative phraseological units, suggests a definition of polysemantic comparative phraseological units, specializes full and partial identities among interlingual correspondences of units under study.

Составляя альтернативу метафоре по характеру основания семантического переноса [1], компаративные фразеологические единицы (КФЕ)

* **Федуленкова Татьяна Николаевна**, доктор филологических наук, **Любова Анна Николаевна**, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Северодвинск.

давно являются объектом пристального внимания лингвистов ввиду создаваемых ими ярких живописующих образов и по причине их активности в вербальном моделировании действительности [2].

Анализируя научную литературу, отмечаем, что первые осторожные шаги в изучении компаративной фразеологии были сделаны в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века (Киселева 1956, Широкова 1960, Чернышева 1963), когда сам термин *компаративные фразеологические единицы* еще не имел однозначной трактовки. Первым фундаментальным трудом в отечественной лингвистике по компаративной фразеологии современного английского языка считается диссертационное исследование Н.М. Сидяковой, которая предлагает следующую дефиницию объекту исследования: «... термином *компаративные фразеологические единицы* (КФЕ) обозначаются фразеологические единицы, основанные на сравнении и соотносящиеся с прилагательными, наречиями и модальными словами» [3].

В 70-е и 80-е годы идеи компаративной фразеологии продолжают свое развитие, в основном, на материале немецкого языка (Михайлов 1971, Неведомская 1973, Искандерова 1982). Появляются первые работы по проблемам компаративной фразеологии в германских языках (Глазырин 1972), в немецком и украинском языках (Муница 1975). Восемидесятые и девяностые годы характеризуются интенсивным изучением компаративной фразеологии славянских языков (Кабанова 1986, Николаева 1989, Краевски 1992, Кузнецова 1995 и др.).

Новая волна активности в изучении компаративной фразеологии наблюдается в последнее время. Изучаются проблемы вариантности компаративных фразеологических единиц [4], проблемы трактовки их внутренней формы и гиперо-гипонимические связи внутри КФЕ [5], проблемы синонимии КФЕ [6] и их перевода [7]. Дается характеристика особенностей семантической трансформации компонентного состава английских КФЕ [8]. Появляются работы, связанные с сопоставительным анализом КФЕ языков славянской группы [9], английского и русского языков [10], а также исследования, предлагающие типологическую трактовку компаративных ФЕ в терминах универсалий [11], в терминах изоморфизма и алломорфизма и ситуативного моделирования [12] на материале современных германских языков.

Из 350 диссертационных исследований в области фразеологии за последние двадцать лет не наберется и десятка работ, посвященных изучению парадигматических отношений в системе фразеологии. Изучаются вопросы синонимии глагольных фразеологизмов английского языка (Богоявленская 1994), исследуется синонимия русских ФЕ в сопоставлении с китайскими (Сунь 1998), делаются попытки дифференциации вариантности и синонимии в украинской фразеологии (Неровня 1990), подвергаются анализу антонимико-синонимические парадигмы в

фразеологии русского языка (Волкотруб 1991), рассматриваются проблемы фразеологической омонимии в французском (Строгая 1988) и русском (Павлова 1996) языках, проводится сопоставительный анализ фразеологических антонимов в английском и татарском языках (Марданова 1998). Единственным фундаментальным трудом, посвященным проблеме полисемии в фразеологии является кандидатская диссертация Л.В. Холхоевой, изучающей развитие полисемии глагольных фразеологизмов в языке новоанглийского периода. В этой работе автор приходит к важному выводу о том, что «фразеологическая полисемия образуется путем последовательного и параллельного переосмысления, которое происходит на основе метафорического и метонимического переноса» [13]. Что касается вопросов полисемии в компаративной фразеологии, то они до сего времени не изучались.

В традиционной лингвистике компаративные фразеологические единицы обычно считаются моносемантическими языковыми знаками, т.е. знаками, имеющими одно значение [14]. При этом отмечается возможность существования устойчивых сравнений, обладающих двумя фразеосемантическими вариантами, и подчеркивается крайняя редкость полисемантических компаративизмов.

В нашей работе таксономия многозначности компаративных фразеологических единиц сопоставляемых языков осуществляется с целью обеспечения лингвистических оснований для определения характера их межъязыковой эквивалентности.

В целях описания объекта исследования (КФЕ) будем использовать термин *полисемантические* КФЕ для обозначения компаративных фразеологических единиц не менее, чем с двумя фразеосемантическими вариантами. Вслед за Л.В. Холхоевой, под семантической структурой полисемантической ФЕ мы понимаем «взаимосвязанное и определенным образом организованное единство, состоящее из двух или более значений» [13].

Сопоставительный анализ семантической структуры изучаемых компаративных фразеологизмов показывает, что полные структурно-семантические эквиваленты являются, как правило, моносемантическими, например: англ. *(as) mute as a fish* (meaning: mute, characterized by absence of speech, of a person or animal) (Webster, p. 1493; Seidl, p. 236) – рус. *нем как рыба* (значение: хранящий молчание); англ. *(as) cunning as a fox* (meaning: sly and scheming, esp. in plotting for one's own advantage or in escaping the consequences of wrongdoing) (Cowie, p. 19) – рус. *хитрый как лиса* (значение: хитрый, ловкий, пронырливый человек, лукавый льстец) (Молотков, с. 226); англ. *(as) fat as a pig* (*derogatory, grossly overweighed*) (Cowie, p. 20) – рус. *жирный как боров* (значение: очень толстый, упитанный, неповоротливый) (Ожегов, с. 50) и др.

Полисемантические компаративные фразеологические единицы английского и русского языков могут быть полными тождествами при совпадении их фразеосемантических вариантов, ср.:

(а) англ. *as cold as ice* – meanings: 1) (smth is) very cold, 2) (smb is) very unresponsive (Cowie p. 18) : : рус. *холодный как лед* – значения: 1) (предм.) очень холодный, 2) (чел.) равнодушный, бесстрастный (Ожегов, с. 753);

(б) англ. *as clear as day* – meanings: 1) very clear and light, as though day, 2) obvious, that can be understood easily without further explanation (Cowie, p. 18) : : рус. *ясный как день* – значения: 1) яркий, сияющий, светлый, 2) очевидный, понятный, четкий (Ожегов, с. 796) и др.

В компаративных фразеологизмах этого структурного типа второй компонент выполняет усилительную функцию и в то же время является дифференциатором значения [14].

Неполными тождествами могут быть названы полисемантические компаративизмы одного языка, которые имеют фразеосемантический эквивалент хотя бы для одного из своих значений в другом языке. Так, например, в состав каждого из следующих полисемантических компаративных фразеологизмов английского языка входит один фразеосемантический вариант, имеющий эквивалент в русском языке:

(а) англ. *(as) flat as a pancake* – meanings: 1) very flat, completely flattened, 2) without interest, being a disappointment or anti-climax (Cowie, p. 20) : : рус. *плоский как блин* – значение: с гладкой поверхностью (Ожегов, с. 452);

(б) англ. *(as) clear as crystal* – meanings: 1) very clear, that can be seen through or to the bottom, 2) obvious, that can be understood easily without further explanation (Cowie, p. 18) : : рус. *чистый как хрусталь* – значение: прозрачный.

Среди полисемантических КФЕ английского языка обнаруживаются компаративные фразеологизмы, не имеющие в русском языке эквивалентных фразеологизмов ни в одном из своих фразеосемантических вариантов. Например: *(as) cold as charity* (досл.: холодный как благотворительность) – 1) (smth is) very cold, 2) (smb is) very unresponsive (Cowie, p. 18); *(as) steady as a rock* (досл.: устойчивый как скала) – 1) firm, 2) reliable, 3) loyal; *(as) blind as a bat* (досл.: слепой как летучая мышь) – 1) unable to see, or read, very easily (but usually not completely blind), 2) unable to see, or perceive, smth that is obvious to other people (Cowie, p. 17) и др.

К полисемантическим уникальным компаративным фразеологизмам русского языка относим следующие фразеологизмы (56 КФЕ): *твердый как дерево* – 1) твердый (о затвердевшем обычно мягком или эластичном предмете), 2) твердый, с трудом поддающийся разжевыванию (о неудачных продуктах питания); *длинный как жердь* – 1) длинный; высо-

кий и тонкий, тощий, худой, сухопарый, 2) длинные, тощие, тонкие (о ногах человека); *белые как кипень* 1) белые (о зубах человека), 2) белые (о теле человека), 3) белые (о животном), 4) белые (о предмете) и др.

Обычно в рассматриваемых компаративизмах основание сравнения в первом фразеосемантическом варианте употребляется буквально, а во втором – с определенной семантической трансформацией, чаще всего метафорической, например:

(а) *as dry as dust* – 1) very dry, liable to crumble, 2) very tedious and uninteresting (Cowie p. 20), читаем иллюстрации:

«How long have you had this cake in the cupboard? It's *as dry as dust*, and tastes stale too.»

«How different children's schoolbooks are now from the *dry-as-dust* grammars and manuals of fifty years ago!» (Cowie, p. 20).

(б) *as high as a kite / as high as the sky* – 1) very high, 2) drunk or drugged (Spears R.A. p. 14), см. контекстуальные употребления:

«The tree grew *as high as a kite*.» или «Our pet bird got outside and flew up *high as the sky*.»

2) «Bill drank beer until he got *as high as a kite*.» или «The thieves were *high as the sky* on drugs.»

В этих оборотах значение всей фразеологической единицы является своеобразным сочетанием частично переосмысленного и полностью переосмысленного фразеосемантических вариантов компаративного типа. Полисемия подобных фразеологических единиц тесно связана с полисемией их первых компонентов. Переносное значение некоторых компаративизмов может быть осмыслено по первому компоненту (основанию сравнения), тогда как понимание переносного значения других компаративных ФЕ может быть затруднено из-за неясной мотивации: *as sour as vinegar* (досл.: кислый как уксус) – 1) very sour in taste (очень кислый по вкусу), 2) very bad-tempered, sharp-tongued, unfriendly (неуравновешенный, злой на язык, недружелюбный).

В отличие от английского языка в русскоязычных компаративных фразеологизмах полисемией чаще характеризуется не вся КФЕ в целом, а лишь его объект сравнения: *легок как пробка – глуп как пробка* (Молотков с. 361), *брешет / брехливый как сивый мерин – глуп(ый) как сивый мерин* (Молотков с. 242) и др.

С точки зрения референтной отнесенности, полисемантические сравнения могут обозначать как свойства предмета, так и качества человека и животного, с большим удельным весом антропоцентризма.

Итак, сопоставительный анализ компаративных фразеологических единиц (КФЕ) английского и русского языков показывает, что полисемия исследуемых языковых знаков является одним из основных аспектов фразеологической парадигматики, требующих неуклонного учета при

выявлении и определении видов межъязыковой соотнесенности КФЕ сопоставляемых языков.

Список литературы

1. Fedulenkova T. Isomorphism and Allomorphism of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor // *Phraseology 2005: The many faces of Phraseology: Proceedings of an interdisciplinary conference.* – Louvain-la-Neuve, 2005.

2. Федуленкова Т.Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2006.

3. Сидякова Н.М. Компаративные фразеологические единицы типа «(as) + прилагательное + as + существительное» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967.

4. Попова Е.Ю., Федуленкова Т.Н. Узуальная вариантность компаративных фразеологизмов современного английского языка (к развитию теории компаративизма проф. Н.М. Сидяковой) // *Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* – М., 2004.

5. Попова Е.Ю., Федуленкова Т.Н. Внутренняя форма и гиперогипонимические связи в английской компаративной фразеологии // *Герценовские чтения (Иностранные языки): Материалы межвуз. конф.* – СПб: Российский гос. пед. ун-т, 2006.

6. Шарова А.Н., Федуленкова Т.Н. Синонимы компаративных фразеологизмов в современном английском языке // «*Per aspera*»: Сб. тр. молодых ученых. – Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2001.

7. Федуленкова Т.Н., Шарова А.Н. Проблемы перевода английских компаративных фразеологических единиц // *Перевод: Язык и культура: Материалы международной науч. конф.* – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001.

8. Федуленкова Т.Н., Попова Е.Ю. Особенности семантической трансформации компонентного состава английских компаративных фразеологических единиц // *Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире: материалы междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. В.Д. Аракина.* – М.: Прометей, 2004.

9. Холманских И.В. Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом (на материале русского и болгарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2000.

10. Lyubova A. Comparative analysis of English and Russian adjectival phraseological units // *Collocations and Idioms 1: Abstracts of The First Nordic Conference on Syntactic Freezes.* – Joensuu: University of Joensuu, 2006.

11. Терентьев А.В. Адъективные компаративные фразеологические единицы как языковая универсалия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1997.

12. Федуленкова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм компаративизма в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков) // *Lingua mobilis*: Науч. журнал. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – № 1(1).

13. Холхоева Л.В. Развитие полисемии глагольных фразеологизмов в языке новоанглийского периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994.

14. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., перераб. – М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.

УДК 81.373.47

ББК 81.003

С.С.Тахтарова*

ОБ ЭМОТИВНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ СМЫСЛАХ КОММУНИКАТИВНОГО СМЯГЧЕНИЯ

Ключевые слова: интенции, коммуникативное смягчение, митигация, оценочные речевые акты, экспрессивность, эмотивная коммуникация

intentions, communicative reducing, mitigation, estimating speech acts, expressiveness, emotive communication

Статья посвящена коммуникативно-прагматическому анализу экспрессивного и эмотивного компонентов высказываний, содержащих смягченную оценку. Оценочные высказывания, вербализующие стратегии коммуникативного смягчения, характеризуются особой экспрессивностью, выражающейся в том, что эксплицитное смягчение оценочной иллокуции ведет к усилению имплицитной фатической интенции, направленной на создание позитивной тональности общения.

The article devotes to the pragmatical analysis of expressive and emotive components in the utterances with the mitigating evaluation. This utterances have a special art of expressivity, namely intensification of implicite phathic intension through explicite mitigation of evaluative illocution.

Для современной лингвистической науки характерно активное развитие коммуникативно-прагматической парадигмы, в которой особое место занимает языковая личность говорящего субъекта с его интенциями, мотивами, эмоциями, установками, в его взаимодействии с окружающим миром. Как справедливо отмечает Т.Е. Владимирова, «лингвистические исследования становятся сегодня своего рода философским размышлением о человеке, раскрывающемся в диалогических отношениях с другими» [1]. Изучение различных аспектов личности homo loguens во всем многообразии ее проявлений в коммуникации закономерно привело к вовлечению в сферу исследовательского интереса не только новых, ранее не рассматриваемых, аспектов коммуникации, но и к переосмыс-

* Тахтарова Светлана Салаватовна, кандидат филологических наук, Волжский гуманитарный институт Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Волгоградская область.

лению тех лингвистических явлений, изучение которых имеет давнюю традицию. К последним по праву можно отнести феномен экспрессивности.

Несмотря на то что экспрессивность относится к числу лингвистических понятий, трудно поддающихся точному и строгому определению, что обусловило существование различных трактовок данного феномена в лингвистике [2], в большинстве работ по проблемам экспрессивности подчеркивается целенаправленная сущность последней при выражении эмоций и ее воздействующая функция, направленная на адресата [3]. Указанное воздействие на адресата планируется говорящим в соответствии с теми интенциями, которые последний реализует в коммуникативном контакте. Таким образом, в отличие от семантического направления в исследовании экспрессивности, ориентированного на изучение содержательного аспекта экспрессивных средств языка, коммуникативно-прагматическая парадигма позволяет рассмотреть экспрессивность как реализацию интенциональных характеристик речи, в тесной взаимосвязи с говорящим субъектом и общим контекстом протекания коммуникативного контакта.

Известно, что осуществление говорящим определенного воздействия на адресата, средством достижения которого служат языковые знаки, отбираемые адресантом в процессе развертывания интеракции, является одной из основных характеристик коммуникации [4]. Проблема речевого выбора говорящим наиболее адекватных языковых средств, обеспечивающих эффективность коммуникативного контакта, определяет необходимость рассмотрения таких аспектов интеракции, как мотивы и интенции субъекта общения, его отношение к адресату, а также тех параметров ситуации общения, которые влияют на успешность коммуникации, среди которых одну из ведущих ролей играют эмоциональные состояния обоих интерактантов. В связи с этим вполне обоснованным представляется прагматический подход к определению экспрессивности, который предполагает изучение языковых способов достижения экспрессивного эффекта как реализации некоторой иллокутивной силы, в основе которой лежит эмотивная интенция адресанта [5].

В психолингвистике выделяется два вида интенций – интенции первого и второго уровней. Первичная интенциональность, рассматриваемая как побудительная тенденция к говорению и вербализации своих мыслей, присуща всем говорящим и является по сути эгоцентричной, т.е. это стремление говорящего «выговориться». Эгоречевое поведение является, как правило, неприятным для окружающих и воспринимается как неумение вести себя в обществе, контролировать свои эмоции. Интенции второго уровня социальны, включены в процесс интеракции и предполагают сознательный речевой выбор говорящего, направленный, прежде всего, на реализацию его целей, ближайших и конечных, органи-

зацию речевого взаимодействия таким образом, который бы обеспечил их достижение [6]. Данный вид интенций, определяемых также как коммуникативные, лежит в основе развертывания «большой программы производства речи», конечная цель которой заключается во взаимной регуляции коммуникативного и посткоммуникативного поведения общающихся [7].

Вербальная интеракция в рамках «большой программы» регулируется определенными конвенциями, включающими: правила самого языка (кодовые правила); правила, определяемые принципом Кооперации и принципом Вежливости; паралингвистические правила; правила распределения и смены ролей в общении; правила распределения коммуникативных сфер; правила выбора иллокутивных функций, а также культурные, этические, этнические, религиозные, идеологические нормы и запреты [8].

Вместе с тем, по справедливому замечанию Т.Г. Винокур, «поведение человека не целиком детерминировано социальными условиями его жизни. Существует еще внутреннее, духовное начало, побуждающее его совершить те или иные, в том числе и речевые, поступки» [9]. Индивидуально-личностный аспект мотивационной составляющей речевой деятельности говорящего субъекта находит свое отражение в субъективных компонентах речи, т.е. в тех компонентах высказывания / текста, которые соотносимы с породившим его субъектом [10]. Благодаря присутствию и взаимодействию в высказывании указанных компонентов реализуется выраженное в нем «внутреннее» ментальное намерение говорящего, его ситуативный, коммуникативный, интенциональный смысл. Они соотносят высказывание с текущей ситуацией общения, субъектом сознания, речи и поведения, актуализируют его намерение и отношение к адресату, устанавливают контакт с ним, задают его участие в ситуации и др. Способ выражения субъективных компонентов речи задает дистанцию и стиль общения, показывает отношение говорящего к адресату и предмету речи. К субъективным компонентам речи можно с полным основанием отнести и эмотивно-экспрессивную составляющую интеракции. Таким образом, совокупность конвенционального и индивидуального в речевой реализации коммуникантов формирует стиль коммуникативного поведения, во многом определяющий эффективность интеракции.

В последнее время в лингвистических работах, посвященных проблемам эмотивно маркированной коммуникации, традиционным стало выделение двух типов последней – эмоциональной и эмотивной коммуникации. В основе эмоциональной коммуникации, характеризуемой неконтролируемым, спонтанным проявлением эмоций, без учета реакции собеседника, лежат интенции первого уровня. Эмотивная коммуникация, определяемая коммуникативными интенциями, представляет собой соз-

нательную, контролируемую демонстрацию эмоций [11]. Эмотивная коммуникация ориентирована на собеседника и используется говорящим в стратегических целях демонстрации доброжелательного отношения к собеседнику, предотвращения возможных конфликтов, выполняя, тем самым, социальную функцию гармонизации общения.

Умение адресанта отобрать наиболее адекватные средства для вербализации своих эмотивных интенций, правильно сочетать влияние конвенциональных и субъективных факторов лежит в основе коммуникативной компетенции говорящего субъекта, важной составляющей которой является эмотивная компетенция. Мы солидарны с В.И. Шаховским, отмечающим, что «наше мышление базируется не столько на языке, сколько на субъективных, в т.ч. и эмоциональных, понятиях, которые задаются эмоциональным дейксисом говорящего и его эмоциональным ментальным стилем, входящими в его эмоциональный интеллект» [12]. Эмоции, являясь облигаторным компонентом национального сознания, выступают мотивирующим элементом большинства коммуникативных прескрипций для кооперативной, гармоничной коммуникации. Эмотивная компетенция отражает способность говорящего к эмотивной эмпатии, умение контролировать свои эмоции, выбирая тот способ вербализации последних, который будет адекватен планируемому эмоциональному воздействию и реализуемой «большой программе речи», т.е. определяет возможность «экспрессивной игры» адресанта при репрезентации последним своих интенций.

Вместе с тем, следует отметить, что в рамках одного высказывания крайне редко реализуется только одна интенция говорящего субъекта. Как правило, сама проблема речевого выбора говорящим коммуникативных стратегий, вербализующих его интенции, отражает решение адресанта в пользу того, какая из интенций будет представлена эксплицитно в его высказывании, а какая (какие) будут реализованы косвенно, имплицитно. Этот выбор осложняется тем фактом, что данные интенции зачастую вступают между собой в конфликт. Так, например, говорящему в ситуации критического оценивания адресата приходится выбирать между стремлением к честности и нежеланием обидеть партнера по коммуникации. Речевое решение адресанта в этой ситуации, как правило, оказывается адресатноориентированным, т.е. говорящим выбирается та форма вербализации оценки, которая будет более приемлема для собеседника, например:

- Ты, Марфа, хоть и крупная баба, а *бестолковенькая*.
- Эт почему же? [19].

Использование деривата *бестолковенькая*, содержащего эмотивный суффикс, позволяет говорящему в данной ситуации снизить категоричность негативной оценки и ослабить, тем самым, перлокутивный эффект своего высказывания.

Указанная сложность при вербализации нескольких интенций в рамках одного высказывания не может не отразиться на экспрессивности речевого поведения говорящего. Это особенно ярко проявляется в эмотивно маркированных потенциально «конфликтогенных» ситуациях, к которым относятся, в частности, вербализация позитивных и негативных оценок говорящего самому себе, а также ситуации критики адресата или объектов с ним связанных. В таких ситуациях оценочная интенция говорящего вступает в противоречие с фатической интенцией, направленной на сохранение коммуникативного контакта, а также интенциональной установкой на поддержание благожелательной тональности общения, если, конечно, в интенции адресанта не входит сознательное желание обидеть собеседника и прекратить, тем самым, общение с ним. Как справедливо отмечает М. Кита, в оппозиции максимы качества, предписывающей говорение правды, и правила искренности, с одной стороны, и требованиями вежливости и такта, с другой, побеждает последнее: лучше быть неискренним, чем невежливым [14].

В этой связи особый интерес представляет изучение коммуникативных категорий, обеспечивающих эффективность речевого контакта в вышеназванных ситуациях, осложненных возможными интеракционными рисками. К таким категориям, содержащим в своей структуре стратегии предотвращения и смягчения коммуникативных конфликтов, можно отнести, наряду с категориями вежливости и толерантности, категорию коммуникативного смягчения, определяемую в западной лингвистике термином «митигация».

Митигация (*mitigare* (лат.) – смягчать, ослаблять) понимается нами как коммуникативная категория, основным содержанием которой являются стратегии иллокутивного смягчения, служащие оптимизации речевого контакта. В западной лингвистике митигация (*Mitigation*) рассматривается как синоним смягчения (*Abschwaechung*, *hedges*) в широком смысле слова [15; 16; 17]. Основной прагматической характеристикой митигации является ориентация на «Другого» [18]. На коммуникативной оси «Я – Другой» происходит смещение коммуникативных приоритетов с эгоцентричности на противоположный полюс, что, в свою очередь, определяет особый, митигативный, стиль коммуникативного поведения интерактантов [19]. Учет коммуникативных эспектаций адресата при выборе речевых средств, реализующих интенции говорящего, играют важную роль при достижении говорящим своих целей в коммуникации, что, в конечном итоге, определяет эффективность речевого поведения в ситуациях кооперативного, гармоничного общения.

Исходя из того, что контролируемое проявление эмоций, сознательное регулирование интенсивности вербализации последних характеризует, как указывалось выше, эмотивную коммуникацию, можно

сделать вывод, что митигативно маркированная интеракция, является эмотивной, ориентированной на нахождение компромисса между внутренними мирами собеседников, на установление своеобразного эмоционального баланса.

Вместе с тем, при изучении эмотивных высказываний, репрезентирующих митигативную оценку, закономерно возникает вопрос, ослабляется ли экспрессивный эффект речевого поступка говорящего при эмотивном смягчении или же, как справедливо отмечает В.Н. Телия, «...чем сложнее интенция, в том числе, взаимодействие противоречащих друг другу установок, призванных завуалировать истинное мнение говорящего, тем «ярче» экспрессивность» [20]? Для ответа на этот вопрос проанализируем эмотивно-экспрессивные характеристики митигативной стратегии эмоциональной сдержанности в оценочных речевых актах, традиционно определяемых как «ликоущемляющие» (FTA), т.е. угрожающих коммуникативному имиджу собеседников.

Г.Г. Почепцов, анализируя высказывания, содержащие оценочную нейтрализацию, отмечает, что порядок разрешенной / запрещенной нейтрализации вполне адекватно регулируется общим этикетным принципом, формулируемым следующим образом: речевой облик коммуникантов должен быть сугубо положительным. Однако там, где говорящий немного «обгоняет» собеседника, ему лучше сократить этот «отрыв». В общении имеет место постоянная нейтрализация. Хорошее в говорящем нейтрализуется, чтобы не «обижать» собеседника. Плохое в адресате нейтрализуется, чтобы поддержать его [21]. Однако и отрицательная самооценка содержит угрозу «лицу» адресанта, т.к. является нарушением максимы симпатии, согласно которой говорящий должен стремиться свести к минимуму антипатию между собой и собеседником. Таким образом, потенциальная конфликтогенность указанных РА также вынуждает адресанта при вербализации оценочной иллокуции использовать митигативные стратегии, смягчающие иллокутивную силу высказывания, например:

– Sie koennen reiten? – *Ein bisschen*, – sagte sie, – *nicht besonders gut*. [22].

В данном случае говорящий, молодая девушка, смягчает негативную оценку своих навыков верховой езды, чтобы понравиться собеседнику. Смягчение эксплицитной оценочной интенции призвано в этой ситуации усилить имплицитную фатическую интенцию, т.к. девушка заинтересована в продолжении общения с понравившимся ей молодым человеком. Аналогичный эффект усиления имплицитной интенции, направленной на поддержание коммуникативного контакта и создание благоприятной атмосферы общения, достигаемый за счет внешнего эмотивного смягчения, иллюстрирует следующий пример:

– Ich haette auch lieber ein Kleid angezogen, sagte Tina. – Aber Mama hat auf diesem Hosenanzug bestanden.

– Er sieht *nicht schlecht* aus. [23].

Это фрагмент диалога двух сестер, пришедших на семейный праздник. Одна из них, Тина, не смогла отказать матери и была вынуждена прийти на праздник в брючном костюме, который ей совершенно не идет. Гери, настоявшая на своем в споре с матерью и надевшая эффектное вечернее платье, не хочет расстраивать сестру и поэтому выбирает смягченную оценку наряда сестры – *Он выглядит неплохо*. И хотя обе понимают, что костюм ужасен, Тина благодарна сестре за поддержку.

Таким образом, анализ реализации эмотивной и фатической интенции в высказываниях, содержащих смягченную оценку, позволяет сделать вывод, что экспрессивный эффект далеко не всегда прямо пропорционален интенсивности эмотивного компонента. Экспрессивность митигативных высказываний является результатом комплексного, многопланового взаимодействия явных и имплицитных интенций говорящего субъекта. В ситуациях митигативно маркированной коммуникации, характеризуемой общей установкой коммуникантов на кооперативное, доброжелательное общение, можно говорить об экспрессивности особого плана. Исходя из того, что фатическая установка на поддержание коммуникативного контакта определяет успешность реализации «большой программы» общения, т.е. реализацию не только ближайших, но и конечных интенций говорящего субъекта, можно предположить, что имплицитная интенция, усиливаемая в митигативных высказываниях является основной, т.к. внешнее эмотивное смягчение направлено на реализацию именно этой интенции. Тем самым, эмотивно-экспрессивную специфику митигации в оценочных речевых актах можно определить как усиление имплицитной фатической интенции, реализуемое за счет эксплицитного эмотивного смягчения.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что одна из ключевых интенций, имплицитруемых субъектом в митигативном высказывании – это его благожелательное отношение к адресату, стремление сохранить с ним коммуникативный контакт. Говорящий, используя митигативные стратегии реализации своей оценочной иллокуции, надеется, что адресат правильно поймет намеренную сдержанность оценок и сможет «прочитать» вышеназванную имплицитную интенцию. Иллокутивное смягчение как особая коммуникативная стратегия создает в митигативно маркированной коммуникации особое эмотивное напряжение между эксплицитным ослаблением оценочности высказывания и имплицитным усилением его прагматического смысла. Исследования, посвященные сопоставительному анализу вербализации митигативных стратегий в различных лингвокультурах, имеют не только теоретическое, но и несо-

мненное прикладное значение. Незнание правил ситуативно уместного, социально адекватного коммуникативного поведения, к которым относятся и митигативные прескрипции, создает особый «акцент поведения», который, как справедливо отмечает В.Г. Гак «...может характеризовать иностранца не в меньшей мере, чем чисто языковой» [24]. В связи с этим особое значение приобретает проблема формирования посредством учебной коммуникации митигативной составляющей коммуникативной компетенции говорящего субъекта.

Список литературы

1. Владимирова Т.В. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М.: URSS, 2007.
2. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск: Наука, 1991.
3. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов н/Д.: Феникс, 2007.
4. Тарасов Е.Ф. Теория речевой деятельности: онтология, объект, предмет // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – Москва: Наука, 1990.
5. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Наука, 1991.
6. Ушакова Т.Н. О психологической природе речи // Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. – СПб: Алетейя, 2000.
7. Тарасов Е.Ф. Производство речи: большая программа // Язык. Сознание. Культура. – Москва-Калуга: Эйдос, 2005.
8. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2007.
9. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: URSS, 2005.
10. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: «Academia», 2005.
11. Ларина Т.В. Фатические эмотивы и их роль в коммуникации // Эмоции в языке и речи. – Москва: РГГУ, 2005.
12. Шаховский В.И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Вопросы психолингвистики. – Вып.4. – М., 2006.
13. Шукшин В.М. В профиль и анфас. – Москва: АСТ: Зебра Е, 2006.

14. Кита М. Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка. // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 159-177.
15. Caffi С. Mitigation. – Amsterdam(u.a.): Elsevier, 2007.
16. Fraser В. Conversational mitigation // Juornal of Pragmatics 4, 1980.
17. Langner M. Zur kommunikativen Funktion von Abschwaechungen: pragma- und soziolinguistische Untersuchungen – Muenster, 1994.
18. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998.
19. Тахтарова С.С. Митигативный стиль коммуникативного поведения // Прагмалингвистика и практика речевого общения. – Ростов.н/Д.: ИПО ПИ ЮФОб 2007.
20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Языки русской культуры, 1996.
21. Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. – Киев: Виша школа, 1987.
22. Danella U. Der Sommer des glücklichen Narren – Muenchen: Pavilion Verlag, 2005.
23. Gier K. Fuer jede Loesung ein Problem – Bremen: Luebbe Taschenbücher, 2007.
24. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998.

ФОНЕТИКА

УДК 811.133.1'34

ББК 81ю471.1-1

Е.М. Акулов*

ВОСПРИЯТИЕ АССИМИЛЯТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЗИЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К УДАРЕНИЮ

Ключевые слова: ассимилятивное сочетание, ударение, фонетика французского языка, французский язык, шумный согласный

assimilative combination, stress, French phonetics, French, fricative

Целью данного исследования является описание восприятия ассимилятивных сочетаний французских шумных согласных (смычных и щелевых) в зависимости от позиции к ударению. В исследованиях, проведенных в разные годы, утверждается, что на стыке слов ассимиляция является неполной, в то время как внутри слова ассимиляция является полной, что, однако, не было подтверждено экспериментально.

The present study aims at describing the perception of the regressively assimilated French noise consonants (both stops and fricatives) depending on their position to the stress. Previous studies of this matter have suggested many points of view, practically none of them having been proved experimentally. Across the experiment the present research shows the asymmetrical character of the assimilation. In fact voice assimilation is asymmetrical in that voiceless noise consonants assimilate to a larger extent than voiced noise consonants do. The experiment also shows that the perception of the assimilation may depend on the position to the stress.

Язык, как явление динамичное, изменяется под влиянием как внешних импульсов, находящихся за пределами данного языка (влияние других языков, распад человеческих коллективов, рост производительных сил общества и т. п.), так и под влиянием импульсов, порождаемых функцией языка, его способностью выступать в роли средства общения. Эта мысль высказывалась в свое время младограмматиками. «Подлинной причиной изменений узуса является не что иное, как обычная речевая деятельность» [1].

* Акулов Евгений Михайлович, Санкт-Петербургский государственный университет.

Язык постоянно изменяется, что позволяет поддерживать его механизмы в состоянии коммуникативной пригодности. Тем не менее, идеальное состояние языковой техники никогда не достигается.

Изменчивость языка отражается в разных элементах языкового строя, в том числе в области фонетики; произношение звуков и способ их соединения в формах слов и в речевом потоке составляют один из элементов языковой техники.

В потоке речи неизбежны контакты звуков и их взаимное влияние. Одним из широко распространённых взаимодействий звуков в речевой цепочке является уподобление соседних звуков друг другу, т.е. ассимиляции.

В различных языках мира широко распространена ассимиляция соседних шумных согласных по голосу: допускаются только сочетания соседних глухих или соседних звонких согласных. В современном французском языке подобные сочетания могут появиться, как правило, на стыке слов (иногда внутри слова) в случае выпадения беглого гласного звука [≡]: pas d(e) confiture, une caiss(e) d'arme, cett(e) ville, louv(e)teau. Où êt(e)s-vous? Est-c(e)-vous?

Теоретически возможны подобные сочетания, если первое слово не содержит конечного [ə], например: sept villes, lis d'eau, avec vous, sauf vous, le fils de Pierre, lac gelé, svelte, но в потоке речи такие последовательности чрезвычайно редки.

На протяжении XX века разные исследователи отмечали возможность ассимиляции по голосу первого согласного, но трактовка этого явления была различной и общая картина не была выяснена. Существуют две основные точки зрения по этому вопросу. Одни ученые утверждают, что первый согласный сочетания уподобляется по голосу второму, но сохраняет при этом свою фонемную принадлежность; другие полагают, что в данном случае возникает чередование фонем. Последняя точка зрения отражена в некоторых новейших аутентичных учебниках по французской фонетике [2]. Так, в данном пособии утверждается следующее: «Звонкий согласный заменяется на парный ему глухой. Для этого достаточно, чтобы в потоке речи звонкий согласный оказался в позиции перед глухим. Так, в изолированном произнесении, слово *figue*, произносится /fig/, но в словосочетании *figue séchée* оно произносится /fikse'ʃe/: таким образом, /g/ заменяется на /k/». Однако ни одно исследование не охватывает всю подсистему французских шумных согласных.

В одном из самых последних исследованиях [3] на материале смычных согласных наглядно показано, что ассимиляция во французском языке носит асимметричный характер, выражающийся в том, что ассимиляции больше подвержены глухие согласные перед звонкими, нежели звонкие согласные перед глухими. Однако данное исследование не рассматривает возможность ассимиляции в позиции к ударению, но если принять во внимание тот факт, что французское ударение является фразовым и объединяет слова в так называемые акцентные группы или

фонетические слова, то можно предположить, что внутри фонетического слова в зависимости от положения сочетаний согласных к ударному слогу ассимиляция может проявляться по-разному.

Общеизвестно, что скорость произнесения безударных слогов несколько выше, чем ударных. Таким образом, безударная позиция, являясь благоприятной средой для разного рода комбинаторных явлений, может способствовать и уподоблению согласных по признаку голоса. Это положение было подвергнуто автором настоящей статьи экспериментальной проверке. Эксперимент проводился в Санкт-Петербурге и Москве на материале звукозаписей чтения 80 предложений в исполнении шести дикторов-носителей французского языка (трое женщин и трое мужчин) в возрасте от 25 до 55 лет. В каждом из 80 предложений содержались сочетания согласных в позиции регрессивной ассимиляции. Рассматривалась позиция с ударением на гласном, непосредственно предшествующим сочетанию, например, *soucoup(e) volante* /su-kupib-vɔ-ˈlaɑ:t/ и позиция с ударением после сочетаний согласных, например; *pas d(e) farine* /padit-fa-ˈrin/. Первая позиция считалась позицией ударной, а вторая – безударной. Сочетания были вырезаны из предложений при помощи компьютерной программы “Waveassistant” и подавались на опознание десяти аудиторам французам в виде бессмысленных стимулов (см. таблицу №1). В качестве аудиторов были приглашены 10 носителей французского языка, обладающих нормативным произношением, лишенным характерных диалектальных черт. Аудиторам было предложено прослушать серию стимулов и на слух записать в специальные бланки, что они слышат в предлагаемых стимулах.

Таблица № 1

Примеры словосочетаний и стимулов для предъявления аудиторам

словосочетание	стимул	словосочетание	стимул
1. fêt(e) de Noël	1. ...êt(e) de...	5. cod(e) postal	5. ...od(e) po...
2. (il) pass(e) vite	2. ...ass(e) vi...	6. (il) trouv(e) ça	6. ...ouv(e) ça...
3. soucoup(e) volante	3. ...oup(e) vo...	7. pas d(e) farine	7. ...as d(e) fa...
4. pièc(e) de théâtre	4. ...èc(e) de...	8. louv(e)teau	8. ...ouv(e)teau...

После статистического анализа, проводившегося по критерию знаков, оказалось, что наибольший процент опознания ассимиляции (71%) приходится как раз на сочетания исходно глухого согласного со звонким в ударном слоге, тогда как при сочетании исходно звонкого с глухим в ударном положении ассимиляция опознаётся реже – 41% случаев (см. диаграмму №1). В целом же опознание ассимиляции в ударном слоге составляет 56% при 34% случайных опознаний. Если сравнить опознание ассимилируемых согласных в ударной и безударной позиции (ср. диаграммы №1 и №2), то видно, что в сочетании исходного глухого со звонким ассимиляция происходит чаще в ударной позиции (71% и 56%

соответственно), в сочетании исходного звонкого звука с глухим частота ассимиляции одинакова (41% в ударной позиции и 41% в безударной). Обращает на себя внимание и процент случайных опознаний, который оказался неодинаков для ударной и безударной позиций. Так, в ударной позиции в группе «глухой + звонкий» случайные опознания составили 23% и 52% для группы «звонкий + глухой». В безударной позиции случайные опознания составили 39% для группы «глухой + звонкий» и 54% для группы «звонкий + глухой». В целом случайные опознания для безударной позиции составляют 41%.

Диаграмма № 1

Результаты опознания ассимилятивных сочетаний согласных в ударном слого

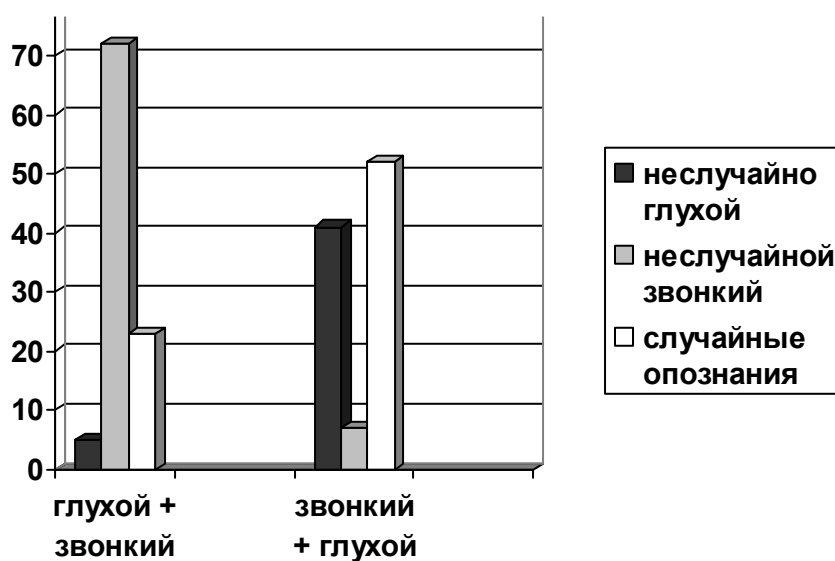
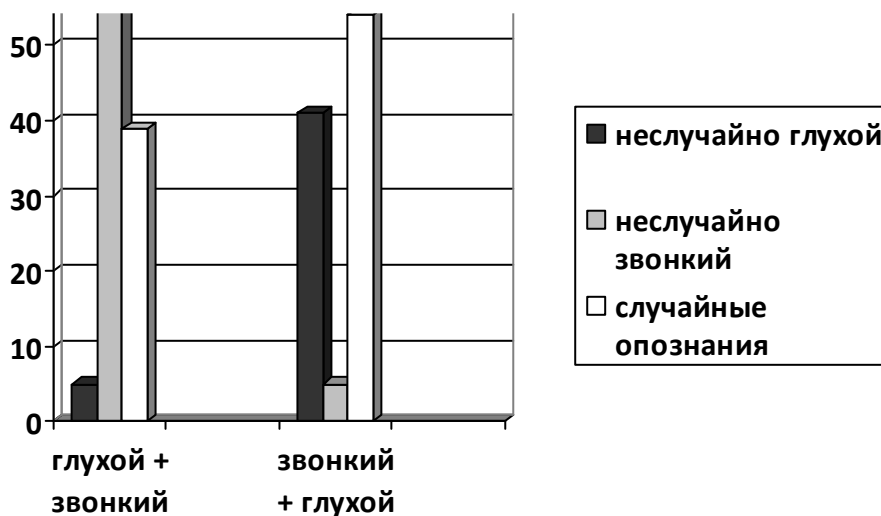

Диаграмма № 2

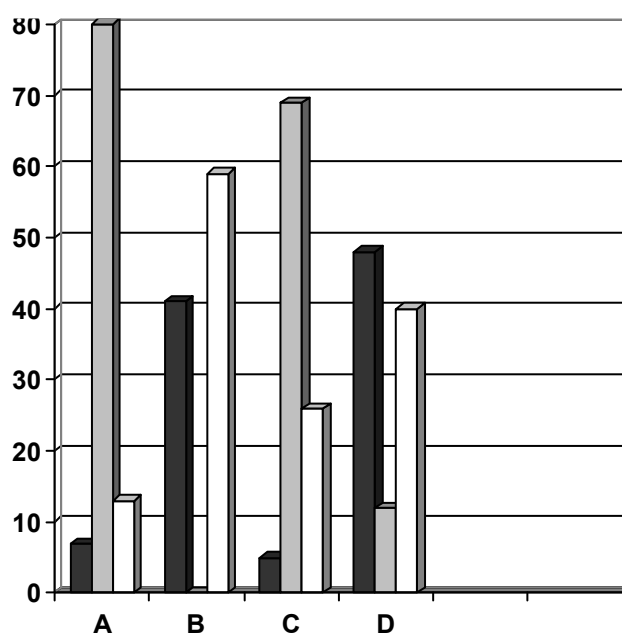
Результаты опознания ассимилятивных сочетаний согласных в безударном слого

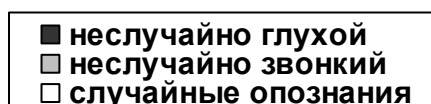
Опознавание ассимиляции в зависимости от положения по отношению к ударению было отслежено также в группах гоморганных и гетероорганных согласных. Результаты представлены на диаграммах № 3 и №4. Видно, что процент опознавания ассимиляции в ударном слоге выше при сочетании гоморганных согласных, чем в безударном и, как уже отмечалось выше, ассимиляции чаще подвергаются глухие согласные.

Диаграмма №3

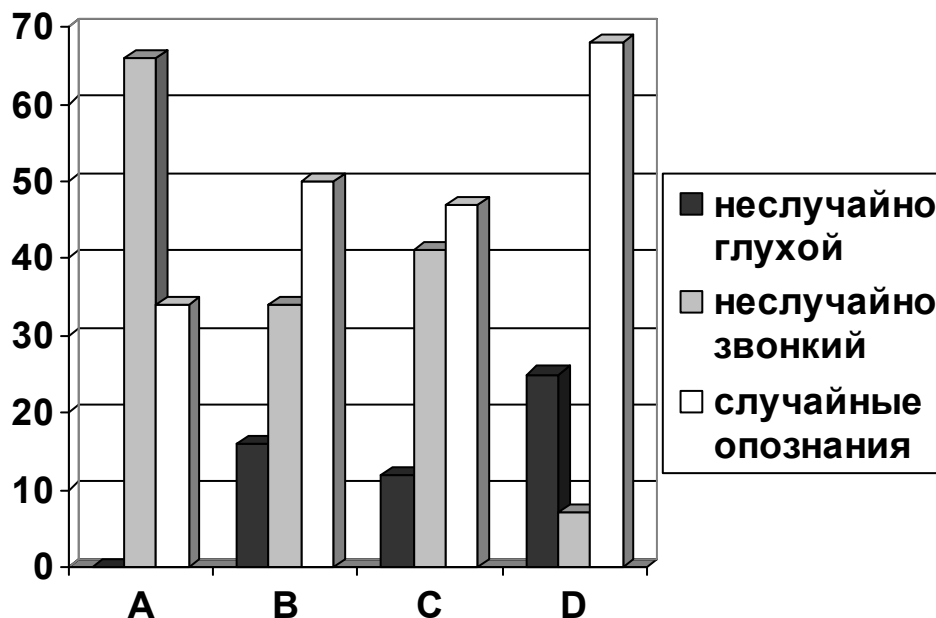
Результаты опознавания ДП «глухость / звонкость» в группах гом- и гетероорганных согласных в ударном слоге

- A – гоморганный глухой + звонкий
- B – гоморганный звонкий + глухой
- C – гетероорганный глухой + звонкий
- D – гетероорганный звонкий + глухой

Результаты опознания ДП «глухость / звонкость» в группах гомо и гетероорганых согласных в безударном слогe

A – гоморганый глухой + звонкий
 B – гоморганый звонкий + глухой
 C – гетероорганый глухой + звонкий
 D – гетероорганый звонкий + глухой

В безударной позиции частота ассимиляции по голосу несколько ниже, чем в ударной позиции, но при этом гоморганые согласные ассимилируются чаще, чем гетероорганые.

Итак, из анализа данных восприятия можно сделать следующие выводы:

1) Ассимиляция по голосу в настоящее время во французском языке широко распространена, при этом, по-видимому, она еще не стала обязательной нормой, как в русском. Возможно, отчасти, это происходит и потому, что артикуляционная аттракция отчетливее проявляется всё же внутри слова, а не на стыке слов.

2) Регулярность ассимиляции зависит от порядка сочетающихся фонем: в сочетаниях «глухой + звонкий» ассимиляция опознаётся чаще, чем в сочетаниях «звонкий + глухой».

3) Ассимиляция чаще происходит в ударном слогe, чем в безударном, что, может быть, несколько расшатывает утверждение о том, что ассимиляция является полной внутри слов, хотя, с другой стороны, слова, содержащие согласные в позиции регрессивной ассимиляции, кото-

рые находились в безударной позиции, опознавались аудиторами как ассимилируемые. Так, к примеру, звук [v] в слове «louveteau» в 65% случаев был опознан как [f], что, в общем, является довольно высоким показателем для звонкого согласного в позиции регрессивной ассимиляции.

Список литературы

1. Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960.
2. Martinie B., Wachs S. Phonétique en dialogues. – Paris, 2006.
3. Snoeren N.D., Hallé P.A., Segui J. A voice for the voiceless: Production and perception of assimilated stops in French. – Journal of Phonetics 34 (2006). – Pp. 241-268.
4. Гордина М.В. Фонетика французского языка. – 2-е изд. – СПб, 1997.

НАШИ АВТОРЫ

Акулов Евгений Михайлович, Санкт-Петербургский государственный университет, eugene-m-akulov@mail.ru

Андреева Валерия Анатольевна, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, valeria_andreeva@rambler.ru

Белоног Оксана Валерьевна, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

Вольский Алексей Львович, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, volskij@mail.ru

Гукетлова Фатима Наширвна, кандидат филологических наук, Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик, fatiguketl@rambler.ru

Зубкова Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, Институт менеджмента, маркетинга и финансов, г. Воронеж, alusha06@list.ru

Куралева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, tatianavk@mail.ru

Любова Анна Николаевна, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Северодвинск Архангельской обл., comparaf@atnet.ru

Малахова Виктория Леонидовна, Белгородский государственный университет, г. Белгород, VMalakhova@bsu.edu.ru

Огнева Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, Белгородский государственный университет, г. Белгород, Ogneva@bsu.edu.ru

Перельман Гертруда Иосифовна, кандидат филологических наук, Российский государственный университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Петрова Елена Серафимовна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, saint-petelena@mail.ru

Сухарева Наталия Павловна, кандидат филологических наук, Череповецкий государственный университет, г. Череповец Вологодской обл., npsucharewa@yandex.ru

Тахтарова Светлана Салаватовна, кандидат филологических наук, Волжский гуманитарный институт Волгоградского государственного университета, г. Волжский Волгоградской обл., alfia@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Северодвинск Архангельской обл., taniafed@atnet.ru

Ягодкина Марьяна Валериевна, кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, YagodkinaM@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

- Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем теории и истории русского языка и литературы, языкознания.

- Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий. Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Arial, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.

- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержит сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196 605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, факультет лингвистики;

- отправить по электронной почте: *E-mail*: vestnik_lgu@list.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Научный журнал

Вестник

Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина

№ 3 (15)

Редактор *Е. В. Дворецкая*
Технический редактор *Н. В. Чернышева*
Оригинал-макет *Е. В. Дворецкой*

Подписано в печать 07.07.2008. Формат 60x840 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11. Тираж 500 экз. Заказ № 325

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а